

Администрация г. Иркутска
Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук
Российская социологическая ассоциация
Иркутское региональное отделение

МОДЕРНИЗАЦИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО И ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов

Научные редакторы:

Т. И. Грабельных, В. А. Решетников

Члены редакционной коллегии:

А. И. Смирнов, А. А. Альмухамедов, В. В. Гаврилюк, В. И. Добренъков, В. В. Зырянов, Д. Д. Невирко, О. В. Нечипоренко, И. И. Осинский, Е. Ю. Семенов, Г. Н. Соколова, Н. А. Саблина, Н. М. Токарская, И. В. Цветкова, В. С. Федчин, В. В. Чернов, Ц. Ц. Чойропов

М74

Модернизация и конструирование стратегий регионального и городского развития : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВПО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных, В. А. Решетников]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. – 299 с.

ISBN 978-5-9624-0563-6

Сборник научных трудов посвящен особенностям конструирования и реализации стратегий регионального и городского развития в условиях модернизации. Концептуальные положения работы были апробированы на Международной научно-практической интернет-конференции «Иркутск: традиции и проектирование будущего» (г. Иркутск, 11–27 апреля 2011 г.).

Авторы акцентируют внимание на уникальности условий модернизации российских регионов и городов и анализе иркутского опыта конструирования стратегий городского развития.

Научное издание предназначено для ученых и специалистов-практиков в области социологии регионального и городского развития, экономики города, а также для всех, кто интересуется особенностями развития современных социальных процессов.

ISBN 978-5-9624-0563-6

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2011

Irkutsk City Administration
Ministry of Education and Science of Russian Federation
Irkutsk State University
Institute of Social Sciences
Russian Sociological Association
Irkutsk regional department

MODERNIZATION AND CONSTRUCTION OF REGIONAL AND MUNICIPAL DEVELOPMENT STRATEGIES

Collection of scientific works

Scientific editors:

T. I. Grabelnykh, V. A. Reshetnikov

Members of editorial board:

A. I. Smirnov, A. A. Almukhmedov, V. V. Gavrilyuk, V. I. Dobrenkov,
V. V. Zyryanov, D. D. Nevirko, O. V. Nechiporenko, I. I. Osinskiy,
E. Yu. Semenov, G. N. Sokolova, N. A. Sablina, N. M. Tokarskaya,
I. V. Tsvetkova, V. S. Fedchin, V. V. Chernov, Ts. Ts. Choirpov

M74   Modernization and construction of regional and municipal development strategies: collection of scientific works / Irkutsk State University; scientific editors : [T. I. Grabelnykh, V. A. Reshetnikov]. – Irkutsk : Irkutsk State University Publishing Office, 2011. – 299 p.

ISBN 978-5-9624-0563-6

This collection of scientific works is devoted to the peculiarities of construction and implementation of regional and municipal development strategies under the conditions of modernization. The conceptual statements of the collection were tested at International scientific and practical Internet-conference “Irkutsk: traditions and projecting of the future” (Irkutsk, 11–27 April 2011).

The authors draw special attention to the uniqueness of the conditions of Russian regions and cities modernization and analysis of Irkutsk experience of municipal development strategies construction.

The collection has a target audience of scholars and specialists in sociology of regional and municipal development, municipal economics, as well as for all those interested in the peculiarities of modern social processes development.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Раздел 1. ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ	
Нечипоренко О. В. Особенности реализации социальной политики в стратегиях регионального развития	12
Грабельных Т. И. Место и роль экспертов в разработке стратегий инновационного развития региона.....	27
Потороченко Н. А. Современные подходы к формированию стратегии инновационного развития региона	39
Цветкова И. В. Социально-трудовой потенциал как фактор регионального развития	53
Тараканов М. А., Гусева М. М. Промышленность Приангарья: область и столица	60
Гусева М. М. Развитие промышленной кооперации в Иркутской области.....	72
Нечипоренко М. А. Местное самоуправление как фактор развития социально-экономического потенциала территории	81
Калдаре В. П. Российские традиции: перспективы использования в социальном управлении (на примере Иркутских предприятий)	87
Иванова Т. Н. Социально-трудовая мобильность молодежи как социально-экономическая проблема: отечественный и зарубежный опыт	96
Истомина О. Б. Иркутская область: миграционные процессы молодежи	105
Журавлёва И. А. Инновационные факторы и императивы открытого образования в обществе, основанном на знании	111
Осинский И. И., Добрынина М. И. Университет и проблемы российской интеллигенции	122
Коробицина Т. В., Невирко Д. Д., Шинкевич В. Е. Состояние наркоситуации и основные направления профилактики наркопотребления в вузах Красноярского края	128
Гимельштейн А. В. Сибирская пресса, общее и особенное: из XIX в XXI век.....	138
Большакова А. А. Молодые города Иркутской области как потенциал освоения Восточно-Сибирского региона и ресурс реализации стратегии пространственного развития России	151

Раздел 2. ПРИОРИТЕТЫ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ И ИРКУТСКИЙ ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

Соколова Г. Н. Город как социальная лаборатория: от классики к современности	168
Решетников В. А. Креативный город как условие кросс-культурных взаимодействий	191
Чойропов Ц. Ц. Город как среда обитания человека и как социальный субъект	196
Чернов В. В. К вопросу о Восточной столице России	202
Альмухамедов А. А. Роль городского сообщества в уникальности конструирования Концепции стратегии социально-экономического развития города Иркутска.....	211
Сечко Н. Н. Качество жизни в городах как приоритетное направление социально-экономического развития	216
Белоусова С. В. Сравнительный ретроспективный и социально-экономический анализ г. Иркутска в среде однотипных городов	225
Антонова Л. Л. Новые стили и традиции взаимодействия Администрации города Иркутска с населением, органами местного самоуправления и бизнесом	233
Карпикова И. С. Стратегические направления развития системы социальной защиты населения и роль крупного города в их реализации	243
Токарский Б. Л., Змановский И. С. Стратегические направления социальной защиты безработных граждан на региональном уровне.....	253
Григорьева Е. И., Меерович М. Г. «Архитектурный генофонд» России (о проекте регенерации исторического квартала № 130)	263
Ткачева М. Л. Скульптура и разломы городского пространства	272
Князюк Н. Ф. Перспективы внедрения интегрированных систем менеджмента в медицинских организациях.....	283
Сведения об авторах	291

CONTENTS

Preface	9
Part 1. PROBLEMS OF CONSTRUCTION AND IMPLEMENTATION OF REGIONAL DEVELOPMENT STRATEGIES IN THE PROCESS OF MODERNIZATION OF RUSSIA	
<i>Nechiporenko O. V.</i> The features of social policy implementation in regional development strategies	12
<i>Grabelnykh T. I.</i> The place and role of experts in working out strategies of innovation development of a region	27
<i>Potorochenko N. A.</i> Contemporary approaches to the formation of regional innovative development strategy.....	39
<i>Tsvetkova I. V.</i> Social-labor potential as factor of the regional development.....	53
<i>Tarakanov M. A., Guseva M. M.</i> Irkutsk region industries. The region and its administrative center	60
<i>Guseva M. M.</i> Industrial cooperation development in Irkutsk region.....	72
<i>Nechiporenko M. A.</i> Local self-government as a factor of development of regional socio-economic potential.....	81
<i>Kaldare V. P.</i> The Russian traditions: use prospects in social management (on an example of the Irkutsk enterprises)	87
<i>Ivanova T. N.</i> Socially-labor mobility of youth as a social and economic problem: domestic and foreign experience	96
<i>Istomina O. B.</i> Irkutsk region: migratory processes of the youth.....	105
<i>Zhuravleva I. A.</i> The innovation factors and the imperatives of open education in a knowledge-based society	111
<i>Osinskiy I. I., Dobrynina M. I.</i> University and the problems of Russian intelligentsia	122
<i>Korobitsina T. V., Nevirko D. D., Shinkevich V. E.</i> Situation considering drugs and the main trends of drug usage prevention at higher educational institutions of Krasnoyarsk Region.....	128
<i>Gimelshtein A. V.</i> The Siberian press, common and specific: from the century XIX into the century XXI.....	138
<i>Bolshakova A. A.</i> Young towns of Irkutsk region as development potential of Eastern Siberia and a resource of Russia space development strategy implementation	151

**Part 2. PRIORITIES IN MODERNIZATION OF RUSSIAN
CITIES AND IRKUTSK EXPERIENCE OF MUNICIPAL
DEVELOPMENT STRATEGIES CONSTRUCTION**

Sokolova G. N. City as a Sociological Laboratory: from Classics to Modernity.....	168
Reshetnicov V. A. Creative town as a space of crosscultural connections.....	191
Choiropov Ts. Ts. City as an environment and a social subject.....	196
Chernov V. V. On the issue of the Eastern Capital of Russia	202
Almukhamedov A. A. The role of municipal community in the uniqueness of the construction of the Conception of the strategy for Irkutsk social-economic development.....	211
Sechko N. N. Quality of Life in Cities as Main Direction of Socio-economic Development.....	216
Belousova S. V. The comparative retrospective and socio-economic analysis of the town of Irkutsk among other towns of the same type	225
Antonova L. L. New styles and traditions of Irkutsk Administration's interaction with the citizens, local authorities and businesses.....	233
Karpikova I. S. The strategic directions for social services system development and the role played by a city in the implementation of these	243
Tokarsky B. L., Zmanovsky I. S. Strategic directions of social protection of the unemployed citizens at regional level.....	253
Grigoryeva E., Meerovich M. «Architectural heritage» of Russia (on the regeneration project for historical quarter #130)	263
Tkacheva M. L. The sculpture and the fractures of the city space	272
Knyazyuk N. F. Perspectives of implementation of integrated systems of management in medical organizations.....	283
Information on the authors	291

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научное издание выходит в год празднования 350-летия города Иркутска и приурочено к данному юбилею. Представленное издание является научным трудом, отражающим вопросы конструирования и реализации стратегий регионального и городского развития в процессе модернизации России. В фокусе внимания исследователей – Иркутск и Иркутская область, проблемы их социально-экономического и инновационного развития с учетом отечественного и зарубежного опыта. Авторский коллектив видит Иркутск не просто Восточной столицей России, но и инновационным креативным городом, городом-лабораторией со своими условиями проживания и технологиями взаимодействия.

Научные работы были структурированы по двум разделам: 1) проблемы конструирования и реализации стратегий регионального развития в процессе модернизации России; 2) приоритеты в модернизации российских городов и иркутский опыт конструирования стратегий городского развития. Материалы прошли широкую апробацию на Международной научно-практической интернет-конференции «Иркутск: традиции и проектирование будущего» (г. Иркутск, 11–27 апреля 2011 г.), других уровнях в рамках городского и регионального пространства.

В процессе обсуждения было выявлено, что Иркутск обладает богатым социально-экономическим и интеллектуальным потенциалом, в городе и области активно реализуются различные инновационные практики. Подготовка данного издания олицетворяет конструктивный диалог между администрацией города Иркутска, Правительством Иркутской области, вузовской и научной общественностью, профессиональным социологическим сообществом.

Слова благодарности хотелось бы сказать всем, кто принял активное участие в организации и проведении Международной научно-практической интернет-конференции «Иркутск: традиции и проектирование будущего», авторам научных статей, всем тем, кто оказал поддержку в создании и публикации сборника. Особо хотелось бы отметить вклад в проведение конференции и издание сборника директора Института социальных наук ИГУ, доктора философских наук, профессора Владимира Алексеевича Решетникова и заместителя мэра – председателя комитета по экономике Администрации города Иркутска Алексея Александровича Альмухамедова. За перевод материалов на английский язык выражаем благодарность Екатерине Викторовне Лесниковской.

PREFACE

This collection of scientific works is devoted to the 350th anniversary of the city of Irkutsk. The paper covers the issues of construction and implementation of regional and municipal development strategies in the process of modernization of Russia. The paper focuses on Irkutsk and Irkutsk region, the problems of their social-economic and innovation development with domestic and foreign experience taken into consideration. The authors view Irkutsk not only as Eastern capital of Russia, but also as an innovative creative city, a city-laboratory with its peculiar living conditions and interaction technologies.

The scientific works were divided into two parts: 1) the problems of construction and implementation of regional development strategies in the process of modernization of Russia; 2) the priorities in Russian cities modernization and Irkutsk experience of municipal development strategies construction. The materials have been widely tested at International scientific and practical Internet-conference “Irkutsk: traditions and projecting of the future” (Irkutsk, 11–27 April 2011) as well as at other levels within municipal and regional space.

As one of the results of the discussion, the conclusion was made that Irkutsk has a rich social-economic and intellectual potential, numerous innovation practices are actively implemented in the city and the region. This paper represents a constructive dialogue between Irkutsk city administration, Irkutsk region government, academic and scientific communities, and professional sociological community.

We would like to thank all those who took active part in organizing and holding International scientific and practical Internet-conference “Irkutsk: traditions and projecting of the future”, the authors of articles, and to all those who assisted in editing and publishing this collection. We would like to specially thank Director of Institute of Social Sciences of ISU, Doctor of Philosophy, Professor Vladimir A. Reshetnikov and Vice-Mayor, Chairman of Committee for Economics of Irkutsk city administration Aleksey A. Almkhamedov. Also, we thank Ekaterina V. Lesnikovskaya for translating the paper into English.

Раздел 1

**Проблемы конструирования
и реализации стратегий регионального развития
в процессе модернизации России**

Part 1

**Problems of construction and implementation
of regional development strategies
in the process of modernization of Russia**

Особенности реализации социальной политики в стратегиях регионального развития

В данной работе рассматриваются теоретические аспекты формирования региональных моделей социальной политики и анализируются следующие факторы, определяющие поле межрегиональных различий в регулировании социальной сферы: 1) стратегия развития институциональной и социально-экономической сфер общества и непосредственные итоги реализации выбранной стратегии; 2) стратегия социальной политики; 3) субъектная основа региональной социальной политики и ресурсный потенциал территорий. На основе данных сравнительных межстрановых исследований (России, Беларуси и Казахстана) выделены две основные парадигмы реформирования институциональной сферы: «эволюционная» и «модернизационная» (т. е. стратегия шоковой терапии), типологические черты которых коррелируют со степенью сохранности административно-командных методов управления. Показаны преимущества и недостатки выявленных стратегий реформирования, анализируются возможности реализации особой региональной парадигмы развития. Анализ стратегии реформирования социальной сферы, реализуемой на государственном уровне, – позволяет выявить существенные черты и основные противоречия социальной политики Российской Федерации, особенности формирования ее региональных и локальных вариаций.

Ключевые слова: социальная политика, стратегия, регион, региональное развитие.

Иркутская область – один из богатейших регионов России. Проблема развития потенциала региона постоянно решается как на федеральном, так и на региональном уровнях. Переход к рыночным отношениям, рост экономической самостоятельности региона и смена парадигмы социального проектирования предъявляют новые требования к стратегии регионального развития. Разработка такой стратегии предполагает решение комплекса проблем: от экономических (трансформации производственной и институциональной структуры региона) до выбора приоритетов и механизмов развития социальной сферы. Любые масштабные преобразования влекут за собой ряд социальных отклонений, что актуализирует необходимость анализа возникающих проблем, и поиска методов и инструментов их решения.

Таким образом, перед регионом, как и перед всем российским социумом стоит задача выбора и апробации наиболее эф-

фективных моделей социальной политики. Необходимость оптимизации этих процессов повышает значимость их научного анализа. Такой анализ может быть осуществлен как сквозь призму теоретических моделей социальной политики, так и на основании изучения тех тенденций, которые характеризуют реальную социальную политику на региональном уровне.

Сравнительный анализ стратегий развития, реализуемых в регионах, целесообразно проводить в контексте основных факторов формирования региональных моделей социальной политики, институциональных, идеологических и политических. Как представляется, модель региональной социальной политики складывается из нескольких наиболее важных элементов: 1) стратегия развития институциональной и социально-экономической сфер общества; 2) непосредственные итоги реализации выбранной стратегии в социальной сфере; 3) стратегия социальной политики; 4) ее субъектная основа; 5) ресурсный, экономический и социальный потенциал территорий.

Во-первых, рассмотрим институциональные и идеологические ограничения, связанные с тем, какая стратегия развития (реформирования) реализуется на государственном или региональном уровне.

Результаты исследований процессов социальной трансформации постсоветского социума, проведенных автором в сотрудничестве с российскими и зарубежными коллегами (из Беларуси и Казахстана), – показывают, что, несмотря на кажущуюся хаотичность и разнонаправленность процессов реформирования постсоветских обществ можно выделить две основные стратегии, парадигмы реформирования, «эволюционную» и «модернизационную» (т. е. стратегию шоковой терапии). Эти стратегии развития коррелируют со степенью сохранности административно-командных методов управления, их типологические черты определяются степенью государственного вмешательства в сферу экономики, государственной политикой в социальной сфере (выбор между модернизационной и эволюционной стратегиями реформ), а также сложившимися отношениями между обществом и государством. Выбор пути осуществления реформ определяет различия в механизмах регуляции трансформационных процессов в каждом конкретном случае, а также различия в содержании переходных процессов.

Особенностью трансформации постсоветских обществ с эволюционным развитием (Беларусь) является сохранение ад-

министративно-командной системы, обладающей такими чертами как: государственная собственность на ресурсы, плановое регулирование производства, распределения ресурсов и доходов, государственный патернализм и автаркия. Для государств, реализующих стратегию «шоковой терапии» (Россия, Казахстан), характерно сокращение уровня и объемов вмешательства в развитие экономической и социальной сферы общества.

Таким образом, основным фактором, определяющим закономерности социальной трансформации общества, является степень государственного вмешательства в сферу экономики, а также стратегия государственной политики в социальной сфере. Государство, осуществляя частичное (иногда весьма значительное) разгосударствление собственности, утверждая равенство всех видов собственности и рыночный механизм регулирования общественного производства, тем не менее, сохраняет определенные позиции в экономике, необходимые для обеспечения социального развития. Однако масштабы приватизации сферы экономики и социальной политики в странах с различными стратегиями реформирования существенно различаются, что очевидно, например, из анализа динамики увеличения доли частного сектора в экономике.

Сторонники шоковой терапии противопоставляют государство рынку. Из этого следует необходимость осуществления радикальной либерализации экономики, как средства создания необходимых условий для инвестиций, накопления капитала и экономического роста. Быстрые изменения в балансе власти и общества при осуществлении «шокового» модернизационного пути развития, должны были быть обеспечены посредством увеличения доли частного сектора, что и произошло в России и Казахстане. Модернизационный путь развития, осуществляемый Россией и Казахстаном, оказался чреват недооценкой значения компенсирующих социальных институтов, что ведет, как показал опыт этих государств, к обострению социальных проблем и резкому снижению уровня и качества жизни основной массы населения.

Эволюционная стратегия реформирования, судя по специфическим особенностям развития белорусского общества, характеризуется следующими признаками.

- Государственное управление экономикой, как сознательное воздействие государства на экономические процессы (их регулирование) – и, в первую очередь, непосредственное управ-

ление государственным сектором экономики; планирование и прогнозирование социально-экономического развития страны.

- Двухсекторная, смешанная экономика (с одной стороны, это рыночный и нерыночный секторы, а с другой – находящиеся в определенном соотношении государственный и негосударственный секторы). Приватизация в Беларуси не стала самоцелью, как это было в России, а рассматривается в качестве средства привлечения стратегических инвесторов и повышения эффективности производства.

- Экономический патернализм. Помощь государства предприятиям разнообразна: предоставление льгот и преференций по таможенным и налоговым платежам, тарифам на энергоресурсы; реструктуризация задолженности перед бюджетом; право самостоятельно распоряжения средствами инновационных фондов и т. д.

- Социальный патернализм государства. Для современной Беларуси естественной является модель управляемой государством и социалистически ориентированной смешанной экономики.

Государственный выбор в пользу социально-ориентированной рыночной экономики, осуществленный в республике Беларусь, наряду с очевидными преимуществами, порождает и ряд проблем, главная из которых – проблема баланса социального и экономического компонентов, так как издержки, сопровождающие внедрение неэкономических ценностей, предполагают потерю экономической эффективности производства. Социально-ориентированная рыночная экономика, как результат государственной социальной политики, реально обеспечивает позитивный экономический процесс улучшения материального положения беднейших слоев населения и уменьшает долю этой страты в обществе. Но, по данным анализа, происходит это за счет перераспределения доходов различных страт, с целью выравнивания их материального положения. Сохранение излишнего числа занятых и относительно низкая цена труда в Беларуси является причиной относительной бедности основной части населения республики, а следовательно, неразвитости потребительского рынка.

Эволюционная модель развития демонстрирует целый ряд преимуществ: высокие темпы роста экономики (происходящий без «сырьевой подпитки», как в России и Казахстане); почти полная занятость экономически активного населения; один из самых низких показателей социальной поляризации. Вместе с тем проведение такой экономической политики приводит к на-

растанию числа убыточных предприятий, росту неплатежей, снижению объемов инвестиций, падению конкурентоспособности экономики.

Население ощущает результаты реформ, прежде всего, в столкновении с социальными последствиями трансформации: расширение масштабов безработицы, изменение доходов и покупательной способности, разрушение прежних государственных социальных институтов, недоступность социально-значимых благ, рост преступности и социальной напряженности.

Одной из самых острых социальных проблем в России, Беларуси и Казахстане оказалась проблема бедности, при этом отличительной особенностью современного этапа развития всех постсоветских обществ является рост экономической бедности, когда работоспособные граждане не могут обеспечить себе социально приемлемый уровень благосостояния из-за низкой заработной платы или задержек с ее выплатой. При этом факторы, генерирующие экономическую бедность, таковы, что само по себе получение работы трудоактивным населением не может служить источником благосостояния по следующим причинам: отсутствие рынка труда в депрессивных регионах и низкий уровень нормативно установленной оплаты труда. В результате, значительная часть населения живет за чертой бедности, даже имея работу. В этой связи бедность, наблюдаемую в России, Беларуси и Казахстане, можно определить, прежде всего, в терминах «экономической» или «рыночной бедности» – т. е. бедности, связанной с местом определенных категорий экономически активного населения на рынке труда.

Другим следствием реформ стала социальная поляризация общества на «очень богатых» и «очень бедных», достигшая в странах, избравших путь «шоковой терапии» критических масштабов. В России и Казахстане разрыв в доходах самых бедных и самых богатых (коэффициент дифференциации денежных доходов населения) увеличился до 11–16 раз, но даже эти показатели государственной статистики большинство независимых исследователей считают заниженными. Современную ситуацию и в России и в Казахстане можно охарактеризовать как ситуацию расслоения на «очень богатых» и «очень бедных». Важнейшей социально-политической проблемой России является возникновение, по сути дела, двухслойного общества. Один слой, представляющий ее верхнюю, поверхностную часть, и другой – отражающий ее реальное внутреннее состояние. Пер-

вый слой – богатая Россия, к ней относится примерно 15 % населения. Эти люди получают 57 % денежных доходов, 92 % доходов от собственности и владеют 85 % всех сбережений, хранящихся в банках. Второй слой – бедная Россия. Это 85 % населения страны, которое получает лишь 8 % доходов от собственности и располагает 15 % всех сбережений. Проблема резкой социальной дифференциации – это, во-первых, проблема экономическая, проблема воспроизводства качественного трудового потенциала, во-вторых, – формирования базы массового предпринимательства, в-третьих, – стимулирования массового спроса как важного двигателя отечественной экономики, в-четвертых, – задача воспроизводства сбережений населения как источника инвестиций.

В странах, выбравших эволюционный путь развития, процессы социальной поляризации общества не столь заметны. В Беларуси, имеющей самую низкую долю частного сектора в ВВП среди постсоциалистических стран, коэффициент дифференциации денежных доходов населения составлял в 2010 г. – 6,1.

Таким образом, в российском, казахстанском и белорусском обществах происходят диаметрально противоположные процессы: наряду с повышением благосостояния общества за счет увеличения ВВП, в России и Казахстане наблюдается тенденция увеличения высоты экономической пирамиды, т. е., увеличение социальной дифференциации, вследствие разницы в денежных доходах различных социальных групп; а в Беларуси – тенденция уменьшения этой высоты (в процессе выравнивания денежных доходов разных социальных групп населения)

И в том, и в другом случае наблюдаемые процессы могут иметь негативные последствия. Чрезмерное вытягивание этой пирамиды, т. е. увеличение социальной дистанции между полюсами дифференциации социальных слоев, ведет к усилению социальной напряженности в обществе и возможным социальным потрясениям. Чрезмерное уплощение этой пирамиды также может иметь негативные социальные последствия, поскольку выравнивание в доходах, собственности, власти, статусных позициях лишает индивида стимула к действию и ведет к формированию экономического поведения, обращенного на удовлетворение частных экономических интересов.

Обобщение и анализ опыта развития стран, реализующих различные стратегии реформирования позволяет разработать методологию общего подхода, основанного на тесной связи ме-

жду темпами экономического роста, стратегиями реформирования государственной социальной политики и социальными тенденциями развития общества – применимо как к анализу социальных процессов, разворачивающихся на уровне отдельных стран, так и на региональном и локальном уровнях.

Конечно, на региональном и тем более локальном уровнях власть обладает гораздо меньшими возможностями для маневра в контексте выбора между эволюционной и модернизационной парадигмой. Однако можно привести примеры попыток создать региональные вариации общероссийской стратегии реформирования. Самый яркий пример – «феномен Тулеева», сущность которого заключается в попытке создать социально сбалансированную модель развития отдельной области, чем-то схожую с белорусской. В конце 90-х гг., когда экономические реформы в России зачастую не были сбалансированы социальными институтами, Аман Тулеев создал в Кемеровской области (в которой массово представлены наиболее проблемные объекты управленческого воздействия – моногорода) некое подобие советской, по сущности патерналистско-редистрибутивной системы социальной поддержки населения. Экономический патернализм, проявляющийся в осуществлении надзорных функций над деятельностью бизнес-структур, контроль над бизнесом, вплоть до замены собственников, поддержка производителей, – главные составляющие политики губернатора Кемеровской области. Система соцподдержки (социальный патернализм), созданная Тулеевым, ориентирована на восстановление опыта, накопленного при социализме, и включила в себя как поддержку инфраструктуры, так и разного рода региональные доплаты к пенсиям, льготы, «бесплатный уголь», продуктовые наборы, подарки роженицам, студентам и ветеранам, субсидии селу.

Тулеевский эксперимент по переходу «отдельно взятого региона» на «белорусский» путь развития показал все возможные недостатки и ограничения данной модели. После практически полной приватизации основы экономики Кузбасса – угледобывающей промышленности – патернализм в экономике понемногу был вытеснен парадигмой социального партнерства: основным инструментом регуляции баланса экономических и социальных аспектов являются соглашения о социально-экономическом сотрудничестве (в которых администрация договаривается с собственниками об объемах и направлениях инвестиций в производство, о создании новых рабочих мест, об

индексации заработной платы, о социальных гарантиях работникам и их семьям, о строительстве жилья, и поддержании объектов социальной сферы). Тем не менее, опыт реализации особой региональной парадигмы развития является весьма спорным. В то время как в докризисном 2008 г. почти все статистические показатели по России приближались к уровню 1990 г., в Кузбассе производство целого ряда товаров здесь составляло от 0 % до 15 % от уровня 1990 г. Средняя зарплата по региону в 2010 г. составила в среднем 83 % от среднероссийской (в 2000 г. – 109 %). В предкризисном 2008 г. в области не было введено в строй ни одной новой больничной койки; в 2006 г. не было построено ни одной школы. В Кемеровской области растет смертность, особенно заметно среди шахтеров, и падает продолжительность жизни [1].

Выбор стратегии социальной политики является не менее важным фактором, чем стратегия реформирования социально-экономической сферы и предопределяет динамику и устойчивость социального развития социума.

В практике стран с развитой рыночной экономикой механизмами, выработанными для регулирования социального неравенства, являются социально-ориентированная политика государства и институты гражданского общества, аккумулирующие наиболее актуальные интересы и запросы различных общественных групп в публичной сфере. Однако в постсоветских странах становление гражданского общества происходит в условиях острого дефицита доверия как к институтам самого государства, так и к формирующимся институтам гражданского общества. Сложность становления гражданского общества в постсоветском социуме заключается, в первую очередь, в том, что массовая бедность пагубно влияет на политическую и гражданскую активность населения. Там, где избыточное социальное неравенство принимает масштабы, препятствующие участию в общественно-политической жизни больших масс населения, возникает феномен «политической бедности», суть которого заключается в отстранении граждан от эффективного участия в демократическом процессе и переходе функции принятия наиболее важных политических и экономических решений из-под контроля общества к узкому кругу правящих элит. В результате, в общественной жизни генерируются две различные тенденции социально-политического развития:

1) авторитаризм (в долговременной перспективе страны с высоким уровнем неравенства тяготеют к авторитаризму);

2) нестабильный «маятниковый» противоречивый курс внешней и внутренней политики государства, обусловленный отсутствием широкой социальной базы власти, противостоянием элит.

В обоих случаях происходит замедление развития экономики, блокируется ее переход к инновационной стадии, создается социальная почва для популистского авторитаризма и экстремизма.

Таким образом, в условиях слабого развития гражданского общества именно социальная ориентированность государственной политики в социально-экономических преобразованиях служит предпосылкой стабильности, благополучия и безопасности общества, а социальная политика выступает инструментом системной трансформации, а высокие темпы экономических и социальных изменений, свойственные переходному периоду, предъявляют жесткие требования к социально-экономической государственной политике, вынуждая постсоветские государства постоянно вырабатывать новые механизмы компенсации социальных издержек трансформации.

Государственное регулирование социальной сферы в переходный период представляет собой сложное сплетение различных моделей социальной политики. Высокие темпы экономических и социальных процессов, свойственные периоду постсоветской трансформации, предъявляют жесткие требования к изменению стратегий социального развития, вынуждая государство в процессе изменения модели социальной политики с патерналистской на субсидиарную прибегать к маятниковой стратегии – т. е. к периодической смене приоритетов и акцентов между стимулирующей (экономической) и стабилизирующей (социальной) функциями социальной политики.

Результаты социологических исследований, осуществленных автором в сотрудничестве с белорусскими и казахстанскими коллегами, показали, что фактором, объясняющим значительную дифференциацию показателей социального самочувствия населения, является разница в выборе стратегий социальной политики. Выявленное в ходе исследования сходство субъективных показателей социального самочувствия в странах, реализующих принципиально различные стратегии реформирования социально-экономической сферы (Беларуси и Казахстане),

свидетельствует о том, что немаловажным фактором стабильности общества является последовательность формирования и реализации курса социальной политики. Второй вывод из этих результатов заключается в том, что соответствие стратегии социально-экономического развития и курса социальной политики является важным фактором стабилизации общества (также как взаимодополняют друг друга модернизационная стратегия реформ и либеральная социальная политика (в Казахстане), или эволюционная стратегия реформ и социальный патернализм белорусской модели).

Наиболее непоследовательной, в свете сравнительного анализа, представляется «маятниковая» модель модернизации социальной сферы, воплощенная в социальной политике России, занимающей промежуточное место между постсоветским патернализмом белорусской модели, и либерально-консервативным курсом реформирования социальной сферы Казахстана. Для развития социальной политики Российской Федерации в наибольшей степени характерна противоречивость, смена идеологий, парадигм и механизмов управления социальным развитием общества.

Руководство Беларуси и Казахстана последовательно осуществляет реформирование в соответствии с курсом, выбранным в первой половине 90-х гг. Беларусь фактически отказалась от системного реформирования социальной политики, место социалистического патернализма занял патернализм постсоветский. Если в Казахстане переход к субсидиарной социальной политике имел место на самых первых этапах трансформации, в первой половине 90-х гг., то в России разработка концепции и стратегии социальных реформ началась в середине 90-х, а окончательное оформление получила только с 2001–2001 гг.

Социальная политика постсоветской России в первые годы после развала СССР характеризовалась попытками сохранить консервативную преемственность в социальной сфере. Данная модель социальной политики, заимствованная из практики регулирования социальной сферы Советского Союза, была направлена на охват социальной защитой практически всего населения и ориентирована на наращивание удельного веса социальных расходов в совокупных расходах государства, в то время как усилия, направленные на повышение эффективности социальных программ, отступали на второй план. Следствием этой патерналистской по своей сути стратегии развития стало превы-

шение социальных обязательств государства над возможностями их финансирования. Неэффективность социальных ассигнований, во многом связанная с неупорядоченностью льгот и неоптимальностью процедур льготирования, поставила в конце 90-х гг. XX в. Россию перед необходимостью перехода к новой модели социальной политики. В России в этих целях были осуществлены налоговая реформа, реформа по монетизации льгот, и предпринят ряд других мер. В основу реформ был положен, во-первых, принцип субсидиарности и связанный с ним принцип предоставления социальной помощи преимущественно в адресной форме, и, во-вторых, – принцип децентрализации функций социальной защиты, «делегирующие» компетенции в этой сфере на региональный и муниципальный уровни управления.

Принцип субсидиарности, на наш взгляд, следует отнести к неолиберальным принципам социальной политики, подразумевающей социальную поддержку для содействия самопомощи и частной инициативе. В идеальной модели субсидиарной социальной политики, большая часть доходов должна оставаться в руках получателей, а не изыматься в виде налогов и взносов на социальные нужды. По мере роста богатства общества и жизненного уровня его граждан потребность в системе социального вспомоществования отпадает, средние и зажиточные слои автоматически лишаются права на всякого рода пособия. Пользователями услуг должны быть только бедные слои населения, нуждающиеся в поддержке. В соответствии с данной моделью социальной политики, функции «субсидиарного» государства в социальной сфере должны сосредоточиться преимущественно на оказании социальной помощи, а также предоставлении ограниченной номенклатуры бесплатных услуг в области здравоохранения и образования той части населения, которая без государственной помощи не может избежать крайней степени нуждаемости и лишилась бы доступа к основным социальным услугам.

Реализация принципа децентрализации предполагает возможность в рамках единого социального пространства на территории страны формировать региональные и муниципальные модели социальной политики, позволяющие оптимизировать социальное развитие территорий с учетом региональной специфики и на основе региональных ресурсов. С реализацией этих принципов связаны активно идущий процесс выделения новых субъектов социальной политики в структуре социальных институтов

общества, определение форм и доли их социального участия и нормативное оформление их деятельности. Правовой основой подобной трансформации было принятие в 2003 г. Государственной Думой РФ федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Реализация принципа децентрализации управления социальной сферой осуществляется путем закрепления за субъектами РФ возможно большего числа полномочий в области социальной политики в совместное ведение и передачи определенных полномочий в непосредственное ведение региональных органов управления, а также путем усиления влияния населения на принятие решений региональными и федеральными органами власти. Следствием децентрализации социальной политики является устранение жесткой административной вертикали в системе управления социальной сферой, ограничение распорядительных функций федеральных отраслевых органов по отношению к региональным и муниципальным и в итоге – замена отраслевого принципа организации системы управления социальной сферой на территориально-отраслевой принцип.

Перенесение центра тяжести в вопросах социальной политики на уровень местных органов власти является в определенном смысле закономерным процессом. В результате реализации данного принципа субъекты РФ получают возможность осуществлять собственную, самостоятельную региональную социальную политику. Децентрализация системы жизнеобеспечения населения способствует повышению ее адресности, т. е. ориентации на потребности конкретных групп, разнообразию используемых инструментов социальной политики, в зависимости от избранных приоритетов и специфики территорий. Это повышает ее эффективность. Перераспределение функций между различными социальными партнерами, в том числе, государством, местными органами власти, различными общественными объединениями, отдельными гражданами – процесс длительный и зависящий от целого комплекса условий. Все это предполагает продуманную последовательную государственную политику.

До сих пор государство практически просто «сбрасывает» социальные функции на региональный уровень. Местные органы власти не готовы принять эти функции в полном объеме и

начинают искать любые выходы из создавшегося положения: от полного отказа от социальных программ до введения необоснованных и неподкрепленных ресурсами местных форм социальной защиты населения. Региональная социальная политика вместо целенаправленности и адресности приобретает стихийный характер.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о двух качественно новых моментах. Во-первых, становится ощутим предел возможностей региональной политики и, соответственно начинают вырисовываться ее контуры на федеральном уровне, и во-вторых, местные органы власти должны вырабатывать свои модели региональной социальной политики.

Одной из проблем может являться наложение и нетипичное сочетание стратегий развития социально-экономической сферы и элементов различных моделей социальной политики разных уровней управленческого воздействия. В рамках регионального социального пространства одновременно реализуются три вида регулятивных воздействий в области социальной политики, определяющих три уровня ее реализации. Во-первых, это федеральная социальная политика, осуществляемая на территории региона, направленная на достижение общегосударственных социальных целей, обеспечение единых минимальных социальных стандартов, на реализацию установленных государством социальных гарантий и соблюдение социальных прав граждан независимо от возможностей региона. Во-вторых, это собственная, самостоятельная социальная политика, осуществляемая органами власти субъекта РФ и негосударственными структурами на территории конкретного региона, ориентированная на максимальный учет специфических региональных социальных факторов и процессов, адаптированная к региональным условиям и возможностям, корректирующая основные направления федеральной социальной политики с учетом местных особенностей в плане их расширения и дополнения и мобилизующая уникальный региональный потенциал для решения социальных проблем. И, в-третьих, это муниципальная социальная политика, осуществляемая органами местного самоуправления на территориях муниципальных образований, входящих в состав данного региона, направленная на реализацию федеральной и региональной социальной политики на местах, на доведение ее до конкретных потребителей с учетом их непосредственных потребностей, специфических особенностей территорий и образа

жизни местных сообществ и позволяющая использовать местный потенциал для расширения спектра федеральных и региональных социальных гарантий и услуг [2, с. 71–78]. Сочетание трех уровней реализации социальной политики на территории отдельных регионов приобретает различные формы.

Наконец, важным аспектом жизнеспособности формируемых региональных моделей социальной политики является соответствие избираемых стратегий развития и реформирования социальной сферы ресурсному потенциалу региона. Ресурсный аспект формирования региональных моделей социальной политики включает в себя не только объективные факторы дифференциации, такие как межрегиональные различия (географические, климатические, экономико-инфраструктурные, финансовые, социально-демографические, социокультурные), но и различия, имеющие существенную субъективную составляющую, к которым в первую очередь могут быть отнесены политико-управленческие факторы (политические ориентации, уровень менеджмента региональной управленческой элиты, степень развитости региональных институтов государственной власти); правовые факторы (уровень оформленности регионального правового пространства, степень развитости региональной правовой базы; социальные факторы (степень развития институтов гражданского общества в регионе, уровень социальной активности, самоорганизации и самодеятельности населения) [3, с. 61–64].

Ресурсный подход открывает возможности для исследования значения различных ресурсов на избираемые стратегии развития, и, наоборот, – воздействие социальной практики на ресурсы, доступные сообществу (т. е. эффективность этих стратегий). Так как ключевым ресурсом деятельности является контроль и организация распределения других ресурсов, использование предложенного подхода позволяет не только оценить эффективность реализуемых стратегий развития, но и качество решений, принимаемых управленческими структурами, дать качественную оценку воздействия этого фактора на параметры развития определенных регионов.

Таким образом, сочетание стратегий социального развития в конкретном регионе, субъектная основа и ресурсные факторы – все это определяет поле межрегиональных различий в социальной сфере и способствует выстраиванию уникальных образцов региональных моделей социальной политики.

Литература

1. Докторов Т. Неискоренимый «Обман Тулеев» [Электронный ресурс]// ВЕК : электронная газ. – Режим доступа: <http://www.wek.ru/articles/politic/245909/index.shtml/page2>, свободный.
2. Быкова Л. Д. Содержательная модель региональной социальной политики / Л. Д. Быкова // Вестн. Омского ун-та. – Вып. 2. – Омск, 1997.
3. Смирнов С. Н. Региональные аспекты социальной политики / С. Н. Смирнов. – М., 1999.

O. V. Nechiporenko

Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

The features of social policy implementation in regional development strategies

This paper concerns the theoretical aspects of formation of regional models of social policy, and also comprises the analysis of the factors, defining a field of inter-regional distinctions in regulation of social sphere. The following factors are analyzed: 1) strategy of development of institutional and social and economic spheres of a society and direct results of realization of the chosen strategy; 2) social policy strategy; 3) a subject basis of regional social policy and resource potential of territories. On the basis of given comparative researches (in Russia, Belarus and Kazakhstan) two basic strategies (paradigms) of reforming of institutional sphere have been identified: «evolutionary» and «modernization» (that is shock therapy strategy), the typological lines of which correlate with degree of safety of command management methods. The advantages and drawbacks of the revealed strategy of reforming are shown, possibilities of realization of a special regional paradigm of development are investigated. The analysis of strategy of reforming of the social sphere is conducted at the state level, and it allows to reveal intrinsic lines and the basic contradictions of social policy of the Russian Federation, the features of the formation of its regional and local variations.

Keywords: social policy, strategy, region, regional development.

Место и роль экспертов в разработке стратегий инновационного развития региона

В статье речь идет о смене модели развития экспертного сообщества и экспертной деятельности. Аргументируется, что в современных условиях требуют глубокого осмысления и анализа новые экспертные практики в различных сферах и отраслях, преимущественно, в части экспертного сопровождения разработки и реализации стратегий инновационного развития региона. Новый вектор развития экспертного сообщества, повышение роли экспертов связываются как с новыми реалиями, определяющими предмет проведения экспертизы и выбор экспертных методов и критериев оценки, так и с изменением характера и содержания самой экспертной деятельности.

Ключевые слова: эксперт, экспертное сообщество, экспертиза, стратегия, инновационное развитие, город, регион.

В современных условиях кардинально меняется модель развития экспертного сообщества и экспертной деятельности. Во многом, это происходит благодаря переструктурированию и появлению новых полей экспертной деятельности. Появляются новые «экспертные ниши». Требуют осмысления и анализа новые экспертные практики в различных сферах и отраслях, преимущественно, в части экспертного сопровождения управленческих решений всех уровней, экспертной поддержки социальных, научных, инновационных проектов, инициатив, реализации методов экспертной оценки предпринимательской деятельности и др. Новый вектор развития экспертного сообщества, безусловно, связывается как с новыми реалиями, определяющими предмет проведения экспертизы и выбор экспертных методов и критериев оценки, так и с изменением характера и содержания самой экспертной деятельности. Существуют разные векторы рассмотрения данного процесса.

Так, в 2008–2009 гг. в Иркутской области Социологической лабораторией региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет» было проведено комплексное социологическое исследование в рамках подготовки Доклада «О состоянии гражданского общества в Иркутской области. 2008 год» [1]. Нами была обоснована необ-

ходимость введения в структуру доклада такого раздела как «Специфика экспертного сообщества и его роль в развитии гражданского общества в Иркутской области». Это было первое, и пока единственное, исследование в Иркутской области, затрагивающее специфику экспертной деятельности, место и роль экспертов в разработке стратегий развития региона (в том числе, инновационной направленности). При рассмотрении обозначенного круга проблем и тенденций было выделено три аспекта вопроса:

- Эксперт и экспертное сообщество: основные критерии и специфика деятельности.

- Структура экспертного сообщества региона. Влиятельные экспертные группы и их роль в формировании гражданского общества.

- Приоритетная сфера экспертной деятельности в Иркутской области и основные направления ее развития.

Как показало проведенное исследование, в настоящее время возрастает роль экспертов в формировании и развитии гражданского общества. В понимании населения (использован метод анкетирования, объем выборочной совокупности составил 1100 чел., статистическая погрешность не превышает 3 %) и экспертов (три группы экспертов, всего – 296 чел.), «эксперт» – это прежде всего «высококвалифицированный специалист, который убеждает общество в благотворности или опасности того или иного решения». Выявлено, что на современном этапе развития Иркутской области экспертное сообщество пока не сформировано, но процесс его формирования идет. По данным исследования, есть основания сделать вывод, что формирование гражданского общества в Иркутской области и формирование экспертного сообщества неразрывно взаимосвязанные социальные процессы, имеющие целый ряд отличительных общих характеристик, одной из которых выступает необходимость объединения людей по социально-профессиональным признакам. Между тем, понимание населением роли экспертов в формировании гражданского общества и влияние экспертов на население на текущий момент прослеживается слабо. Обращаем внимание на данное обстоятельство, поскольку в обратной взаимосвязи экспертов с населением, обеспечивающей единую социальную основу, видится гарантия более эффективной разработки и реализации стратегий инновационного развития региона.

Также в этот период было выявлено, что палитра мнений относительно структуры экспертного сообщества в Иркутской области многообразна, причем она функционирует с элементами функциональной направленности (на примере экспертов от некоммерческого сектора они проявились в наибольшей степени). Из реально действующих экспертов всеми группами опрошенных выделяются: руководители органов государственной власти регионального уровня, ученые с мировым именем, известные общественные деятели Иркутской области. Очевидно, что экспертный потенциал многих ведущих социальных групп в Иркутской области мог бы быть реализован в большей степени. Из полученных ответов хорошо просматривается отношение и восприятие экспертной деятельности различными категориями населения в Иркутской области. Приходится констатировать, что культура экспертной деятельности на настоящий момент не достаточно развита в Иркутской области. Роль выделенных экспертных групп в формировании гражданского общества пока незначительна. Как выяснилось, для более успешного выполнения экспертным сообществом роли связующего звена между гражданским обществом и властью необходимо прежде всего более ответственное, принципиальное отношение экспертов к своей деятельности.

Мнение коллег по экспертному сообществу и определенные нормы, существующие в этой среде, побуждают экспертов стремиться к убедительности своих оценок для аудитории. Причем, побуждают в разной степени: одних – «в существенной мере побуждают»; других – в незначительной мере. Между тем, по выявленным показателям проблема на рассматриваемом уровне существует – экспертная деятельность не достаточно эффективна, или не развита в должной степени. Интересно, что, если деятельность органов местного самоуправления и региональных органов власти находится в фокусе проводимых экспертиз, то деятельность НКО пока остается за пределами экспертных оценок органов государственной власти и др. групп экспертов.

Что касается экспертов от некоммерческого сектора, важно было выявить их потенциал, в том числе и с точки зрения их непосредственного участия в процессах принятия государственных решений. В этой связи, им был задан вопрос: как часто они дают экспертные заключения для органов власти? К сожалению, большая часть респондентов затруднилась ответить на указан-

ный вопрос, или его не дала. Те же, кто ответил положительно, признали, что такие заключения ими даются, но «довольно редко» или «очень редко» и, в основном, они направлены для органов местного самоуправления и региональных органов власти. Очевидно, что экспертный потенциал некоммерческого сектора следует активнее развивать в Иркутской области уже в ближайшие годы.

С точки зрения публичности заявлений представителей разных экспертных групп, выявлено, что эксперты от органов государственной власти и др. групп экспертов довольно часто выступают публично, в том числе, и в средствах массовой информации, с разъяснением своей экспертной позиции (отметили 35,8 % опрошенных), 4,5 % указали, что «очень часто», тогда как другая часть экспертов выделила позицию – «довольно редко» (25,4 %) и «очень редко» (10,4 %). Учитывая, что эксперт – это и авторитетный человек в обществе, вызывает недоумение недостаточная связь НКО с внешней средой, отсутствие механизмов позиционирования себя в социальной среде. В процессе проведенных исследований выявлено, что экспертный потенциал НКО, Общественных палат и общественных советов требует своего развития. Это должно стать одной из первоочередных мер в формировании политики по конструированию гражданского общества в Иркутской области, как и в разработке стратегий инновационного развития региона.

Результаты исследования показали, что в приоритетную сферу экспертной деятельности в Иркутской области, прежде всего, входит социальная политика. Все группы экспертов поставили ее на первую позицию (по наибольшему показателю). Также проявилось, что существует некоторая область экспертной деятельности, которая не была обозначена в вопросах. В категории «другое» (вторая позиция) – правовая и национальная политика, аграрная политика и миграционные процессы, спорт и медицина и проч.

Таким образом, видно, что политика в области формирования гражданского общества уже имеет определенный статус приоритетной сферы на уровне региона. Очевидно, что такая политика требует к себе более пристального внимания в контексте перспектив формирования и развития гражданского общества, в целом социально-экономического развития региона.

Что касается институционализации экспертной деятельности, то на уровне региона она имеет многоуровневый и многоаспектный характер. Катализатором экспертной деятельности на региональном уровне, безусловно, выступает Экспертное управление Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области (до 2005 года – Экспертный совет при Губернаторе Иркутской области). Практика функционирования института внутренней экспертизы и привлечение внешних экспертов (в том числе, из числа ученых региона, вузовских экспертов) на протяжении целого ряда лет успешно реализовывалась в Иркутской области, в особенности при прохождении региональных государственных социальных целевых программ. На настоящий момент в Иркутской области взят курс не только на экспертное обслуживание текущих задач и социальных проектов, но и на долгосрочное социально-экономическое развитие Иркутской области.

Поскольку определение экспертов для исследования осуществлялось через призму их участия в формировании гражданского общества, учитывало функциональный характер их экспертной деятельности, было принципиально важно определить – являются ли эксперты по проблемам гражданского общества членами каких-либо экспертных, консультативных и других советов, комиссий, групп? Если да, то каких именно?

Обнаружилась довольно неутешительная картина: почти треть опрошенных от органов государственной власти и др. групп экспертов находятся за пределами существующих институциональных образований по вопросам экспертной деятельности (29,7 %); 17,6 % – не смогли дать ответа на поставленный вопрос. Касательно остальных, на первой позиции – участие в советах, а именно: муниципальных экспертных советах по проектам ВСМС; Совете по молодежной политике; медицинском Совете при Губернаторе Иркутской области; совете по экологическому законодательству; научно-техническому совете при областной администрации; совете по национальной безопасности; совете по недоимкам; других разных советах при органах власти Иркутской области, международных советах; Совете ректоров; Экспертном совете МЗЛФ; совете общественных объединений. Только 4,1 % указали, что заседают в комиссиях (в том числе, «Антитеррористической комиссии», «Комиссии по обследованию и выбору земельного участка под проектирование и строи-

тельство», «Межведомственной комиссии по профилактике наркомании и токсикомании»; Комиссии по подготовке трехстороннего договора между профсоюзами, работодателями и Учредителем; межведомственной комиссии по профилактике преступлений, КДН, СПЭК и др.). Также было озвучено, что опрашиваемые эксперты состоят в экспертных комиссиях и группах в области экономики, в сфере образования и в сфере здравоохранения, по вопросам межнациональных отношений, являются консультантами Правительства Иркутской области по инвестиционным проектам, консультантами в области маркетинга, по вопросам проведения конкурсов на муниципальном уровне, и др.

Являются ли респонденты от некоммерческого сектора членами каких-либо экспертных, консультативных и других советов, комиссий, групп? Почти половина опрошенных (41,3 %) ответили, что не являются. Не дали ответа 34,2 % экспертов по данной группе; 4,9 % – затруднились ответить. Остальные эксперты указали на свое членство в Общественной палате Иркутской области, экспертных советах в сфере образования, молодежной политики, Совете при Губернаторе области, и др. Таким образом, следует сделать вывод, что экспертный потенциал некоммерческого сектора, в первую очередь, требует накопления и развития.

Что касается основных направлений развития экспертной деятельности в Иркутской области, то в ходе проведенного исследования подтвердилось, что социальный процесс по формированию гражданского общества затрагивает самые разные сферы деятельности, одной из которых выступает экспертная деятельность. В настоящее время для успешного развития экспертной деятельности в России наиболее важную роль играет финансирование. Экспертами выделяются следующие источники финансирования: 1) бюджетное финансирование НИИ, вузов и т. д.; 2) заказы государственных и муниципальных органов власти; 3) конкурсное распределение грантов из средств отечественных фондов и других НКО; 4) заказы частного бизнеса; 5) относительно стабильное финансирование экспертных групп из средств отечественных фондов и других НКО, тесно связанных с неполитическими структурами гражданского общества (профессиональными, этническими, конфессиональными, культурными и др.); 6) относительно стабильное финансирование

экспертных групп из средств отечественных фондов и других НКО, тесно связанных со структурами власти. Обнаружилось, что в настоящее время экспертная деятельность в России во многом поддерживается на уровне различных органов власти – федеральных, региональных и местных, или на уровне тех структур, которые активно поддерживают власть.

Прослеживается прямая зависимость зрелости структур гражданского общества от оформленности экспертного сообщества на уровне отдельного региона. Как показали результаты исследования, социальная направленность экспертиз, имеющая место в Иркутской области, полностью согласуется с обозначенным курсом на инновационное социально-ориентированное развитие России и региона. Учитывая данное обстоятельство, следует последовательно проводить курс в указанном направлении на долгосрочную перспективу.

Таким образом, как показывает практика последних лет, традиционный институт экспертной деятельности не всегда готов эффективно реализовать свои функции. Появилась потребность в пересмотре и развитии новых функций данного института. Закономерно встает вопрос и о повышении статуса эксперта и экспертной группы. На сегодняшний день имеют место 3 типа ситуаций: 1) когда не используется или не рационально используется при сложившейся структуре экспертной деятельности экспертный потенциал и (или) экспертный ресурс своего региона, муниципального образования, отрасли, кластера, академического сообщества, вузов, НКО и проч.; 2) отсутствует консолидирующее ядро экспертного сообщества в регионе, идет позиционирование только доминантных экспертных групп; 3) нет достаточной прозрачности и открытости результатов экспертной деятельности.

Между тем, очевидно, что именно эксперты представляют собой наиболее важный стратегический и интеллектуальный ресурс развития страны и региона. Именно они формируют систему современных требований и норм, участвуют в экспертизе нового качества, определяют направленность и содержание инновационных процессов. Кто такие современные эксперты? Какая часть экспертного сообщества наиболее востребована? Всегда ли оправдана практика привлечения «внешних» экспертов? Какими требованиями следует руководствоваться при выборе эксперта?

В целом, выделим основные факторы, которые вызывают актуализацию обозначенного вопроса:

1. Необходимость экспертного сопровождения и поддержки разработки, корректировки и реализации долгосрочных стратегий социально-экономического развития регионов и муниципальных образований.

2. Необходимость экспертного обеспечения и сопровождения федеральных, региональных и муниципальных целевых программ по различным сферам и отраслям деятельности и инновационных проектов разного уровня.

3. Необходимость экспертизы образовательной деятельности при реализации новых аккредитационных технологий и механизмов.

4. Необходимость формирования интегрированного экспертного сообщества, опирающегося на принципы научного взаимодействия и социального партнерства.

В современных условиях мы выходим на новый уровень культуры формирования и восприятия экспертного сообщества и экспертных практик. Видится актуальным изучение статусных характеристик и ролей функциональных и целевых групп экспертов, отдельных экспертов, их вклада в социально-экономическое и инновационное развитие территории, в частности, в разработку, корректировку и реализацию стратегий инновационного развития региона.

В заключение представим свое видение проблем как эксперта по обозначенному направлению «Инновационное развитие региона» в контексте зон ответственности и с учетом целесообразности принятия решений в ближайшее время для устранения (минимизации) проблем в Иркутской области (табл. 1–3). Предложения разработаны в соответствии с обращением со стороны Экспертного Управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по оказанию экспертной поддержки деятельности Губернатора Иркутской области и подготовке независимой аналитической информации о социально-экономическом развитии Иркутской области от 25.05.2011 г.

**Ключевые проблемы по направлению
«Инновационное развитие региона», находящиеся
в зоне ответственности Федерального Центра РФ**

Наименование проблемы	Описание проблемы
1. Инновационное развитие региона и приоритеты национальной безопасности	Необходимость разработки, принятия и реализации системы ключевых национальных показателей по внедрению инноваций и обеспечению национальной безопасности в их взаимосвязи
2. Проблема соответствия приоритетов технологического развития региона стратегическим направлениям социально-экономического развития России	Целерациональный выбор приоритетов модернизации экономики и технологического развития в соответствии с ресурсами региона и общенациональной стратегией
3. Разработка системы сбалансированных показателей по обеспечению контроля на рынке новых технологий и их передачи в другие страны	В соответствии со спросом на новые технологии и социально-экономической ситуацией в регионах необходимость разработки новой системы контроля на региональных рынках инновационных технологий
4. Новая концепция управления миграционными процессами в регионе, в особенности, интеллектуальной миграцией	В целях сохранения интеллектуального потенциала и интеллектуальной собственности региона и во избежание технологической зависимости России необходима разработка новой концепции управления миграционными процессами
5. Создание нормативно-правовой базы, обеспечивающей формирование эффективной инновационной инфраструктуры региона, регламентирующей обмен знаниями и технологиями, и направленной на формирование благоприятной среды для привлечения инвестиций по финансированию инновационной деятельности	Обеспечение должного уровня развития нормативно-правовой базы в отношении инновационной инфраструктуры и инновационной деятельности в регионе в целях формирования благоприятной правовой среды для инновационного развития региона

**Ключевые проблемы по направлению
«Инновационное развитие региона», находящиеся
в зоне ответственности Правительства Иркутской области**

Наименование проблемы	Описание проблемы
1. Поэтапное формирование инновационной инфраструктуры региона с учетом институциональных условий для реализации долгосрочной стратегии инновационного развития	Необходимость развития инновационной инфраструктуры региона с учетом научно-образовательного потенциала региона, возможностей экспертного сообщества и других ресурсов
2. Определение главных приоритетов инновационного развития региона – приоритетов научно-технической и инновационной деятельности	Обеспечение соответствия приоритетов инновационного развития региона государственной стратегии инновационного развития и национальным интересам России. При определении приоритетов инновационного развития региона необходимость учета социально-экономического и интеллектуального потенциала, природных и человеческих ресурсов.
3. Создание благоприятной экономической и правовой среды в отношении инновационной деятельности в регионе	На настоящий момент не создано единое правовое пространство рынка инноваций и интеллектуальной собственности, в связи с чем, существует необходимость в совершенствовании регионально-законодательства об инновационной деятельности
4. Разработка и реализация мер по стимулированию коммерциализации и внедрения в производство новых технологий, в том числе, создание системы государственной поддержки коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности	Необходимость выработки более эффективных механизмов регионального уровня по стимулированию коммерциализации и внедрения в производство новых технологий
5. Совершенствование механизмов взаимодействия между научными организациями, вузами и промышленными предприятиями в целях продвижения новых зна-	Существует потребность в создании эффективных механизмов взаимодействия между научными организациями, вузами и промышленными предприятиями в

ний и технологий в производство	целях продвижения новых знаний и технологий в производство. Формирование потребности в подготовке высококвалифицированных кадров в инновационной сфере, в связи с чем, повышение роли научно-образовательного потенциала вузов
---------------------------------	--

Таблица 3

Решения, которые целесообразно принять в ближайшее время, для устранения (минимизации) проблем, находящихся в зоне ответственности исполнительной власти Иркутской области

Решение	Краткое описание того, что необходимо сделать
1. Концепция (Стратегия, проч.) как форма разработки стратегического решения в части определения главных приоритетов и формирования инновационного пространства региона («Территории инноваций»)	Принятие целого комплекса управленческих решений в части определения новых форм, методов и условий осуществления областной государственной поддержки научной и инновационной деятельности на территории Иркутской области
2. Распоряжение (Постановление) о необходимости проведения инвентаризации всего комплекса используемых мер, методов и средств по осуществлению государственной поддержки субъектов научно-технической и инновационной деятельности на территории Иркутской области в целях повышения их эффективности и ее активизации	Анализ состояния научно-технической и инновационной деятельности в Иркутской области. Проведение дополнительной экспертизы реализуемых и реализованных научно-технических и инновационных проектов (программ, в целом, инновационных продуктов)
3. Распоряжение (Постановление) о повышении ответственности экспертов за подготовку заключения о качестве научно-технических и инновационных проектов	Активизация деятельности экспертного сообщества. Обеспечение научного контроля за ходом реализации научно-технических и инновационных проектов
4. Распоряжение (Постановление) о формировании целевого заказа вузу (например, Иркутскому государственному университету) на	Сотрудничество с Иркутским государственным университетом по вопросам подготовки кадров экспертно-аналитического профиля и

<p>подготовку кадров экспертно-аналитического профиля и инновационного профиля</p>	<p>инновационного профиля, в том числе, возможность на выполнение целевого заказа: 1) магистратура «Социология», направление «Современная социологическая деятельность, аналитика, экспертиза, инжиниринг»; 2) направление «Социология», профиль «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах» (бакалавриат)</p>
--	---

Полагаем, что в начале XXI в. сформировалось новое научное направление в методологии социологических исследований – методология исследования проблем развития экспертного сообщества и экспертных практик в России, в особенности, в контексте проблем инновационного развития региона.

Литература

1. О состоянии гражданского общества в Иркутской области. 2008 год : доклад Общественной палаты Иркутской области / Т. И. Грабельных, А. А. Широкова; рабочая группа по подготовке Доклада : И. М. Головных [и др.] ; исслед. коллектив: Т. И. Грабельных [и др.]. – Иркутск : Общественная палата Иркутской области, 2009. – 212 с.

Grabelnykh T. I.

Irkutsk State University, Irkutsk

The place and role of experts in working out strategies of innovation development of a region

The article discusses the change of development model of expert community and expert activities. It is argued that new expert practices in different practices in different spheres and branches require deep review and analysis, primarily, in the part concerning the development and implementation of strategies of region innovation development. The new direction of development of expert community, the rising role of experts are linked to the new actualities defining the subject of the expertise and the choice of the expert methods and estimation criteria as well as to the change of the mode and the very gist of expert activities.

Keywords: expert, expert community, expertise, strategy, innovation development, city, region.

Современные подходы к формированию стратегии инновационного развития региона

В статье представлены современные подходы к формированию стратегии инновационного развития региона (на примере Сибирских территорий). По данным проведенных исследований аргументируется, что в настоящее время в слабо урбанизированных регионах с преобладанием предприятий добывающего сектора экономики сложилось несоответствие между схемами размещения предприятий и системой расселения. Эти и другие факторы усиливают неблагоприятные демографические тенденции, а также высокий уровень выездной миграции населения трудоспособных возрастов. Привлекается внимание к стратегической дилемме развития региона.

Ключевые слова: инновационное развитие, стратегия, регион, региональное развитие.

Сибирские территории, богатые природными ресурсами, в условиях социалистического отраслевого планирования традиционно рассматривались как «кладовые» сырья, и их освоение шло с учетом исключительно макроэкономических интересов развития страны. Современная территориально-поселенческая и социальная инфраструктура региона формировалась в основном вокруг крупнейших энергетических и промышленных объектов.

С экономико-географической точки зрения современная Иркутская область представляет собой огромную территорию, сравнимую по площади с Германией и Францией вместе взятыми, с крайне неравномерной степенью освоенности. Плотность населения в Иркутской области в настоящее время составляет около 3 жителей на 1 кв. км, тогда как во Франции и Германии – почти 200!

На северо-западе региона районы, в которых размещены предприятия топливно-энергетического комплекса и крупные экспортно-ориентированные производства с низкой степенью переработки природных ресурсов, граничат с местностями, где в радиусе 301–400 км вообще нет населенных пунктов. На юге области, вблизи озера Байкал и вдоль Транссиба, располагаются наиболее густонаселенные и освоенные районы. Здесь, наряду с предприятиями машиностроения, металлургии и нефтехимии, а

также достаточно развитым сельским хозяйством, расположены ведущие вузы и научные учреждения. Центральные и северо-восточные районы области в меньшей степени подверглись процессам советской индустриализации, поэтому в них в основном сохранился традиционный уклад: жители небольших поселений занимаются сельским хозяйством, рыболовством и лесными промыслами.

Стремительные социально-экономические изменения последних 11–20 лет в России привели к серьезному изменению схемы размещения центров экономической активности. В то же время система расселения, сформированная в XX в. в процессе индустриального освоения советских времен, практически не меняется.

Проведенные нами исследования показывают, что в настоящее время в слабо урбанизированных регионах с преобладанием предприятий добывающего сектора экономики сложилось несоответствие между схемами размещения предприятий и системой расселения. Собственники предприятий повышают эффективность деятельности в ущерб интересам своих работников. Иногда происходит закрытие или существенное сокращение предприятий, что оставляет на произвол судьбы достаточно крупные поселения, в которых живет значительное число их работников.

Эти факторы усиливают неблагоприятные демографические тенденции (высокий уровень смертности и низкая рождаемость), а также высокий уровень выездной миграции населения трудоспособных возрастов. Общее сокращение численности населения, характерное для всех сибирских и дальневосточных регионов России, близко к критическому уровню, что обостряет межрегиональную конкуренцию за квалифицированные и креативные трудовые ресурсы.

Известно, что современная Россия повсеместно переходит на принципы стратегического планирования. Разработаны и приняты Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г., Стратегии развития Сибирского федерального округа, а также Дальнего Востока и Байкальского региона. На уровне руководства страны утверждены отраслевые стратегии (Транспортная, Энергетическая и т. д.).

Основным стратегическим сценарием развития России принят так называемый сценарий инновационного развития, подразумевающий формирование новой экономики, основанной на знаниях. Регионам фактически предписано разрабатывать и реализовывать свои стратегии, руководствуясь основными положениями перечисленных федеральных документов, а также учитывая макроэкономические приоритеты и конкурентные региональные преимущества.

К несомненным преимуществам Иркутской области следует отнести:

- выгодное географическое и важное геополитическое положение региона на перекрестке между Европой и Азией;
- богатейшие минерально-сырьевые ресурсы, включающие углеводородное сырье, металлы, сырье для производства строительных материалов, древесину;
- значительный объем создаваемых на территории и сравнительно дешевых энергетических ресурсов;
- развитую перерабатывающую промышленность;
- относительно развитую транспортную инфраструктуру и высокий транзитный потенциал;
- наличие уникального природного объекта мирового масштаба – озера Байкал, которое содержит пятую часть мирового запаса поверхностных пресных вод (и около половины мировых запасов воды, непосредственно пригодной для питья);
- богатый культурный и природно-рекреационный потенциал;
- развитый научно-образовательный комплекс.

В Иркутской области, как и в других сибирских регионах, существует ряд ключевых проблем, которые существенным образом влияют на разработку стратегии инновационного развития. К ним относятся:

- преимущественно сырьевая направленность экономики, что предопределяет отсутствие мотивации предприятий к внедрению инноваций;
- принадлежность ключевых производств региона крупным российским и международным финансово-промышленным холдингам, что фактически приводит к отсутствию самостоятельности предприятий, позволяет собственникам изымать значительную долю прибыли с территории области, зачастую не заботясь об интересах социального и инфраструктурного развития;

- существенная неравномерность социально-экономического развития территории;
- сложная экологическая ситуация;
- слабое развитие инфраструктуры, а также правовых, организационных и финансовых инструментов поддержки инновационной деятельности и малого предпринимательства;
- сравнительно невысокий уровень доходов и не всегда приемлемые условия жизни населения;
- негативные демографические и миграционные процессы, выражающиеся в высокой смертности населения и существенном миграционном оттоке жителей, особенно молодежи.

В этих исходных условиях необходимость формирования стратегии развития региона в рамках сложившихся управленческих стереотипов и традиционных российских практик отраслевого планирования приводит к возникновению стратегической дилеммы.

С одной стороны, наиболее простым путем является продолжение ресурсного освоения региона, прежде всего, в интересах крупного бизнеса. Такая стратегия в среднесрочной перспективе, очевидно, может принести определенные плоды: будут разрабатываться новые месторождения, наверняка будут созданы новые рабочие места в слабо освоенных районах области, так или иначе, в основном за счет региональных ресурсов будет развиваться транспортная инфраструктура и поддерживаться социальная сфера. Однако в долгосрочной перспективе эффективность данного подхода не столь очевидна. Надежды на то, что крупный ресурсно-ориентированный бизнес через некоторое время вдруг «созреет» к восприятию и внедрению создаваемых в регионе инноваций, а также будет участвовать в социально-культурном и инфраструктурном развитии территории присутствия, весьма призрачны. Следовательно, существует серьезная опасность, что регион, приняв эту «инерционную» стратегию, через 1–10 лет «выпадет» из общего инновационного вектора развития страны и, постепенно теряя преимущества и усугубляя проблемы, превратится в сырьевого аутсайдера.

Альтернативой «инерционному» сценарию является отказ от продолжения исключительно ресурсного освоения территории региона. В рамках этого подхода необходимо, прежде всего, выбрать базовые стратегические направления развития на основе конкурентных преимуществ, в настоящее время недостаточно

полно использующихся Иркутской областью (например, туристско-рекреационный потенциал Прибайкалья, развитый научно-образовательный комплекс и др.). Концентрация всех региональных ресурсов для создания условий и стимулирования развития «новой» экономики региона в этих направлениях, может позволить совершить стратегический рывок в «инновационное будущее». Этот путь сродни венчурному бизнесу и может привести, особенно в среднесрочном периоде, к некоторому ухудшению социально-экономической ситуации. Реализация этого сценария потребует изменения структуры экономики, привлечения в регион значительного объема долгосрочных инвестиций в развитие инфраструктуры и наукоемких производств. Вместе с этим необходимо проводить оптимизацию социальной сферы и изменять структуру бюджетных расходов, усиливая поддержку программ и проектов, не столь очевидных большинству жителей области. Этот сценарий предполагает также усиление позиций региона в конкуренции за привлечение федеральных ресурсов и, при этом, достаточно жесткое отстаивание региональных интересов перед федеральным центром и крупным бизнесом. При всей своей рискованности, такой подход в большей степени лежит в русле концептуального видения развития России, которое сформулировало руководство страны, а стратегические бонусы от его реализации могут быть весьма значительными.

Стереотипы сложившейся практики планирования делают описанные сценарии взаимоисключающими. В настоящее время руководство Иркутской области столкнулось с проблемой выбора стратегии развития, аналогичной постановке классической задачи математической теории игр, известной как «дилемма заключенного». Выбор первого сценария может обеспечить относительно стабильные 1–10 последующих лет, но вступает в противоречие с интересами прогрессивно настроенной местной элиты и, по большому счету, не обеспечит реализацию федеральной политики. Второй сценарий, несмотря на высокую степень риска, более «инновационный», но наталкивается на противодействие крупного бизнеса и представителей «старой» региональной элиты, отстаивающих его интересы. Позиции «старой» элиты в настоящее время достаточно сильны, что может привести к выбору «инерционного» сценария, несмотря на то, что второй сценарий может привести к более существенным результатам.

Эти обстоятельства во многом обуславливают тот факт, что в Иркутской области, несмотря на значительные усилия прогрессивного экспертного сообщества и настоятельные требования федерального центра, до сих пор принята только лишь Концепция стратегии долгосрочного развития. При этом процесс разработки и принятия документов среднесрочного планирования, а также текущая деятельность Правительства области ставят под сомнение реализуемость основных положений Концепции стратегии.

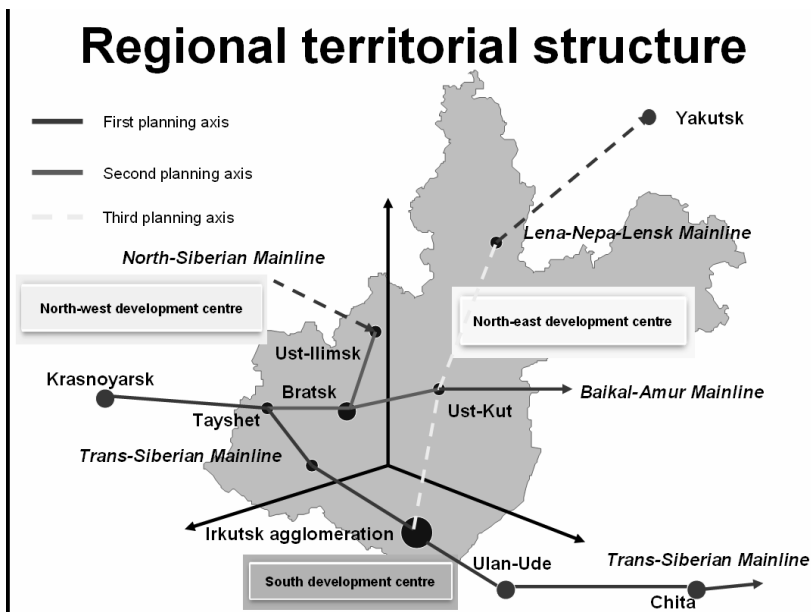
Исследования, в которых принимал участие автор, показывают, что, решение этой дилеммы все-таки существует, но для этого необходимо, прежде всего, отказаться от привычных управленческих стереотипов и взглянуть на проблему выбора стратегического сценария развития Иркутской области с позиций кооперативной стратегии поведения. Кооперация подразумевает максимально возможное сочетание различных, иногда противоречивых интересов всех участников, которые готовы пойти на определенные уступки для достижения общего, приемлемого для всех результата.

Наиболее рациональный сценарий – это «сценарий сбалансированного развития», который сочетает в себе оба из сформулированных вариантов стратегического развития региона и может стать базовым для инновационной стратегии Иркутской области.

В рамках сценария «сбалансированного развития», прежде всего, необходимо распределить реализацию по времени сценария продолжения сырьевого освоения и его «инновационную» альтернативу, поскольку они, очевидно, не могут быть реализованы одновременно. В среднесрочной перспективе, используя имеющийся ресурсный потенциал территории, более высокий приоритет может быть отдан сценарию освоению новых природных ресурсов. При этом, выгоды от реализации проектов нового освоения не должны растрачиваться на воспроизводство сырьевой экономики, а концентрироваться и направляться на развитие инфраструктурной базы и подготовку запуска инновационных проектов, основанных на использовании конкурентных преимуществ региона. В долгосрочной перспективе накопленные на первом этапе финансовые и экономические ресурсы, очевидно, позволят начать развитие новой экономики, основанной на знаниях, тем самым максимально раскрыть конкурентные преимущества региона.

Необходимо также достаточно четко локализовать реализацию сценариев по территории области, используя результаты углубленного пространственного социально-экономического анализа.

Учитывая неоднородность территории области, исторические и географические предпосылки, реализация сценария сбалансированного развития возможна на основе трех основных планировочных осей и ряда центров развития региона с различными специализациями.

ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ОСИ

Первая планировочная ось представляет собой участок Транссибирской магистрали от г. Тайшет до Иркутской агломерации и далее до г. Байкальск. Эта территория является наиболее освоенной в области. Вдоль данной оси возможно формирование транспортно-логистических узлов федерального (г. Иркутск) и регионального (г. Тайшет) значения, а также использование промышленных площадок городов второго уровня для размещения сервисных и основных производств отраслей машиностроения, производства строительных материалов и лесопереработки (города Тулун, Свирск, Черемхово, Усолье-Сибирское, Иркутская агломерация). По этой оси возможна ре-

лизация проектов, связанных созданием производств по глубокой переработке природных ресурсов, а также подготовка площадок для развития наукоемких производств.

Вторая планировочная ось представляет собой участок БАМ (от ст. Кунерма до г. Усть-Кут) с выходом на г. Тайшет и веткой на г. Усть-Илимск и является наиболее перспективной для дальнейшего ресурсного освоения территории области на период до 2020 г. При этом очень важна постепенная переориентация имеющихся и строительство новых производств по глубокой переработке сырья (углеводородов, леса, железной руды и др.). В связи с этим резко возрастает значение БАМа как базового элемента транспортной инфраструктуры. С учетом перспектив реализации проекта Нижнего Приангарья (Красноярский край), а также перспектив строительства Северо-Сибирской железнодорожной магистрали, данная ось будет выполнять функции широтного дублера Транссиба в масштабе России, а также транспортно-логистические функции в масштабе Иркутской области с формированием мультимодальных логистических транспортно-распределительных центров регионального значения (в городах Братск, Усть-Илимск) и межрегионального уровня (в г. Усть-Кут).

Третья планировочная ось представляет собой перспективное направление развития для Иркутской области с 2011–2025 гг. Именно в это время будут реализовываться крупные инфраструктурные и сырьевые проекты, такие как строительство трассы «Виллюй», железнодорожной магистрали Лена – Непа – Ленск, начало освоения Ковыктинского газоконденсатного месторождения. Вдоль данной оси будут реализовываться проекты сырьевого сценария, ориентированного на дальнейшую реализацию природного потенциала Иркутской области. Вместе с тем она станет базой для развития в долгосрочной перспективе газозащиты, газохимической и нефтехимической промышленности по планировочной оси Транссибирской магистрали с размещением перерабатывающих производств в городах Саянск, Свирск, Ангарск. С освоением данной оси будут связаны также проекты включения Якутской энергетической системы в единую энергосистему страны.

В узловых точках названных планировочных осей расположены центры развития первого и второго порядка.

ЦЕНТРЫ РАЗВИТИЯ

Южный центр развития включает в себя территорию Южного Прибайкалья и агломерацию городов Иркутск, Ангарск, Шелехов. Именно для этой территории актуален стратегический сценарий повышения капитализации озера Байкал не только как уникального природно-рекреационного ресурса, но и как стратегического запаса пресной воды.

Стратегическим приоритетом для прибайкальских территорий является развитие рекреационных услуг, создание образовательных и инновационных центров. На базе создаваемой особой экономической зоны, расположенной в районе озера Байкал, должен быть сформирован крупный туристический центр мирового значения, соответствующий всем международным стандартам. Кроме того, в Южном и Западном Прибайкалье предполагается развитие среднеебюджетного экологического и экстремального туризма, а также санаторно-курортных комплексов, ориентированных на внутрисоссийский рынок. Для достижения этой цели предполагается реализация цикла проектов и мероприятий по улучшению состояния окружающей среды, созданию полноценного и эффективного туристического кластера, маркетингу региона и снятию инфраструктурных ограничений развития туризма.

Центрами развития туристско-рекреационной деятельности станут Ольхонский, Иркутский, Слюдянский районы и г. Иркутск. Специализацией Ольхонского района может стать экстремальный, экологический, этнографический туризм (особенно на острове Ольхон), а также санаторно-курортная деятельность. В Иркутском районе будет располагаться ОЭЗ туристско-рекреационного типа с центром в п. Большое Голоустное. Серьезными перспективами в этом районе обладает также п. Листвянка как центр зимнего горнолыжного и круглогодичного экстремального туризма, важнейший пункт краткосрочного ознакомительного туризма на Байкале (часовая доступность из г. Иркутска). Кроме того, Листвянка имеет большое значение как порт для водных экскурсий, а также опорная точка для развития научно-образовательного туризма (лимнологический музей, научная станция ИГУ и т. д.). Для Слюдянского района специализацией туристической деятельности может стать горнолыжный туризм (г. Байкальск), познавательный-экскурсионный туризм (Кругобайкальская железная дорога), санаторно-курортная дея-

тельность. Город Иркутск в развитии туристического сектора выступит как центр распределения туристического потока, центр делового туризма, старейший исторический город Прибайкалья.

Одним из ключевых в стратегии развития области является проект формирования агломерации городов Иркутск – Ангарск – Шелехов. В результате концентрации ресурсов, развития городских инфраструктур и создания качественной городской среды должна существенно повыситься привлекательность территории агломерации для жителей и инвесторов. Стратегической задачей данного проекта является сохранение и привлечение квалифицированных перспективных кадров в Восточную Сибирь за счет достижения международных стандартов качества жизни.

В настоящий момент именно крупные города являются основными центрами потребления, формируя интенсивную рыночную среду в экономике РФ. В этом состоит их особая функция в рамках процессов развития экономики России. Крупные города являются точками роста экономики за счет наличия мощных и диверсифицированных рынков труда, товаров и услуг.

В результате того, что новые инвестиционные проекты размещены неравномерно по территории страны, при этом отдельные (сырьевые) индустриальные сектора, развернутые на территории, сохранили высокую глобальную конкурентоспособность, а другие оказались неспособными это сделать, отдельные крупные города имеют больше предпосылок к динамичному росту в соответствии с современными тенденциями городского развития. Набирает силу конкуренция между региональными центрами по привлечению инвестиционных ресурсов, которые позволяют им претендовать на функции центров управления основными экономическими процессами на территории в средне- и долгосрочном периоде.

В связи с этим, особую важность получает поиск и выбор механизмов, которые могли бы обеспечить долгосрочное воспроизводство секторов потребления, имеющих возможность синергетически влиять на смежные отрасли экономики (например, отрасли промышленности, ориентированные на потребительский спрос, высшее образование, медицина, комплекс инновационных отраслей экономики и т. д.).

Переход в новую фазу развития урбанизированных территорий, т. е. формирование крупных городских агломераций, является важным механизмом в обновлении экономики страны, так как фактически представляет собой работу с масштабам и пространственной структурой экономики. Управление этим процессом является одним из важных механизмов реализации стратегии развития, как отдельных городских центров, так и России в целом.

Кроме того, работа с городскими пространствами в логике агломерирования позволяет создать платформу для решения одной из базовых структурных проблем российских городов – их традиционной недоинвестированности как инфраструктурных центров, что было обусловлено требованиями первостепенного развития промышленного производства. Формирование городского пространства в СССР обуславливалось строительством промышленных предприятий, при этом вопросы формирования высокоорганизованной урбанистической среды отходили на второй план. Это обстоятельство существенным образом сдерживает полноценное развертывание современных систем управления экономическими процессами, потоками товаров, услуг, капиталов и людей, индустрии создания и внедрения инноваций, значимых культурно-политических центров, обеспечивающих контроль над территориями.

Наиболее крупные и динамично развивающиеся региональные столицы (Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань и др.) начиная с конца 1990-х гг. пытаются перейти к развитию, ориентированному на гармоничную и привлекательную городскую среду, где достаточно интенсивно формируется сектор сложных деловых услуг: юридические, консультационные, маркетинговые, рекламные, финансовые, PR, аудиторские, биржевые и пр.

Создание городского пространства и формирование отраслей постиндустриальной экономики существенным образом влияет на развитие главного ресурса – человеческого, который в развитых странах уже давно превратился в основной инструмент общего экономического развития. Глобальная конкурентоспособность определяется не только возможностью воспроизводства достаточно образованного и здорового населения, но и из возможности «удерживать» данное население на территории (т. е. предоставлять человеку возможность саморазвиваться, получать доступ к основным благам, жить в безопасности и т. д.).

В Концепции долгосрочного развития России до 2020 г. определено 9 точек, где предполагается формирование городских агломераций с численностью жителей более 1 млн. человек.

Город Иркутск включен в число этих зон опережающего пространственного развития, что является констатацией факта, что исторически Иркутская агломерация существует и формируется. Однако агломерационные процессы в настоящее время происходят в большей степени стихийно. Поэтому важнейшей стратегической задачей развития города Иркутска и Иркутской области в целом является придание этим процессам управляемого характера с учетом и взаимоувязкой социально-экономических интересов всех муниципальных образований, входящих в ареал агломерации.

Именно за счет концентрации человеческого капитала в центрах развития, в том числе и на территории Иркутской агломерации, возможен качественный сдвиг в экономике Иркутской области и создание предпосылок для долгосрочного развития региона. Перспективным направлением экономического развития Иркутска и Иркутской агломерации станет развитие инновационной деятельности, базирующейся на уникальных разработках научно-образовательного комплекса (НОК), развитие центра управления, центра распределения туристических потоков в регион.

Реализация проекта формирования Иркутской агломерации, на наш взгляд, является важнейшей социально-экономической и организационно-управленческой инновацией, которая позволит осуществить на территории области амбициозные задачи построения новой экономики, основанной на знаниях, сформулированные в федеральных документах стратегического планирования.

Территория Усть-Ордынского Бурятского автономного округа совместно с несколькими прилегающими районами области (Заларинский, Зиминский, Иркутский, Куйтунский, Усольский, Черемховский) с учетом исторической специализации будет использоваться для развития эффективного агропромышленного кластера с расчетом на повышение степени переработки сырья и размещения производств пищевой промышленности. Данный кластер станет основой продовольственной безопасности области.

Северо-западный центр развития включает промышленные города Тайшет, Братск, Усть-Илимск и Железногорск-Илимский. На этой территории будет реализован сценарий новой индустриализации. Одной из основных целей государственной промышленной политики является повышение степени переработки сырья. Потенциал данных территорий предполагается использовать для размещения высокотехнологичных производств по комплексной переработке сырья и выпуску продукции с высокой добавленной стоимостью. Основой конкурентоспособности северного направления станет формирование лесного кластера, объединяющего всю цепочку производств – от лесозаготовки до производства конечной продукции. Для эффективного освоения лесных запасов севера Иркутской области необходимо строительство сети лесовозных дорог.

Дополнительные возможности для развития этих территорий создает строительство Богучанской ГЭС и железнодорожной магистрали Усть-Илимск – Нерюнда.

Северо-восточный центр развития – на базе города Усть-Кут – будет выполнять роль межрегионального транспортно-логистического центра, а также центра развития производств, обслуживающих добычу и переработку минерально-сырьевых ресурсов (нефть, природный газ, лес). Город Усть-Кут на сегодняшний день является узловой точкой, где сходятся основные транспортные пути – железнодорожные, автомобильные, речные, авиационные. Здесь же прокладывается нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан». С учетом перспектив строительства трассы «Вилуй» и железнодорожной магистрали Лена – Непа – Ленск, стратегическое значение данного транспортного узла возрастает.

Кроме вышеназванных центров предполагается формирование центров развития второго порядка на базе малых городов (Тулун, Черемхово, Усолье-Сибирское и др.) вдоль основных транспортных артерий – в основном с промышленной специализацией. Предприятия этих центров будут ориентированы на поддержку новых центров сырьевого освоения на севере Иркутской области, а также будут обеспечивать реализацию проектов в Нижнем Приангарье (Красноярский край), в Якутии и Читинской области.

Если описанный стратегический подход к экономико-географическому зонированию территории Иркутской области

будет принят, то, очевидно, концентрация экономических проектов в выделенных зонах активности обусловит необходимость адекватного развития в них социальной инфраструктуры. Следовательно, будет необходим пересмотр проводимой в настоящее время политики выравнивания социальной ситуации на всей территории, поскольку это увеличивает и без того неэффективные бюджетные расходы.

Вдоль планировочных осей и в центрах развития необходимо формировать зоны опережающего социально-культурного развития с высокими стандартами качества жизни для стимулирования притока в них креативного населения, в том числе и специалистов из-за пределов региона.

Именно такой подход позволит максимально эффективно использовать потенциал всех территорий для развития инновационного сектора экономики региона, повышения комфортности проживания, снижения интенсивности миграции из региона наиболее активных, молодых жителей.

Potorochenko N. A.

Irkutsk scientific centre,
SB RAS, Irkutsk

Contemporary approaches to the formation of regional innovative development strategy

The article considers contemporary approaches to the formation of regional innovative development strategy (case of Siberian territories). Basing on the results of investigations, it is stated that presently that the industries placement pattern does not agree with the population settlement pattern in weakly urbanized districts where extractive industries prevail. These and other factors worsen negative demographic tendencies and raise the high level of outward migration among able-bodied citizens. The article draws attention to the strategic dilemma of regional development.

Keywords: innovation development, strategy, region, regional development.

Социально-трудовой потенциал как фактор регионального развития

В экономической науке трудовой потенциал рассматривается как трудовые ресурсы. В конце XX в. эту категорию стали исследовать во взаимосвязи с проблемами уровня и качества жизни. Автор выделяет методологические принципы анализа социально-трудового потенциала, позволяющие его изучать в контексте социально-гуманитарного познания.

Ключевые слова: регион, региональное развитие, трудоспособность, социальный потенциал, трудовой потенциал.

Статья подготовлена для выполнения аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2001–2010 гг.). Мероприятие 1. «Проведение фундаментальных исследований в рамках тематических планов». Тема 361101.

Понятие «социально-трудовой потенциал» появилось в науке (экономической литературе) и средствах массовой информации в 70-е гг. прошлого века, а в научный оборот вошло в 80-е гг. Слово «потенциал» означает средство, закон, источники, которые могут быть использованы в экономике как «ресурсный потенциал». В нашей стране этот термин стал рассматриваться в контексте развития рыночной экономики. Социологический смысл данной категории раскрывается в аспекте анализа трудовых ресурсов в условиях рынка, т. е. действия механизмов предложения и спроса на рабочую силу, а также конкуренции.

По общепринятой терминологии в научном и практическом обороте используется понятие «социально-трудовой потенциал» – предельная степень возможного участия трудящихся в производстве с учетом их психофизиологических особенностей, уровня профессиональных знаний и накопленного опыта. Таким образом, трудовой потенциал определяется как совокупность всех трудовых возможностей, как отдельного человека, так и различных групп работников и общества в целом. В отличие от трудовых ресурсов, определяющих количество и структуру труда, трудовой потенциал характеризует его качество и потенциальные возможности. При этом, как правило, оговаривается, что качественная характеристика трудового потенциала включает физическую, интеллектуальную и социальную составляющие [2].

В 1990-х гг. термин «социально-трудовой потенциал» стал использоваться в государственных и правительственных документах. Во всем мире пришли к признанию решающей роли главной производительной силы человека. «Человеческий потенциал» получил признание как главный капитал рыночного хозяйства. Категорию «социально-трудовой потенциал» раскрывают на базе понятия «резервы» наращивания потенциала рабочей силы и повышения эффективности ее использования. Возможности улучшения образовательной и профессиональной структуры трудовых ресурсов выражаются в интеллектуально-волевом потенциале [5].

В экономической литературе потенциал (экономический, трудовой, природно-ресурсный и т. д.) рассматривают как обобщенную характеристику ресурсов, совокупность условий, необходимую для их функционирования и развития. Актуализация и реализация потенциала также осуществляется через мобилизацию ресурсов. Значимость последних в удельном весе потенциала столь высока, что используется специальный термин – ресурсный потенциал, включающий в себя все компоненты воспроизводства с учетом их реализации в настоящее время и возможностей интенсификации в перспективе. Совокупный ресурсный потенциал группирует ресурсы и является целостным выражением возможностей решения поставленной задачи через объединение ресурсов. Но сам термин «потенциал» свидетельствует о том, что эти возможности пока в полной мере не выявлены, либо не сформированы, либо не овеществлены [3, с. 41].

В трактовке «социально-трудового потенциала» как ресурса предполагается, что население региона обладает скрытыми возможностями, которые могут быть актуализированы под влиянием внешнего воздействия. Таким образом, данная категория устанавливает главенство неких задач и целей, для достижения которых используются социально-трудовые ресурсы. Б. Г. Юдин справедливо отмечает, что «концепции, в которых человек рассматривается лишь в качестве ресурса, лет тридцать назад бывшие весьма популярными, сегодня уже не могут рассматриваться как дающие достаточно полное представление о человеке» [7].

Понимание социально-трудового потенциала как резерва или ресурса делает акцент на количественных показателях. Между тем, в современном обществе при оценке социального по-

тенциала широко используются критерии качества жизни населения, разработанные ООН. На сегодняшний день существует множество методик оценки качества жизни в зависимости от региональной специфики, однако их объединяют общие методологические принципы. Во-первых, они рассматривают человека в качестве цели социального развития. Во-вторых, данные критерии базируются на анализе условий, при отсутствии которых люди лишаются многих жизненных перспектив: вести долгую и здоровую жизнь, приобретать знания, иметь доступ к ресурсам, требуемым для поддержания достойного уровня жизни [4, с. 159]. Это акцентирует внимание на категории «возможность», которая выступает базовой не только для определения качества жизни, но также для других категорий «ресурсы», «резервы» и «социально-трудовой потенциал».

Понимание социально-трудового потенциала в контексте реализации возможностей расширяет методологическое основание анализа. Это позволяет рассматривать социально-трудовой потенциал не только в аспекте социального управления, но также с позиций самоорганизации. Продуктивность данного подхода обнаруживается, когда возникает необходимость принять во внимание характер социальных процессов, определяющих формирование и развитие социально-трудового потенциала.

Для понимания категории «трудовой потенциал» не только в экономическом, но в более широком социальном контексте, с нашей точки зрения, важно принимать во внимание динамические характеристики взаимодействия социальных подсистем, которые расположены на разных уровнях.

Понятие «трудовой потенциал» может рассматриваться на основе методологических принципов теории структурных изменений П. Штомпки. Они позволяют проследить, как макропеременные воздействуют на мотивы и выбор индивидов и как этот выбор, в свою очередь, воздействует на макропеременные [6, с. 23]. Таким образом, трудовой потенциал с позиций теории социальных изменений, это не статичная характеристика, а процесс формирования и реализации способностей населения к труду. Он формируется под влиянием целого ряда социальных факторов, важнейшим из которых является рынок труда.

Формирование трудового потенциала, с одной стороны, испытывает влияние модернизации экономики, связанное с ее структурной перестройкой. С другой стороны, понятие «трудо-

вой потенциал» отображает трудовую мотивацию, профессиональные интересы, притязания индивидов. Концепция структурных изменений более точно позволяет определить изменения, относящиеся к самой системе (происходящие в ее рамках и трансформирующие ее как целое). Они либо случайно связаны друг с другом, либо следуют одно за другим на протяжении определенного времени. Таким образом, трудовой потенциал населения характеризует взаимодействия макросистем (процессов глобализации, модернизации экономики, демографических процессов), так и факторов микроуровня, включающих влияние коммуникативных, социально-культурных, этнических связей конкретных индивидов. Для теории социальных изменений важным является теоретический вопрос о связи микро- и макропроцессов, поскольку это позволяет исследовать структурные изменения, происходящие на различных уровнях.

Категория социально-трудовой потенциал не может полностью раскрыть свое содержание в понятиях «трудовые ресурсы» или «социальный резерв», по причине того, что он формируется в условиях социальной неопределенности, вызванной влиянием рынка труда. Социальную неопределенность в современной литературе нередко трактуют в негативном аспекте, рассматривая ее как показатель дисбаланса, нарушение процесса воспроизводства, угрозу целостности общества, следовательно, его национальной безопасности [1]. Однако социальная неопределенность с точки зрения теории структурных изменений, это не временное состояние, вызванное переходным характером общества, а сущностная характеристика современных социальных процессов. Думается, что негативные оценки неопределенности связаны с тем, что выполнение властными структурами управленческих функций рассматривается как единственный способ регулирования и эффективного распоряжения социально-трудовым потенциалом. На этом основании возникают призывы к тому, чтобы при формировании социально-трудового потенциала необходимо ориентироваться на потребности рынка труда, т. е. конкретных работодателей. Однако не рассматривается другой аспект, связанный с качеством жизни населения. Ведь часто недостаток рабочей силы в тех или иных отраслях связан не с проблемами профессионального образования, а с плохими условиями труда, низкой оплатой, социальной бесперспективностью данных отраслей. Поэтому призыв к ориентации на ры-

нок труда при формировании трудового потенциала может находиться в противоречии с потребностями населения в эффективной занятости, способствующей повышению качества жизни.

Социально-трудоустройственный потенциал – это динамическая характеристика социальных качеств трудоспособного населения, которая во многом зависит от рынка труда. Однако эта зависимость не всегда является непосредственно ориентированной на конкретных работодателей. В особенности это относится к молодежи. В современных условиях лишь единичные предприятия и фирмы могут гарантировать трудоустройство молодого человека на конкретное рабочее место через несколько лет, когда он пройдет обучение. Однако нельзя сказать, что рынок труда не оказывает влияния на профессиональный выбор. Сложная и противоречивая информация о рынке труда отражается в профессиональных стратегиях населения и находится в зависимости от социальных притязаний, представлений различных групп населения о достойном уровне жизни.

В условиях советского общества многие социальные учреждения существовали за счет бюджетов предприятий. Модернизация лишает учреждения социальной сферы этой поддержки, что негативно отражается на уровне жизни населения. Очевидно, что без успешного развития производственно-технической базы невозможно дальнейшее совершенствование социокультурной сферы. Однако на современном этапе нельзя вернуться к прежней модели развития советских городов, когда в рекордные сроки возводился очередной промышленный объект, а развитие социальных и культурных учреждений осуществлялось по остаточному принципу.

В современных условиях возникает потребность планирования занятости населения с учетом изменения социально-экономических условий в будущем. При этом необходимо учитывать не только потребности предприятий в рабочей силе, но также потребности развития социальной инфраструктуры и социально-культурной сферы города.

Таким образом, эффективное решение проблемы формирования и использования социально-трудоустройственного потенциала населения может быть осуществлено при условии того, что индивиды, проживающие на данной территории, будут рассматриваться не как «ресурс» или «резерв» административных структур, а

в качестве активных субъектов гражданского общества, достойных высокого качества жизни.

Итак, среди основных методологических оснований анализа социально-трудового потенциала с позиций теорий структурных изменений можно выделить:

- принцип системности, означающий, что данная категория является комплексной, отображающей взаимодействие различных социальных подсистем на макро- и микро уровне. В современных условиях благосостояние регионов зависит не только от социально-экономических процессов в масштабах государства, но также во многом определяется влиянием глобализации. В этом аспекте понятие социально-трудовой потенциал конкретного региона является условным и зависит от уровня экономического развития. Регионы с более высоким уровнем развития являются миграционно-привлекательными для жителей менее развитых регионов, поэтому трудовые ресурсы последних могут рассматриваться как трудовой потенциал для первых.

- принцип диалектичности, характеризующий процессы структурных изменений, которые имеют неоднозначные последствия по отношению к различным элементам социальной системы. Анализ социально-трудового потенциала следует рассматривать с учетом социально-исторических условий, сформировавшихся в конкретном регионе. Это, в свою очередь, необходимо для реалистичного прогнозирования развития социально-трудового потенциала.

- принцип синергии предполагает изучение социально-трудового потенциала как сложной открытой системы, в которой действуют процессы самоорганизации. Этот принцип означает, что возможности развития и использования социально-трудового потенциала зависят не только от политических решений административных органов, но также во многом определяются действенностью структур гражданского общества.

- принцип гуманизма, характеризующий основную цель реализации социально-трудового потенциала – повышение качества жизни населения. По-нашему мнению, социально-трудовой потенциал – это не только характеристика размещения трудовых ресурсов, в зависимости от структуры экономики, но также показатель условий для развития социальных качеств людей в трудовой деятельности с учетом их потребностей, интересов и возможностей.

Данные принципы позволяют рассматривать социально-трудовой потенциал как комплексный социально-экономический показатель, который находится в сложной зависимости от состояния рынка труда, от характеристик уровня жизни, а также от процессов социальной мобильности населения.

Литература

1. Дунаева Е. Социальная неопределенность как характеристика образовательного пространства молодежи [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение : электрон. журн. – № 1(2). – 2008 – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1%282%29/Dunaeva>, свободный.

2. Меньшикова О. И. Высшее образование как элемент формирования социально-трудового потенциала // Экономика высшего образования. – 2006. – № 4. – С. 65–73.

3. Скалабан И. А. Социальное картирование как ресурс развития территории и повышения качества жизни: методологический аспект // Качество жизни населения в России и ее регионах : монография / под ред. С. В. Кущенко, Г. П. Литвинцевой, Л. А. Осьмук. – Новосибирск : Новосиб. гос. технический ун-т, 2009. – 560 с.

4. Стукаленко Е. А. Подходы к оценке качества жизни на международном и национальном уровне // Качество жизни населения в России и ее регионах : монография / под ред. С. В. Кущенко, Г. П. Литвинцевой, Л. А. Осьмук. – Новосибирск : Новосиб. гос. технический ун-т, 2009. – 560 с.

5. Тоньшева Л. Л. Социально-трудовой потенциал территории: выбор стратегии развития / Л. Л. Тоньшева, В. А. Чейметова [Электронный ресурс] // Налоги. Инвестиции. Капитал. – № 1–4. – 2004. – Режим доступа: <http://nic.pirit.info/200408/136.htm>, свободный.

6. Штомпка П. Социология социальных изменений : пер. с англ. / П. Штомпка. – М., 1996. – 416 с.

7. Юдин Б. Г. Человек и социальные институты // Знание. Понимание. Умение. Гуманитарное знание в 21 веке. Перспективы человека и общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new>, свободный.

Tsvetkova I. V.

Tolyatti State University, Samara region, Tolyatti

Social-labor potential as factor of the regional development

Economical science views labor potential as labor resources. In the end of XX century this category starts to be studied in the connection with the problems of quality of life and level of life. The author highlights the methodological principles of the analysis of social-labor potential, which allow to study the potential in the context of social-humanitarian knowledge.

Keywords: region, regional development, ability to work, social potential, labor potential.

Промышленность Приангарья: область и столица

В статье рассматриваются перспективы развития промышленности Иркутской области, выделяются её наиболее значительные инвестиционные и инновационные проекты. Промышленность Иркутска представлена в процессе её исторического становления. Анализируются причины гибели её важнейших предприятий в рыночной экономике и выживания уцелевших. Прогнозируются перспективы развития.

Ключевые слова: промышленность, регион, инновации, развитие.

Иркутская область – один из важнейших индустриальных регионов России. Направления специализации её промышленности были определены, в значительной мере, с одной стороны, наличием мощных и высокоэффективных топливно-энергетических, сырьевых и водных ресурсов, с другой – дефицитом рабочих рук, а также значительным удорожанием (в силу природно-климатических условий) в сравнении с большинством других районов страны, строительско-монтажных работ и объективной необходимостью платить более высокую заработную плату.

В соответствии с этими объективными условиями в области сформировался промышленный комплекс, специализирующийся, в первую очередь, на производстве электроэнергии, энергоёмкой продукции цветной металлургии, химической, атомной, целлюлозной, микробиологической промышленности, нефтепереработке, заготовке и переработке древесины, а также добыче угля и руд ряда ценных полезных ископаемых. Производство основных видов продукции этих отраслей на душу населения многократно превосходило среднесоюзное, а сейчас превосходит среднероссийское. В предкризисном 2008 г. область произвела промышленной продукции на 328 млрд рублей (1,8 % от России при населении – 1,7 %) и занимает по ее объему 14-е место в стране и 3-е в Сибирском федеральном округе.

Доля Иркутской области в промышленной продукции России: электроэнергия – 6 %, (в т. ч. ГЭС – 29 %), уголь – 4 %, переработка нефти – 5 %, алюминий – 35 %, кремний – 60 %, железная руда – 4 %, золото – 10 %, пластмассы – 12 %, каустиче-

ская сода и хлор – 23 %, вывозка древесины – 15 %, пиломатериалы – 11 %, целлюлоза – 28 %, картон – 8 %, фанера – 7 %, продукция машиностроения – 1,2 %, легкой промышленности – 0,1 %.

Она вносит свой главный вклад в промышленную продукцию страны, вырабатывая электроэнергию, алюминий, продукцию энергоемкой химии, пластмассы, целлюлозу, пиломатериалы, заготавливая древесину, добывая золото, уголь, железную руду и обогащая уран. При этом, если доля отраслей специализации в российском производстве весьма значительна, то доля машиностроения невелика (хотя в авиастроении она лидер), а легкой промышленности – мизерна.

В настоящее время промышленность области находится в состоянии нового индустриального подъема. Различные бизнес-структуры реализуют в ней многочисленные инвестиционные проекты и официально декларируют намерения по реализации многочисленных новых. Кризис серьезно скорректировал перспективы развития промышленности. Но сейчас его последствия преодолеваются, и она снова вышла на путь стабильного развития. Рассмотрим уже реализуемые, а также наиболее обоснованные и вероятные для реализации предлагаемые бизнесом проекты.

Строительство нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» стимулирует освоение нефтяных месторождений (м-й) Иркутской области. АО «Верхнечонскнефтегаз» осваивает Верхнечонское м-е, на котором намечается добыть 9,5 млн. т нефти в год. Осваиваются местными компаниями и небольшие м-я: Марковское, Ярактинское, Даниловское, Дулисьминское. Общий годовой объем добычи нефти в области может составить к 2015 г. до 12 млн. т.

Реальна несколько заторможенная из-за кризиса программа газификации области. Она предусматривает в близкой перспективе подачу на юг ее газа с Чиканского м-я (фактически участка Ковыктинского) в объемах до 4 млрд кубометров. Северные районы области предполагается газифицировать и развивать там электроэнергетику за счет местных нефтегазовых м-й. Их суммарные запасы (около 300 млрд кубометров) вполне могут обеспечить необходимые объемы добычи.

На «Саянскхимпласте» разработана программа развития предприятия. Она предполагает с приходом газа организацию на его площадке газоразделения с извлечением из газа гелия и эта-

на. На этот этап должно быть переведено производство поливинилхлорида с увеличением его мощности с 250 до 400 тыс. т в год. Этот проект положит начало созданию в области газохимии.

«Российский алюминий» ведет строительство в Тайшете алюминиевого завода мощностью в 750 тыс. т в год.

Началось широкомасштабное развитие в области черной металлургии. «Восточносибирская металлургическая компания» строит в Братске металлургический завод. Его годовая мощность 500 тыс. т проката (1-я очередь) и 530 тыс. т стали (2-я очередь). Он будет работать на металлоломе, поставляемом ранее в Китай. Одновременно «Сибирская металлургическая компания» строит в поселке Михайловка завод листовой стали, мощность 1-й очереди 450 тыс. т в год. Она использует корпуса остановленного завода огнеупоров. В Черемхово началось строительство металлургического завода мощностью 1 млн т в год для производства металла методом прямого восстановления железа.

Один из немногих в области инновационных проектов осуществляет на «Химпроме Усолье» компания «Нитол». Там строится производство поликремния мощностью 5000 т в год. Предполагается перерабатывать его в пластины для солнечных батарей.

Корпорация «Биотехнологии» создает на основе остановленного Тулунского гидролизного завода производство биобутанола (добавка к бензинам) мощностью 30 тыс. т в год. Одновременно завод будет выпускать кормовые дрожжи для животноводства, ацетон и другие продукты.

Под эгидой МАГАТЭ реализуется проект создания Международного центра по обогащению урана на базе Ангарского электролизно-химического комбината. Он предусматривает четырехкратное увеличение мощности предприятия. Это проект мирового уровня.

В начале нового крупномасштабного подъема находится лесной комплекс области. Ведется строительство ряда крупных и средних предприятий в лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности, а также реконструкция и развитие целлюлозных предприятий. Крупнейшая новостройка деревообрабатывающей отрасли комбинат по переработке 1 млн. кубометров в год в Усть-Куте, который строит «Транссибирская лесная компания». Его специализация производство пиломатериалов для строительства домов.

Компания «Илим Восток» намеревается модернизировать Усть-Илимский целлюлозный завод с увеличением мощности по производству целлюлозы с 587 до 744 тыс. т в год. В составе Братского ЛПК она начинает строительство нового целлюлозного завода с годовой мощностью 630 тыс. т с выводом одновременно ряда устаревших мощностей. ЗАО «Инвестиционная группа Приангарье» намеревается построить целлюлозные комбинаты в Тайшете и Усть-Куте годовой мощностью соответственно 600 тыс. т и 1 млн. тонн. Средства на строительство выделяют «Внешэкономбанк» и «Государственный банк развития Китая».

Новое промышленное и транспортное строительство в области вызывает необходимость создания дополнительных мощностей в электроэнергетике. В ближайших планах «Иркутск-энерго» развитие ряда действующих ТЭЦ. Компанией запланировано также в числе первоочередных объектов строительство электростанции мощностью 990 тыс кВт. на угле в районе Тайшета. В ее планах также станция на газе в Усть-Куте мощностью 1200 тыс. кВт.

Впечатляют размеры инвестиций (в долларах) в крупнейшие проекты области. Иркутский участок нефтепровода ВСТО обошёлся почти в 5 млрд. Стоимость алюминиевого завода в Тайшете 1,2 млрд., а на развитие «ИРКАЗа» затрачено свыше 840 млн. Целлюлозные комбинаты в Усть-Куте и Тайшете обойдутся в 3,4 млрд. а завод в Братске – в 670 млн. Затраты нефтяников на разведку и добычу нефти только за 3 года (2009–2011) – 2 млрд. В деревообрабатывающей промышленности в последние годы построены и строятся сейчас предприятия общей стоимостью свыше 1,5 млрд. Усольский поликремний обойдётся в 650 млн. Металлургические заводы – свыше 2 млрд. Итого инвестиций почти на 15,5 млрд. долларов. И это не все крупнейшие промышленные объекты, а сколько ещё менее капиталоемких стоимостью ниже 100 млн.

В развитии промышленности области может быть отмечен весьма солидный ряд инновационных проектов, отвечающих передовым современным направлениям индустриального развития. В их числе производство поликристаллического кремния в Усоле, железа методом прямого восстановления на металлургических заводах, продукции газохимии в Саянске, биобутанола на гидролизных заводах, новые самолеты Иркутского авиазаво-

да, развитие электролизно-химического комбината, обратная закачка неиспользованного газа в нефтяной пласт.

Итак, промышленность Иркутской области находится в стадии крупномасштабного подъёма. Посмотрим какова ситуация в промышленности Иркутска. Сначала заглянем в историю.

Хотя в «досоветские годы» Иркутск развивался преимущественно как административный, торговый и транспортный город, его экономика ещё в Царской России имела солидный промышленный сектор. В металлообработке доминировали крупные заводы по ремонту подвижного состава Транссибирской магистрали, были также небольшие механические мастерские и кузницы. Машиностроение представляли обозные мастерские (по сути дела, телегостроительный завод) с численностью занятых около 100 человек. В городе имелись также 2 электростанции, 2 деревообрабатывающих завода. Они перерабатывали лес, который сплавлялся по Ангаре и Иркуту. Пиво варили 3 завода, были ещё и мелкие пивоварни. Кирпичом город обеспечивал крупный по тем временам завод в Лисихе. Промышленный комплекс Иркутска дополняли крупная типография, кожевенный, водочный, мукомольный заводы и золотоплавильная мастерская.

В довоенный «советский период» Иркутская область не была в числе фортпостов индустриального развития страны, каким она стала в послевоенные годы. Но, тем не менее, получила значительное развитие. В Иркутске на месте обозных мастерских вырос завод тяжёлого машиностроения, выпускающий горное оборудование. Его драги получили широкое распространение в золотодобывающей промышленности страны. В районе города, известном теперь как Иркутск-2, построили небольшой тогда авиационный завод. Увеличилась мощность главной иркутской ТЭЦ, и построили 2 небольшие в составе машиностроительных заводов. Основу лёгкой промышленности составили построенные в 30-е гг. швейная, обувная, меховая и сапоговаляльная фабрики, пищевую – возглавил крупный мясокомбинат, хлебозаводы заменили мелкие хлебопекарни.

Промышленный подъём, начавшийся в области в послевоенные годы и продолжавшийся до начала экономических реформ в девяностых годах, полностью захватил Иркутск. Но, в отличие от её других индустриальных городов, специализирующихся на добыче полезных ископаемых и производстве продукции первого передела, в Иркутске получила развитие

промышленность конечных переделов: машиностроение, лёгкая, пищевая, строительных материалов, полиграфическая, мебельная. Но если в целом промышленность Иркутской области развивалась на основе выверенной, научно обоснованной стратегии, то в Иркутске она создавалась преимущественно стихийно. В результате машиностроительные предприятия города (кроме ИЗТМ) работали не на отрасли специализации области и даже Сибири, а на союзный рынок.

К началу экономических реформ (1992 г.) Иркутск превратился в один из крупнейших индустриальных центров Сибири и Дальнего Востока. В его промышленности выделялось развитое машиностроение, в котором работали высокотехнологичные предприятия авиастроения, радиоэлектроники, приборостроения, их дополняло производство горного и металлургического оборудования, станков, автомобильных деталей. В металлообработке доминировали заводы по ремонту самолётов, подвижного состава железной дороги, речных судов. Численность занятых на крупнейших заводах в предреформенные годы составляла: авиазавод – 17–20 тысяч человек, радиозавод – 8,5–9, ИЗТМ им Куйбышева – 5,1–5,5, заводах Релейный и Радиан – по 4,5 тысячи.

Лёгкую промышленность представляли швейное (3000 чел) и обувное (1600 чел.) объединения, трикотажная (600 чел) и меховая фабрики, кожевенный завод и другие. В пищевой промышленности выделялись предприятия зонального значения: масложиркомбинат (ок. 1000 чел), мясокомбинат (1100 чел.), мельничный комбинат, Чаеразвесочная фабрика, пивоваренный и водочный заводы. Их дополняли кондитерские и макаронная фабрики, хлебозаводы, молочный завод. Производство строительных материалов представляли домостроительный комбинат, заводы железобетонных изделий и кирпичные. В городе работали слюдяная и мебельная фабрики, 2 крупные типографии.

Электрической и тепловой энергией город обеспечивали Иркутская ГЭС, Новоиркутская ТЭЦ, ТЭЦ-2, а также ряд котельных и электробойлерных.

В годы возрождённого российского капитализма промышленность столицы Приангарья понесла огромные потери. Они особенно велики в машиностроении и лёгкой промышленности.

В 90-е гг. прошлого века вместе с экономическим спадом в стране в ней резко сократилась потребность в продукции маши-

ностроения. Был ликвидирован оборонный заказ. Большинство предприятий отрасли не могли конкурировать своей продукцией на платёжеспособном зарубежном рынке и ориентировались только на отечественный, резко сократившейся и неплатёжеспособный. В результате многие машиностроительные заводы Иркутска значительно сократили производство или вообще прекратили существование.

Из крупных заводов отрасли с минимальными потерями вписался в рынок только авиационный. Его высококлассный коллектив делал военные самолёты «СУ» на уровне мировых стандартов и ещё в советские годы им был освоен рынок Индии, Китая, Малайзии. Их заказы спасли завод. Попутно он начал производить пожарный самолёт «БЕ-200», также востребованный на рынке. Сейчас он считается лучшим авиазаводом страны, продолжает совершенствовать истребители «СУ», осваивает производство «МИГ-130» и пассажирского самолёта «МС-21», который придёт на смену «ТУ-154». На нём работает около 12 тыс. человек.

«ИЗТМ» потерял из-за ликвидации оборонного заказа своё военное производство. Но его высококлассный коллектив инженеров и рабочих позволил сохранить на сильно сократившихся площадях производство горного и металлургического оборудования, в т. ч. знаменитых драг. Его продукция успешно конкурирует как на российском, так и зарубежном рынке, особенно в Монголии и Китае. На заводе сейчас около тысячи занятых. На краю гибели был релейный завод. Его в конце девяностых выручил крупный государственный заказ на производство ракет «Тополь». Затем он нашёл других, как военных, так и гражданских потребителей. Среди них в частности нефтегазовый комплекс. На нём осталось около 800 человек.

Упорно боролся за жизнь радиозавод, берясь за любые заказы, например ремонт автобусов. Но в 2005 г., когда прекратилась поддержка государства, он прекратил существование. Уже в начале девяностых годов, оставшись без платёжеспособных потребителей, остановились заводы «Радиян», станкостроительный, карданных валов. Руководители двух последних при первых же трудностях продали оборудование и сдали корпуса в аренду торговле. А вот небольшой (около 100 занятых) завод дорожных машин, выпускающий технику для дорожного строительства, уцелел и успешно вписался в рынок. Он даже в начале

девяностых годов имел надёжных платёжеспособных заказчиков в лице компаний, строящих дороги.

Конкуренция зарубежных товаров, качественных и не очень, в том числе контрабандных, многократно сократила производство в лёгкой промышленности. Швейное объединение трансформировалось в фабрику «ВИД» (несколько сотен занятых), костюмы которой вполне конкурентоспособны. Обувщиков долгое время представляла небольшая фабрика «БЛИК», которая всё же разорилась. Но появилась новая «Барс», также небольшая, около сотни занятых.

Пищевой промышленности, продукция которой сразу оплачивается живыми деньгами потребителей и конкуренция привозных продуктов не столь высока, бороться за выживание оказалось легче, чем лёгкой, да и менеджмент в ней оказался сильнее. Большую помощь ей оказали городская и областная администрации.

Уверенно выжил, завоевавший рынок Сибири и Дальнего Востока и создавший мощный агро-пищевой холдинг Иркутский масложиркомбинат. Успешно конкурирует с коллегами из области и других субъектов федерации мясокомбинат. Не ограничиваясь покупным мясом, он создаёт в области также собственную животноводческую базу. Работают пивобезалкогольный комбинат, собственником которого стала крупная международная компания «Хайнекен», и кондитерская фабрика «Ангара». В единый холдинг объединились иркутские хлебозаводы, включив в свой состав мельничный комбинат.

Но в 1990-е гг. погибли фабрики чаеразвесочная и макаронная. Серьёзные потери пищевая промышленность города понесла совсем недавно. Два года назад хозяева кондитерской фабрики «Иркутская», старейшей в области, прекратили на ней производство и разместили в её корпусах торговый и развлекательный комплексы. Владелец иркутского ликёроводочного завода «Байкальский кедр» фирма «Алкобольные заводы Гросс» прекратила на нём производство водки. Когда-то Иркутский завод был крупнейшим поставщиком русской водки в США. А сейчас водка «Байкал», продающаяся в Иркутске, завозится в него из Ульяновска, причём делается на привозной байкальской воде. Как такое допустили городские и областные власти?!

Иркутские предприятия строительных материалов сокращали производство и гибли синхронно со снижением в городе и

области строительных работ. Погибли иркутский домостроительный комбинат и крупный завод железобетонных изделий (ЖБИ) «Востоксибстроя». Но ряд заводов ЖБИ с помощью структур, которым они принадлежали, сумели уцелеть, в том числе крупнейший в городе завод «Электросетьстроя». Уцелели и кирпичные заводы. В настоящее время с подъёмом в области и городе жилищного и промышленного строительства иркутские предприятия строительных материалов успешно работают.

Без потерь уцелела полиграфическая промышленность города. Уверенно работают обе его крупные электростанции: Иркутская ГЭС и Новоиркутская ТЭЦ. Старейшую в городе «ТЭЦ-2» «Иркутскэнерго» остановило из-за нерентабельности её работы на дорогом мазуте.

За годы реформ в Иркутске появились десятки мелких предприятий металлообработки, пищевой промышленности, деревообработки (с числом занятых до нескольких десятков человек). Но не появилось ни одного крупного предприятия и всего одно среднее. Это холдинг с четырьмя сотнями занятых. Его образуют заводы «Энерпром» и «Энерпред», которые выпускают вспомогательный гидравлический инструмент и гидравлическое оборудование. Их дефицит на рынке увидели хозяева его и успешно внедрили в эту рыночную нишу. Также в рыночную нишу успешно вписался, создав своё предприятие, хозяин небольшого (около 100 занятых) завода низковольтных устройств.

В советские годы промышленность уверенно лидировала в экономике Иркутска. В 2010 г. объём производства её продукции 67 213 млн. рублей значительно уступал городскому обороту розничной торговли – 92 526 млн. руб. Но продукцию идущих за ней на 3 и 4 местах отраслей: платные услуги населению (33 150 млн. руб.) и транспорт (20 478 млн. руб.) она также значительно превосходит. В стоимости промышленной продукции абсолютно доминирует машиностроение. В 2010 г. производство транспортных средств (сюда входят и самолёты), машин и оборудования составило 51 057 млн. руб. (ок. 76 %). Продукция пищевой промышленности – 7683 млн. руб. (11 %), производство электроэнергии – 6070 млн. руб. (9 %). Доля города в продукции промышленности области: машиностроение – 84 %, пищевые продукты – 40 %, строительные материалы – 20 %, мощность электростанций – 10 %.

В 2009 г. на крупных и средних промышленных предприятиях Иркутска работало 30 346 человек, 16 % от численности занятых в экономике города. За последние годы значительно повысился уровень экологичности его промышленности. С выводом с территории «ИЗТМ» литейного производства из предприятий промышленности, загрязняющих природную среду, остались только Новоиркутская ТЭЦ и угольные котельные. Но с газификацией южных районов области и в т. ч. Иркутска можно будет перевести на более экологичный газ, по крайней мере, котельные, так как «Иркутскэнерго» переводить на него Новоиркутскую ТЭЦ не намечает.

Рассматривая перспективы развития промышленности Иркутска, необходимо отметить следующее. За годы реформ в очень непростом российском рынке в первую очередь устояли и уверенно работают производства, использующие её ресурсные преимущества. Выжили в конкурентной борьбе энергоёмкие производства алюминиевой, атомной, химической, целлюлозной промышленности. Им помогли успешно работать высокоэффективные топливно-энергетические и сырьевые ресурсы области. И наоборот, отрасли, не имеющие в области ресурсной базы: машиностроение, радиоэлектроника, лёгкая, химико-фармацевтическая промышленность понесли за годы реформ наибольшие потери. Производство их продукции многократно снизилось, многие предприятия прекратили существование.

Бизнес очень неохотно идёт со своими капиталами в эти отрасли, особенно (как показал опыт реформ) в Иркутской области. В ресурсных отраслях промышленности области, как показано выше, реализуется и готовится к реализации много капиталоемких и инновационных проектов. А в её машиностроении и лёгкой промышленности реальных замыслов бизнеса (таких же надёжных, как в ресурсных отраслях) не видно. В Иркутске намечалось строительство совместно с китайцами завода автопогрузчиков, но не вышло. Шеньянская трансформаторная компания высказала намерение построить в нём на совместные инвестиции трансформаторный завод, но плохо верится. Скорее всего, китайцы капитально оккупируют сибирский рынок, а трансформаторы будут на него поставлять только свои, сделанные в Китае.

Предприниматели, работающие в лёгкой промышленности области, считают, что инвестиции в неё не идут потому, что по-

тенциальные инвесторы не видят в этом смысла, пока внутренний рынок не защищён от притока дешёвой контрабанды из Китая, Турции и других стран. Но наши властные структуры не спешат проявлять активность для решения этой проблемы.

Наибольшие перспективы индустриального развития Иркутска видятся в его машиностроении. Во-первых – это развитие действующих уцелевших предприятий. Успешная работа авиационного завода способствуют развитию предприятия и созданию на нём новых производственных площадей. Развитие заводов ИЗТМ и Релейного тесно связано с подъёмом экономики страны и в результате потребности в их продукции. Для ИЗТМ – это реализация бизнесом многочисленных ресурсных проектов в Сибири и на Дальнем Востоке, для Релейного – создание производств потребляющих коммутационную технику, чему активно способствует курс на инновационное развитие страны. Не исключено и появление в городе новых машиностроительных заводов, в частности реализация намерения с заводом трансформаторов, а в перспективе не исключены и другие замыслы бизнеса. В Восточной Сибири нет ни одного автосборочного завода, а они тяготеют к районам потребления их продукции. Местом размещения такого завода вполне мог бы стать Иркутск.

Рост жилищного строительства в городе способствует развитию в нём производства строительных материалов. «Иркутск-энерго» намечает развитие тепловой и электрической мощности Новоиркутской ТЭЦ, в перспективе в планах компании строительство в Иркутске новой крупной электростанции (около 1 млн. кВт) на газе.

Стимулом развития промышленности Иркутска является необходимость создания рабочих мест для входящих в трудоспособный возраст его жителей, его индустриальный, образовательный и научный потенциал. Возможности промышленности здесь не следует игнорировать. Нельзя развивать экономику страны преимущественно на основе торговли и сферы услуг. Чтобы торговать, нельзя только закупать товары, необходимо их и производить. Деиндустриализация страны в новой России нанесла огромный удар по её экономике особенно инновационному развитию. Такое положение неприемлемо. Задача властных структур страны всех уровней – способствовать развитию реальной экономики, создающей материальные ценности, и в первую очередь промышленности.

Литература

1. Должных В. Н. Центр индустриальной области / В. Н. Должных. – Иркутск : Востсибкнижиздат, 1962. – 126 с.
2. Корзинников С. П. Промышленность Иркутской области за 40 лет / С. П. Корзинников. – Иркутск : Востсибкнижиздат, 1957. – 114 с.
3. Тараканов М. А. Промышленность Иркутской области / М. А. Тараканов. – Иркутск : Издат. ИГУ, 2001. – 282 с.
4. Тараканов М. А. Промышленность Иркутской области в годы российских экономических реформ / М. А. Тараканов. – Иркутск : Издат. ИГУ, 2006. – 252 с.

Tarakanov M. A., Guseva M. M.

Department of regional economic and social problems
of Irkutsk scientific center SB RAS, Irkutsk

Irkutsk region industries. The region and its administrative center

The article considers the prospect of Irkutsk region industrial development and highlights the most significant investment and innovational projects. The given article reveals the historical formation of Irkutsk industries. The reasons why some important industries failed to survive in market economy while others managed to do so are analyzed in this work. The article attempts to forecast prospect of the development.

Keywords: industry, region, innovations, development.

Развитие промышленной кооперации в Иркутской области

В настоящей статье дано понятие промышленной кооперации, показано, какое место заняла кооперация в современном мире и как развивались процессы промышленной кооперации в Иркутской области за последние годы, её участие в федеральных общественных организациях, содействующих развитию кооперации в России и регионах.

Ключевые слова: промышленная (производственная) кооперация, субконтрактинг, региональные центры кооперации.

Взаимодействие в рамках кооперации предполагает гораздо более тесное взаимное проникновение бизнеса участвующих в нем сторон, чем, к примеру, при отношениях купли-продажи. Работа в рамках кооперации предъявляет к участникам сотрудничества особые требования в отношении технологии и организации производства продукции (выполняемых работ), а так же четкого соблюдения ритмичности поставок (производства). Наладивание работы в соответствии с требованиями кооперации может повлечь за собой не только дополнительный расход сил и энергии руководителя (владельца) бизнеса, но часто и существенных финансовых затрат. Например, на дооснащение (переоснащение) производства, внедрение современных средств и методов логистики, обучение персонала, проведение сертификаций и т. д.

Одним из наиболее распространенных видов промышленной кооперации является субконтрактинг. Это способ организации производства, использующий разделение труда между заказчиком (контрактором) и субконтракторами (поставщиками), выполняющими работы и услуги, в соответствии с техническими условиями, предоставленными контрактором. Чаще всего контрактором является головное (сборочное) предприятие с минимально необходимыми собственными производственными мощностями (сохраняются только наиболее прибыльные производственные процессы). Субконтрактинг доказал свою эффек-

тивность в международной практике, а в России промышленные предприятия активно переходят к его использованию.

Наибольшее распространение промышленная кооперация получила в следующих отраслях: машиностроение, металлообработка, автомобильная промышленность, авиастроение, электроника, электротехника, химическая промышленность (пластмассы, резина), текстильная, кожевенная промышленность, деревообработка.

Производственная кооперация позволяет предприятиям отойти от сложившейся модели крупного производства, преобладания узкой товарной специализации (только один вид продукции) и широкой универсализации подготовительного производства (детали, комплектующие, компоненты). В современном мире международная производственная кооперация занимает ведущее место среди других форм внешнеэкономических связей в силу присущих ей объективных преимуществ:

- посредством небольшого увеличения объема взаимных поставок комплектующих, она позволяет добиться значительного увеличения выпуска конечной продукции и ее реализации на внутреннем и внешнем рынках;

- позволяет быстрее повышать технический уровень производства благодаря совершенствованию управления производством, внедрению достижений мировой практики менеджмента и маркетинга, повышению эффективности производственных процессов на базе максимального использования передовых мировых достижений;

- позволяет сократить удельные инвестиционные и научно-технические затраты, а также издержки производства при организации новых и модернизации действующих производств, сократить сроки обновления продукции и технологий предприятий, по сравнению с обособленным производством.

Все вышеперечисленные преимущества стали получать и российские предприятия, устанавливающие кооперационные связи. Вступление в международное разделение труда и установление кооперационных связей с зарубежными предприятиями стало одним из наиболее важных путей освоения мирового рынка российскими предприятиями, но оно стало затруднено по причине не соответствия производственных и управленческих процессов общепризнанным правилам и регламентам. Эти регламенты за рубежом строго контролируются на всех уровнях

соответствующей компетенции – корпоративном, региональном, федеральном, межгосударственном. За рубежом все инвестиционные проекты структурируются по типовой схеме, обусловленной стандартами ИСО. Эта схема не соответствует нашим ГОСТам и ОСТам.

В Европе уровень развития промышленной кооперации остается достаточно высоким. В последнее время европейские производители проявляют повышенный интерес к производствам с более низкими ставками оплаты труда. Западные механикообрабатывающие предприятия с их впечатляющими достижениями в социальной сфере уже не могут предложить конкурентоспособную продукцию по ценовым критериям. Именно здесь у российских производителей могут быть очень выгодные позиции. В наиболее благоприятном положении оказываются малые и гибкие производства, способные в кратчайшие сроки осваивать выпуск небольших партий изделий по более низким, чем на Западе, ценам.

Лидером в развитии кооперации в Иркутской области стал Иркутский авиационный завод – филиал ОАО «Корпорация «Иркут» (ИАЗ), крупное предприятие объединяющее вокруг себя дочерние предприятия. ИАЗ накопил значительный опыт международного сотрудничества, принимает участие в международных проектах по кооперации, а так же может (и намерен) подключать предприятия, создавая при этом схемы «внутрирегиональной кооперации». Опыт ИАЗ рекомендован для внедрения на промышленных предприятиях Иркутской области (по вопросу внедрения технологий «Бережливого производства»). Очевидны его заслуги в сфере развития кооперационных связей с индийской авиастроительной корпорацией Hindustan aeronautical LTD (HAL) и европейским аэрокосмическим и оборонным концерном European Aeronautic Defence and Space Company EADS (EADS).

С индийской авиастроительной корпорацией HAL ИАЗ работает со второй половины 90-х в рамках программы по созданию практически нового самолета СУ-30МКИ. В 2000 г. в Иркутске с HAL были подписаны лицензионные контракты на выпуск Су-30МКИ в Индии, а в 2003 г. – соглашение об углублении промышленной кооперации. Программа создания СУ-30 МКИ и его производство по целому ряду параметров до

сих пор не имеет равных во всей истории военно-технического сотрудничества РФ с зарубежными странами.

EADS стала нужна в качестве основного стратегического партнера, который бы помог адаптировать работу под стандарты качества, управления, проектирования и производства мировой авиационной промышленности. EADS так же заинтересован в этом партнерстве, поскольку оно дает доступ на российский рынок, а так же к Объединенной Авиастроительной Корпорации. Кроме того, ИАЗ является производителем с низкой себестоимостью и огромным интеллектуальным капиталом. В рамках сотрудничества с EADS, ИАЗ развернул серийное производство компонентов для аэробусов А-320 и стал первым предприятием в России, получившим сертификаты соответствия стандартам Airbus и EN9100. Для этого на предприятии было проведено дорогостоящее техническое переоснащение, разработаны и внедрены специальные обучающие программы, создано отдельное подразделение логистики и складские площади под проект, а так же проведена стажировка персонала на заводах-партнерах в Германии и Франции.

Развитию кооперации на каждом уровне (региональном, федеральном, межгосударственном) могут способствовать региональные, федеральные или отраслевые структуры. В России это, например, региональные центры кооперации (поддерживающие информационные базы данных по предприятиям и их потребностям), отделы при администрации региона (разрабатывающие программы развития кооперации), крупные предприятия (объединяющие вокруг себя небольшие предприятия) и корпорации (например, Объединенная авиастроительная корпорация), а так же общественные организации (представляющие интересы отрасли).

В промышленности России инфраструктурную поддержку развитию кооперационных связей осуществляет Центр промышленной субконтракции и партнерства, в машиностроении – отраслевая общественная организация «Союз машиностроителей России».

Первый Межрегиональный Центр промышленной субконтракции и партнерства создан на территории России в 1998 г. Его региональные центры субконтракции действуют при поддержке региональных органов власти, осуществляют взаимодействие с общественными объединениями предпринимателей,

системой торгово-промышленных палат. Региональные центры субконтрактации (субконтрактинга) предоставляют промышленным предприятиям услуги по направлениям:

- поиск партнеров по производственной кооперации: привлечение и размещение кооперационных заказов, поиск и квалификационный отбор партнеров по кооперации;
- повышение конкурентоспособности на рынке субконтрактных поставок: маркетинг, формирование баз данных, конкурентный анализ, организационные улучшения субконтрактного предприятия;
- разработка, внедрение и сертификация систем менеджмента в соответствии с требованиями международных и российских стандартов серии ISO;
- консультирование по формам и механизмам государственной поддержки малых и средних производственных предприятий.

В настоящее время в информационной системе субконтрактации по России зарегистрировано:

Региональных центров субконтрактации – 34 (из 83 регионов РФ);

- Субконтракторов (поставщиков продукции производственного назначения) – 13 925;
- Контракторов (заказчиков продукции производственного назначения) – 2869;
- Предложений и запросов на поставку производственного оборудования – 2;
- Актуальных заказов – 1519;
- Арендаторов производственных помещений – 1050;
- Арендодателей производственных помещений – 1329;
- Актуальных предложений/запросов по аренде и продаже производств. помещений – 420.

Среди 34 региональных центров субконтрактации Иркутской области нет, однако зарегистрированы её предприятия:

- в числе заказчиков: НИИПИ «ТОМС», ООО «СКБ электротехнического приборостроения», ООО «Байкальские канаты», ремонтно-монтажный комбинат ОПС, ООО «Иркутский опытно механический завод», ООО «АРМЕТ», ООО «Торговый Дом «АрМет», Корпорация «Энерпром», ООО «Ирбис-комплект», «ИрМаш», Иркутский машиностроительный завод, Торгово-промышленная палата города Братска

- в числе поставщиков: ЗАО «ТД Энерпред», ООО «Альбион Групп», НИИПИ «ТОМС», ЗАО «ТД «Энерпром», ОАО «Иркутский релейный завод», ООО «СКБ электротехнического приборостроения», Главное управление Федеральной службы исполнения наказаний по Иркутской области, ООО «Байкальские канаты», ЗАО «Энерпред», Компания «Стройдормаш-Сервис», ООО «Тимокс» (Братск), «Центральный ремонтно-механический завод» (Братск), Сибмонтажавтоматика.

Союз машиностроителей России» является некоммерческой организацией, созданной на добровольной основе работодателями (юридическими и физическими лицами), осуществляющими деятельность в различных отраслях машиностроительного комплекса РФ. Объединение создано в 2007 г. для представительства интересов и защиты прав своих членов во взаимоотношениях с профсоюзами, органами государственной власти, местного самоуправления, а также с другими объединениями работодателей, общественными организациями, Международной организацией труда, Международной организацией работодателей и иными международными организациями. Основной целью деятельности Союза является формирование стратегии развития отрасли, а также участие в формировании механизмов активной государственной политики по поддержке национального машиностроительного комплекса на уровне ведущих промышленно развитых стран. Союз представляет интересы около трех миллионов трудящихся, занятых в различных сферах машиностроения.

Иркутское региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз машиностроителей России» (ИРО) организовано в ноябре 2007 г. В него вошли следующие предприятия области:

- Группа компаний «Радиян» (в состав группы компаний «Радиян» входят десять предприятий, основными отраслями в бизнесе являются электромонтажные и энергетические направления);

- ОАО «Иркутсккабель» (учитывает потребности всех отраслей экономики и специализируется на выпуске кабельной продукции энергетического назначения);

- Закрытое акционерное общество «ТД «Энерпром» (проектирование и производство гидравлического оборудования и

инструмента для основных отраслей промышленности и транспорта);

- Иркутский авиационный завод – филиал ОАО «Корпорация «Иркут» (производство, ремонт, модернизация изделий авиационной техники);

- ООО «АЭМЗ» (производитель низковольтной аппаратуры и выключателей автоматических);

- ОАО «ПО «ИЗТМ» (выпуск золотодобывающего, горнообогатительного и металлургического оборудования);

- ОАО «ВостСибМаш» (изготавливает различное оборудование, литейную продукцию для нефтеперерабатывающих и добывающих предприятий);

- ЗАО «Энерпред Холдинг» (производство гидравлического инструмента широкого спектра действия и применения);

- ОАО «Иркутский завод дорожных машин» (выпуск высокопроизводительных автогудронаторов мирового уровня);

- ОАО «Иркутский релейный завод» (вид деятельности: разработка и изготовление коммутационной техники).

ИРО, совместно с управлением по развитию промышленности областного правительства, продолжает работу по формированию информационной базы машиностроительной продукции, выпускаемой и потребляемой в Иркутской области с целью содействия развитию кооперации, в том числе, выявлению приоритетных направлений инновационной деятельности машиностроительных предприятий Иркутской области. ИРО тесно сотрудничает с правительством Иркутской области.

За последние годы в Иркутской области произошли события, которые говорят о том, что в регионе промышленная кооперация развивается. Одним из первых в России создан региональный центр «Союза машиностроителей России» председателем которого стал директор ИАЗ. В настоящее время в нем состоит 10 предприятий области (машиностроение, авиастроение, электротехника), расположенные в городах: Иркутск, Ангарск, Шелехов. В 2007 г. ИРО начало работу по содействию развитию промышленной кооперации в регионе. Предприятия региона хранят информацию (о привлечении и размещении заказов) в информационной системе Центра промышленной субконтракции и партнерства России для поиска партнеров по производственной кооперации.

Предприятие-лидер в сфере развития кооперации ИАЗ заявил о своем намерении развивать кооперацию в промышленности области в рамках главного перспективного проекта самолета МС-21, для которого будет подключено максимально возможное количество местных предприятий (энергетика, капитальное строительство, производство оснастки), а так же вошел в международную промышленную кооперацию (по контрактам с EADS). EADS является второй в мире по величине аэрокосмической компанией (после концерна Boeing) и вторым в Европе производителем вооружения и военной техники (после компании BAE SYSTEMS). На момент заключения первого контракта с корпорацией EADS, количество её служащих составляло более чем 100 тыс. человек на семидесяти промышленных площадках, расположенных по всему миру.

Совместное производство создано Иркутским заводом тяжелого машиностроения с крупной китайской корпорацией, которая работает как на внутренний рынок, так и на мировой – в Турции и Японии. На производственной площадке в Китае изготавливают заготовки для клапанов горячего дутья на ультрасовременном оборудовании. Для завода китайская площадка – дополнительный трамплин на внешний рынок.

По мнению департамента экономики Иркутской области, налаживание кооперации с государствами как Азиатско-Тихоокеанского региона, так и Европы в конкурентоспособных на мировом рынке производствах, имеющих высокий научно-технический потенциал, является одним из трех основных направлений развития внешнеэкономической деятельности Иркутской области (наравне с развитием взаимоотношений экономических структур области и стран Азиатско-Тихоокеанского региона на основе традиционно сложившихся связей и разработкой новых крупных энергетических проектов).

Литература

1. Официальный сайт Общероссийской общественной организации «Союз машиностроителей России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soyuzmash.ru/about/smash.php>, свободный (дата обращения: 25.03.2011).

2. Официальный сайт Межрегионального Центра промышленной субконтрактации и партнерства [Электронный ресурс]. – Режим обращения: <http://www.subcontract.ru>, свободный (дата доступа: 20.03.2011).

3. Программа развития кооперации на территории свердловской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.tppnt.ru/ price/programa %20razvitiya.pdf](http://www.tppnt.ru/price/programa%20razvitiya.pdf), свободный (дата доступа: 01.04.2011).

4. Государство дает «Иркуту» 24 млрд руб. на разработку авиалайнера МС-21 // Ведомости : ежедневная деловая газ. – 2011. – 11 февр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/companies/news/1209362/rf-daet_irkutu_24_mlr_d_rublej_na_razrabotku_ms21 (дата обращения: 01.04.2011).

5. Громова И. П. Факторы развития международной производственной кооперации в России : дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / И. П. Громова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/economika-hoziajstva/gromova.html> (дата обращения: 01.04.2011).

6. Официальные сайты предприятий Иркутской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://irkmash.ru/enterprises>; <http://www.radian-holding.ru>; www.irkutskkabel.ru; <http://www.enerprom.ru>; <http://www.irkut.com>; www.aemz.biz; www.iztm.ru; www.vsmz.irtel.ru; www.enerpred.com; www.izdm.ru; www.irzirk.ru, свободный (дата обращения: 01.04.2011).

7. Департамент экономики Иркутской области // Иркутская область: Внешние связи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pribikal.ru/cooperation.html>, свободный (дата обращения: 08.04.2011).

8. <http://ru.wikipedia.org/wiki/EADS>.

Guseva M. M.

Department of regional economic
and social problems, Irkutsk scientific center SB RAS,
Irkutsk

Industrial cooperation development in Irkutsk region

This article offers a definition of industrial cooperation and shows the role that cooperation plays in modern world as well as how the processes of industrial cooperation have been developing in Irkutsk region; also, the article considers the participation of Irkutsk region in federal public organizations aimed at the development of cooperation in Russia and its regions.

Keywords: industrial cooperation, subcontracting, regional centers of cooperation.

Местное самоуправление как фактор развития социально-экономического потенциала территории

В данной работе рассматриваются теоретические аспекты участия органов местной власти в управлении процессами социально-экономического развития территорий. Выявлены факторы, повышающие эффективность участия органов самоуправления в регулировании социальными процессами, происходящих в пределах муниципального образования. В контексте развития форм прямой демократии и становления гражданского общества раскрывается сущность местной власти как значимого субъекта локальной социальной политики, что предполагает комплексный подход к проблемам местного самоуправления, т. е. изучение как формальных аспектов проблемы, так и спонтанного развития самоуправленческих неформальных институтов и практик.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, самоуправление, социальные процессы, гражданское общество.

Одной из тенденций развития современной российской социальной политики является тенденция к децентрализации и, конкретнее, к муниципализации. Это означает, что значительная часть ответственности за социально-экономическое развитие всей страны и отдельных регионов и локальных сообществ, обеспечению социальной защищенности граждан, ложится на органы местного самоуправления. Опыт стран с цивилизованной рыночной экономикой показывает целесообразность управления социально-экономическим развитием на основе расширения числа активных субъектов социальной политики.

Влияние, которое местное самоуправление оказывает на динамику качественных и количественных показателей социально-экономического развития, объясняется сущностью местного самоуправления. Местное самоуправление и его органы выступают в трех качествах: 1) как носитель властных и самоуправленческих полномочий; 2) как субъект муниципальной собственности и хозяйствования; и 3) как субъект, координирующий выработку стратегию социальной политики на локальном уровне и ее осуществление (в тех аспектах, которые относятся к компетенции местной власти).

Именно первое качество, т. е. наличие специфических властных полномочий, коренным образом отличает местные самоуправления и местные органы власти от иных социальных и экономических субъектов, функционирующих в пределах той или иной территории. К основным задачам местного самоуправления относятся, прежде всего, решение населением вопросов местного значения, путем реализации экономической власти государства в пределах предоставленных для этого полномочий; руководство социально-экономическими процессами, происходящими на территории муниципального образования; управление предприятиями, относящимися к муниципальной собственности; а также организация жизнедеятельности населения («локального сообщества») через мобилизацию собственных сил и территориальных ресурсов. Самоуправление большей частью касается социальной сферы, поэтому экономические функции территориального самоуправления немногочисленны и ограничены в своем применении по сравнению с масштабами и разнообразием механизма государственного регулирования экономики.

Властные и самоуправленческие полномочия безусловно оказывают влияние на характер экономической деятельности местных властных органов. Деятельность местных органов, ограниченная по сферам и целям, в основном социального характера, должна выполнять четко определенную функцию – способствовать регулированию социально-экономических процессов, протекающих в пределах муниципального образования.

Необходимо привести несколько причин, объясняющих эффективность участия местного самоуправления в управлении социально-экономическим развитием муниципальных образований:

1. Именно в территориальной общине сосредоточены многие частные стороны жизнедеятельности индивидов и социальных групп, являющиеся важнейшими элементами их образа жизни, – школы, больницы, транспорт, коммунальные услуги, родственно-семейные связи, дружеское общение и т. п. Локальная община в известном смысле может быть противопоставлена макромасштабным социальным процессам и формам социальной организации, навязанным сверху.

2. В масштабах конкретного муниципального образования возможно учитывать максимально широкий спектр жизненных нужд и потребностей людей, открываются возможности оказа-

ния действительно адресной и индивидуализированной социальной помощи, более рационального использования местных финансовых, материальных, кадровых, социальных ресурсов.

3. Небольшой штат органов местного самоуправления, близость к населению позволяют им более гибко реагировать на возникающие проблемы.

4. Более открытый характер деятельности органов власти местного самоуправления (по сравнению с государственными органами власти), близость к населению конкретного муниципального образования создает условия для эффективного контроля за их деятельностью со стороны самоуправляющегося сообщества

5. Непосредственное участие в работе местного самоуправления местных жителей, и экономических субъектов, действующих на территории муниципального образования, их вовлеченность в решение вопросов местной жизни расширяет горизонт возможностей как для оказания гражданам действенной социальной поддержки, так и для решения большинства местных проблем.

Эта поддержка формальных муниципальных организационных структур со стороны населения муниципального образования, предпринимательских и общественных организаций является одним из условий успешного функционирования местного самоуправления. Существующие на Западе модели местного самоуправления, как правило, складывались на протяжении длительного времени параллельно со становлением гражданского общества. Система местного самоуправления с лежащими в ее основе принципами локальной демократии всеобщего участия сыграла выдающуюся роль в становлении зрелого гражданского общества. Развитие гражданского общества, понимаемого как совокупность организаций разного назначения, между которыми складывается система социальных отношений вне государства, как реальное развитие по линии гражданских инициатив, новых социальных движений и иной «низовой» активности подобного рода ведет к коренному изменению образа жизни людей, давая им возможности проявления социальной и гражданской активности.

Растущая социальная роль местного самоуправления в решении местных вопросов, опыт организации усилий членов тер-

риториальной общности в ходе этой работы – важные показатели практической реализации принципов демократии.

А. де Токвиль отмечал: «Коммунальные институты делают для свободы то, что начальная школа для науки; они делают ее доступной для народа, позволяют вкушать ее плоды и привыкать ею пользоваться. Нация может ввести у себя свободное правление и без коммунальных институтов, но у нее не будет духа свободы» [2, с. 65]. В Америке именно решение вопросов местного значения совместными усилиями жителей локальных сообществ стала той основой, благодаря которой «американцы обрели друг друга», «новая цивилизация нашла новые способы объединения людей – все реже с помощью убеждений и веры, традиций или территории, а чаще – с помощью общих усилий и общего опыта, организации повседневной жизни, характера самосознания» [1, с. 40], до сих пор служит целям самоорганизации, той или иной общности, создания для нее благоприятных условий жизни.

Основанное на принципах социального взаимодействия и самоорганизации, сотрудничество органов местного самоуправления и местной общественности способствует разрешению и профилактике реальных и потенциальных конфликтов, укреплению авторитета местной власти, расширению базы политической поддержки. Кроме того, диалог формальных управленческих структур с неформальными образованиями помогает выработать общую платформу для решения тех или иных проблем, определить характер проблемы и подходы к ее решению.

Конкретными путями повышения локальной активности формальных и неформальных структур местного самоуправления, населения муниципальных образований может стать участие в решении проблем, связанных с развитием инфраструктуры районов проживания (прокладки дорог, строительства в жилых массивах офисных зданий, предприятий, мостов, автомобильных стоянок), экологических проблем (вырубки деревьев, нарушения зеленой зоны, загрязнения окружающей среды и т. п.), действия по социальной поддержке населения.

Необходимо отметить, что, несмотря на появление возможностей существенно влиять на развитие социально-экономического потенциала территорий путем непосредственного участия в управлении развитием муниципальных образований, что стало возможно возрождения в нашей стране традиций местного

самоуправления, социальная активность граждан остается весьма низкой.

Это объясняется целым рядом причин: традиционно негативным, недоверчивым, отчужденным отношением населения к любым властным структурам, низким уровнем правовой и гражданской культуры, неуверенностью в успехе своего участия, социальным пессимизмом, обусловленным в том числе экономическими трудностями, с которыми столкнулось большинство граждан, и неопределенностью дальнейшего развития социально-экономической ситуации и т. д.

Особое место среди факторов, обуславливающих низкую социальную активность населения, занимают низкий уровень межличностного доверия, гражданской инициативности и ответственности, неразвитость социальных связей и взаимодействий в рамках определенной территории – то, что в целом характеризует степень самоорганизации местного сообщества, его способность самостоятельно организовать взаимодействие с целью обеспечения своего оптимального функционирования и развития.

Между тем, чтобы быть эффективными, любые преобразования, затрагивающие широкие слои населения, нуждаются в непосредственном вовлечении различных людей и социальных групп, а не только очевидных сторонников и заинтересованных лиц в широкой гамме поступательных общественных инициатив. Т. е. успешные изменения нуждаются в массовой поддержке, в общей заинтересованности людей в благополучии своего города, района, села.

Таким образом, рассматривая местное самоуправление как фактор развития социального потенциала территории, отметим следующее:

1. Расширение функций и сферы деятельности местного самоуправления означает рост социальной базы власти, увеличение субъектов управленческих воздействий, что является основой функционирования местного самоуправления. Местное самоуправление как общественный институт власти, способный эффективно решать социальные проблемы исходя из специфики местных условий и потребностей, относится к числу факторов, значительно влияющих на социальный потенциал территории. Местное самоуправление является организационно-управлен-

ческой формой, адекватной задачам эффективного воздействия на социально-экономическое развитие локальных сообществ.

2. Активное участие формальных и неформальных структур местного самоуправления, граждан, предпринимательских и общественных организаций муниципальных образований во всех стадиях разработки, принятия и осуществления управленческих решений в социальной сфере способствует развитию ресурсной базы местного самоуправления, а также приобретению населением опыта, культуры локальной демократии всеобщего участия. Это создает ту культурную среду, которая необходима для активизации самоуправленческой деятельности, способствующей развитию социального потенциала определенного муниципального образования. Таким образом, реализация самоуправленческих начал муниципального образования находится во взаимосвязи и с духовными факторами развития его потенциала, в функционировании местного самоуправления проявляется взаимосвязь и взаимодействие экономических, общественно-политических, духовных факторов, определяющих развитие социального потенциала района, города, иного поселения.

Литература

1. США глазами американских социологов. – Кн. 1. – М., 1982.
2. Токвиль А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль. – М., 1992.

Nechiporenko M. A.

Irkutsk State University, Irkutsk

Local self-government as a factor of development of regional socio-economic potential

The given paper considers the theoretical aspects of local government bodies' participation in managing processes of social and economic development of a region. The essence of local authorities as subject of local social policy in a context of development of forms of direct democracy and formation of a civil society is investigated. The reasons and the factors explaining efficiency of participation of local government in regulation of social and economic processes, occurring within municipal union, are established.

Keywords: social-economic development, self-government, social processes, civil society.

**Российские традиции:
перспективы использования в социальном управлении
(на примере Иркутских предприятий)**

Статья посвящена управленческой культуре, которая развилась в России в течение десятилетий. Особенный акцент в данной статье направлен управлению предприятиями города Иркутска, который обладает геополитическим и геоэкономическим положениями, благоприятные для развития экономических отношений. На примерах нескольких ранее существовавших и существующих предприятиями будут описаны некоторые особенности управления в России, которые в настоящее время касаются советского прошлого, и современной управленческой культуре, которые были из мировой экономики.

Ключевые слова: социальное управление, традиции, предприятие.

На сегодняшний момент невозможно представить современное развивающееся государство без сложной управленческой культуры. Управленческую культуру можно представить как совокупность типических для менеджера (управленца) ценностей, норм, точек зрения и идей, которые сознательно формируют образец его поведения. Специфика культуры управленческого труда состоит в том, что в ее основе лежат определенные нормы, которые должны строго соблюдаться менеджером. Рассмотрим наиболее важные из них:

1) юридические нормы управленческого труда, которые отражены в государственно-правовых нормативных актах. Культура менеджера в этом смысле состоит в знании и выполнении юридических норм;

2) моральные нормы регулируют поведение руководителя в области нравственности и морали;

3) организационные нормы устанавливают структуру организации, состав и порядок деятельности функциональных подразделений и их руководителей; правила внутреннего распорядка и другие нормы организационного плана, принятые в организации;

4) экономические нормы регулируют экономическую деятельность организации.

Несмотря на эти общие положения управленческой культуры, в каждом государстве существуют свои принципы управле-

ния. Развитие управленческой культуры может исследоваться с точки зрения концепции культуры как совокупности разделяемых ценностей и ценностных ориентаций. В особенности хотелось бы обратить внимание на культуру российского управления, так как Россия стоит сегодня перед острейшей проблемой, нарастающим противоречием: происходит накопление интеллектуального потенциала, увеличиваются возможности его использования в управленческой деятельности, однако уровень управления падает.

Можно смело заметить, что на данный момент традиции на российских предприятиях относятся к советскому прошлому, а инновации соответствуют управленческим моделям, пришедшим из мирового хозяйства. Национальная российская культура поощряет патерналистскую, централизованную и иерархичную организацию, в которой неформальные сети клановых отношений основаны на межличностном доверии.

Название патерналистской модели происходит от латинского слова («pater») – отец. Организация представляется как частный случай человеческой общности, группа, объединенная отношениями «родства». В основе ее построения и функционирования – «семейные» отношения и иерархия. Целевая ориентация патерналистской организации – работа на благо семьи и ее старейшин. Внутренняя структура такой организации выстраивается под «главу семьи» и отражает характерные особенности «семейных» отношений: достаточно жесткая иерархия, совмещенная с довольно большой долей неформальности в отношениях. Распределение полномочий и обязанностей – прерогатива высшего звена управления (старейшин). Такая модель характерна не только для семейных фирм в прямом смысле слова, но и для небольших творческих организаций и организаций, находящихся на ранних стадиях развития.

Централизованная организация – это организационная структура, в которой высшее руководство держит в своих руках значительную часть контроля (зачастую оперативного) за функционированием и политикой четко разграниченных видов деятельности или операций. При централизованном управлении центры ответственности нижних уровней имеют минимальную свободу для принятия решений.

Иерархичная организация – это типично для России. Организация, где только лидер может высказывать мнения и принимать решения; остальные присоединяются.

Поведение персонала определяется нормами, принятыми на предприятии. Со временем, посредством повседневного воспроизводства, организационные нормы интернализируются работниками и занимают определенное место среди их индивидуальных ценностных ориентаций. В зависимости от длительности работы в организации культура предприятия может воздействовать не только на поведение, но и на ценностные ориентации работников. Как и любая другая культура, культура предприятия формируется исторически. Принимая во внимание эту ее характеристику, можно начать анализ точек зрения различных авторов с рассмотрения норм и ценностей, созданных советскими организациями.

Непредсказуемость и сила влияния окружающей среды резко возросли после распада СССР, так как множество организаций оказалось брошено в свободную конкуренцию, что вынудило их к поиску альтернативных основ трудовой дисциплины. Бюрократический «порочный круг», развивающихся в организациях за годы советской власти, не мог обеспечить управление в условиях плохо отрегулированной рыночной экономики начала 90-х годов. Организации быстро эволюционировали или исчезали: адаптация вынуждала и вынуждает искать, изобретать и внедрять инновации в целях повышения эффективности. Для некоторых предприятий эта реорганизация принесла только убыток. Рассмотрим на примере города Иркутска, который обладает геополитическим и геоэкономическим положениями, благоприятным для развития экономических связей.

История экономического подъема города Иркутска отчисляется ещё с дореволюционного времени, когда в 1910 г. была открыта первая электростанция мощностью 18 тысяч кВт, на базе которой образованы ЦЭС, ТЭЦ-2, ИТС. На данный момент в городе Иркутске насчитывается множество крупных предприятий, которые мощно поддерживают экономику города: Иркутский авиационный завод ОАО «НПК Иркут», Иркутский завод тяжёлого машиностроения, Иркутский релейный завод, Иркутский хладокомбинат, Иркутский хлебозавод, Иркутский масложиркомбинат, Иркутский молокозавод, Мясокомбинат «Иркутский», Иркутский керамический завод, Иркутский завод сборного железобетона, Компания НИТОЛ, Иркутский Экспериментальный Ювелирный Завод «Карат».

Ранее в Иркутске существовали предприятия: Иркутский радиозавод, Иркутский завод карданных валов, Иркутская чаеразвесочная фабрика.

Иркутская чаеразвесочная фабрика была гордостью города Иркутска, сюда водили детей на экскурсии, продукция завода пользовалась спросом и за пределами города. За доблестный труд в 70-х гг. фабрику наградили орденом «Знак Почета». Но в 1993 г. началась приватизация, и целью новых хозяев было обанкротить фабрику, а не её процветание. С помощью этого предприятия просто хотели получить огромные деньги через кредиты, что подтверждает главную черту российского предпринимательства – быстрая прибыль, без составления планов на завтрашний день.

Иркутский завод карданных валов также потерпел банкротство с приходом рыночных отношений и просто прекратил своё существование. Ранее завод производил карданные валы для Камского автомобильного завода. Сейчас же центральный корпус завода сдан под городской рынок.

Сделаем ряд предположений в отношении сложившихся на тот момент культурных образцов. Так, неприятие неопределенности выражается в формализации. Высокая властная дистанция и партикуляризм обуславливают сильную централизацию и вероятные смещения между межличностными отношениями и формальными структурами, что повышает значение неформальных кругов. Двухуровневое функционирование предприятий определяет равновесие явных и подразумеваемых правил, типичное для клановых организаций, как и существенные различия между формальной и неформальной логиками. Сильная личная составляющая в иерархических отношениях создает условия для патерналистской модели управления, когда трудовое усилие поощряется произвольно, но основе неформальной этики.

Деловой мир структурирован социальными сетями, составленными из цепочек личных связей, ориентированных соотношением сил и организованных по принципу кланов. Российской экономике свойственно деление на «своих», по отношению к которым действует этические правила, и «чужих», на которых этика не распространяется. В основе такого деления лежат криминальные нормы, на которых строились рыночные отношения после 1991 г. Роль доверия внутри кланов, зачастую в ущерб контракту, уравнивает недоверие к внешней среде органи-

зации. В случае, если клановые ценности расходятся с организационными нормами, межличностное доверие ведет к коррупции.

Все еще в некоторых государственных учреждениях многие рабочие думают, что они все еще в СССР и кто-то возьмет на себя решение их проблем, хотя они давно предоставлены сами себе. Такая формулировка соответствует определению патернализма как личной зависимости, принимаемой и сотрудниками и начальством, когда сотрудник делегирует начальству ответственность не только за профессиональные действия, но и за реализацию своей жизненной стратегии.

Предполагается, что при необходимости сотрудники, вклад которых оценивается зачастую произвольно, должны работать в любое время и столько, сколько сочтет нужным руководитель.

Вузы продолжают привлекать студентов «престижными» специальностями, не принимая во внимание очевидное сегодня – перепроизводство экономистов, юристов и менеджеров общего профиля. Как следствие, профиль выпускаемых специалистов не соответствует потребностям предприятий. При этом недостаток многих профилей (квалифицированные рабочие, узкие специалисты: экологи, энергетики и так далее) на рынке труда создает конкуренцию. Организации стремятся опережать спрос на редкие компетенции посредством сотрудничества с профильными вузами: производственные практики позволяют отобрать, участвовать в подготовке и по окончании обучения нанять нужных специалистов. Кроме того, большинство предприятий создает внутренние центры обучения.

В условиях свободной циркуляции информации влияние глобальной экономики представляется доминирующим в развитии культур экономических организаций.

Стоит отметить очень важный момент, что укрепление дисциплины на базе менеджмента не может само по себе считаться инновацией. Если вспомнить о заимствовании советской индустрией научного управления Фредерика Тейлора, станет ясно, что речь идет о псевдоинновации, или, вернее, о возрождении советской традиции 1930–50-х годов.

В 30-е гг. XX в. одновременно со стахановским движением в России появились две методики организации труда – система рациональной организации труда, выдвинутая американским инженером Фредериком Тейлором и система научной организации труда Алексея Гастева, руководителя знаменитого ЦИТа (Центрального института труда). Напомню, что стахановское движе-

ние – это массовое движение последователей А. Г. Стаханова в СССР, новаторов социалистического производства – рабочих, колхозников, инженерно-технических работников, многократно превышавших установленные нормы производства. Впоследствии стахановское движение представлялось выходом из ситуации, когда оказалось, что средства, вложенные в индустриализацию, не давали ожидавшейся отдачи. «Трудовой героизм» должен был компенсировать ошибки волонтаристского планирования, диспропорций и неритмичности производства.

Гастева называли «русским Тейлором». Тейлор из трех факторов производства – техники, организации и людей – отдавал предпочтение первым двум, то Гастев был уверен, что главным элементом производительных сил является человек.

В течение 15 лет в России отмечается становление и развитие рынка труда, где и наниматель и работник свободны в выборе, а их партнерство основано на взаимном уважении обязательств, оформленных в виде трудового договора. Такая практика не имеет аналогов в российской истории и является социальной инновацией.

Мировое хозяйство привносит в российскую экономику управленческие модели, которые изменяют сложившиеся соотношения усилия и его оплаты и, таким образом, усиливают промышленную дисциплину. Конкуренция требует жесткости в управлении техническими и человеческими факторами, выраженной в повышении эффективности труда и в уменьшении численности персонала.

Механизмы регуляции в современной России смешивают советское прошлое с обусловленными рыночной экономикой и пришедшим из западного менеджмента инновациями. Трансформация этих механизмов может быть представлена через общее благо, рациональность. Принимая во внимание разнообразие индивидуальных типов поведения, а также контекстуальных типов поведения индивида, кажется правомерным уравновесить неизбежные противоречия при помощи управления, основанного на компромиссах, в перспективе развития предприятия.

Национальный менеджмент нельзя рассматривать как нечто статичное. Он выступает как динамичная развивающаяся система. Понять ее движение, роль и место во всемирной системе управления можно исходя из анализа и развития существующего национального менталитета.

Основная проблема состоит в следующем: должна ли Россия слепо перенимать теорию японского, американского и т. д. менеджмента и применять их на практике? Заимствование чужого опыта Россией может принести отрицательный результат. Это объясняется тем, что российский менталитет всегда характеризовался наличием полярности, стремлением к гротеску, доведением любой ситуации до крайности.

Это подтверждают стихи А. К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

В настоящее время дуализм русского менталитета, его противоречивость, перешли на качественно иной уровень. Наблюдается новая волна роста индивидуализма, с одной стороны, и стирания общинных традиций, с другой. Однако дуализм был и остается главной чертой отечественной ментальности. Это и дает возможность определить его место по отношению к американскому и японскому менталитету. Если считать американский индивидуализм и основанный на нем менеджмент одной крайней точкой, а японский, базирующийся на психологии группизма, другой, то Россия с её двойственностью должна занимать промежуточное между этими двумя точками положение. Причем надо учитывать, что русский менталитет выступает как динамичный, имеющий тенденцию к индивидуализации, пробивающей себе дорогу в условиях формирующегося рынка.

Российский менеджмент должен учитывать христианские традиции. Бердяев отмечал: «...душа русского народа была сформирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию. Религиозная формация выработала некоторые устойчивые свойства, догматизм, аскетизм, способность нести страдание и жертвование во имя веры, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности и иному миру, то к будущему, то к этому миру». Стремление к богатству все больше пронизывает различные слои общества и является определяющим стимулом деятельности. Христианство в своей сущности нежелательно относится к жадности, власти «желтого дьявола». Отсюда еще одна черта русского менталитета: люди

могут работать не столько ради денег, а для осуществления какой-либо общественной, политической или религиозной идеи. Энтузиазмом русского народа пользовались многие поколения советских руководителей. В то же время энтузиазм, возникший на основе какой-либо объединяющей национальной идеи, мог бы стать важнейшей составляющей выхода России из кризисной ситуации, дав толчок ее социально-экономическому развитию и в наши дни.

Подобный пример прекрасно отображает Иркутский мясокомбинат, который на сегодняшний момент отмечает 75-летие своей работы. На данный момент доля продукции мясокомбината на иркутском рынке составляет порядка 46 %. Благодаря высоким технологиям качество продукции также остается на высоком уровне. К этому вопросу на предприятии относятся очень ответственно.

На протяжении этого времени бывали и трудности, но благодаря сотрудникам комбината, сплоченному коллективу – предприятие сумело и в самую тяжелую пору достойно работать и выпускать продукцию отличного качества. Это позволяет называть Иркутский мясокомбинат лидером мясной отрасли.

Биография же Иркутского мясокомбината началась в далеком 1937 г., когда были возведены первый компрессорный цех, электростанция и холодильник. В следующем году был пущен холодильно-колбасный цех. Продукцию комбината приобретают 184 организации Иркутской области, Улан-Удэ и др. В годы войны мясокомбинат «Иркутский» работает под девизом «Все для фронта, все для победы!». Из 735 работников предприятия половина ушли на фронт. Начинается производство продукции для действующей армии: концентрата горохового и фасолевого супа-пюре, копченой баранины, сухого омлета и многое другое. После войны наступает новый этап строительства предприятия: сдаются новые цеха, возводится городок мясокомбината. В 1967 г. мясокомбинат «Иркутский» получает серебряную и бронзовую медали на выставке ВДНХ за качество продукции, а уже через 4 года – бронзовую медаль за рулет из рубца и серебряную – за заливной зельц. В 1993 г. мясокомбинат становится открытым акционерным обществом. За прошедшие годы предприятие получило много высших наград. В этом году на престижной мясной выставке IFFA-2007, проходившей в Германии, сырокопченые колбасы «Столичная» и «Степная» также получили заслуженные медали. Смело можно сказать, что Иркутский мясокомбинат не только сохранил производство, но и увеличивает его.

Осторожный, длительный подход к формированию российского менеджмента, учитывающего особенности русского менталитета, разнообразие и широту российских условий, – важнейшая стратегическая задача общества. От нее во многом зависит не только переход к рыночной экономике, но и место России в мировом сообществе. Это движение к современным формам и методам управления, которые будут формироваться не слепо, а на основе научно обоснованных мер. Последнее приобретает чрезвычайно важное значение в условиях стихийного формирования рынка и внесет в этот процесс элемент сознательности.

Литература

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 444 с.
2. Гергесова Л. Мясокомбинат «Иркутский» – европейский стандарт качества // СМ Номер один.– 2007. – № 4. – С. 1–12.
3. Гофман А. Б. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / А. Б. Гофман. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 543 с.
4. Осипов Г. В. Энциклопедический социологический словарь / Г. В. Осипов. – М. : Наука, 1995. – 939 с.
5. Старшина Е. Конец чайной империи // СМ Номер один. – № 25. – 2006. – С. 11–14.
6. Толстой А. К. Полное собрание стихотворений : в 2 т. / А. К. Толстой. – М. : Сов. писатель ; Ленингр. отд-е, 1984. – Т. 1. – 640 с.
7. Фельдхофф Ю. Культура труда в процессе социально-экономических преобразований: опыт эмпирического исследования на промышленных предприятиях России / Ю. Фельдхофф, Е. Л. Шершнева. – СПб. : Петрополис, 1999. – 127 с.
8. Фролов С. С. Социология организации / С. С. Фролов. – М. : Гардарики, 2001. – 384 с.

Kaldare V. P.

Moscow City Pedagogical University, Moscow

The Russian traditions: use prospects in social management (on an example of the Irkutsk enterprises)

This article is devoted to management culture which has been developing in Russia for tens of years. The stress is put on management of the enterprises of Irkutsk which possesses geopolitical and geoeconomic positions, favorable for development of economic relations. On examples of several former and existing enterprises some features of management in Russia, which at present concern the Soviet past, are described in the article, and innovations corresponding to the administrative models which have come from the world economy are examined.

Keywords: social management, traditions, enterprise.

Социально-трудовая мобильность молодежи как социально-экономическая проблема: отечественный и зарубежный опыт

Автор рассматривает в статье социально-трудовую мобильность молодежи как научную проблему с разных позиций. Особый интерес представляет социально-трудовая мобильность молодежи, как социально-экономическую природу. От поведения молодого человека на производстве, его трудового поведения, решительным образом зависит производительность труда, прибыль предприятия, а значит его экономическая устойчивость и соответственно – экономическая безопасность в условиях рыночной конкуренции.

В статье рассматривается государственная миграционная политика объективным потребностям страны в количестве и качестве трудовых ресурсов – этот вопрос остается открытым. В связи с такой перспективой возникает еще, по меньшей мере, две проблемы: это регулирование профессиональной мобильности, контроль за ее интенсивностью и собственно экономическая безопасность, которая реально существует при стечении подобных обстоятельств.

Автор анализирует несколько видов трудовой мобильности: экономическую, демографическую, социальную и психологическую.

В статье анализируется социально-трудовая мобильность молодежи на рынке труда крупного региона, что представляет особый научный и практический интерес, поскольку социально-трудовая мобильность молодежи в исследовании рассматривается сквозь призму трудовых отношений, протекающих в регионе. Из этого следует, что социально-трудовая мобильность молодежи представляет собой сложный процесс, зависящий как от субъективных установок личности, так и от объективных обстоятельств, одним из которых являются социально-экономические условия крупного социотерриториального комплекса, каковым является регион.

Ключевые слова: социальная мобильность, трудовая мобильность, молодежь, активность, труд, вид.

Социально-трудовую мобильность молодежи как научную проблему можно рассматривать с разных позиций; с точки зрения эффективности управления персоналом, и как следствие экономической эффективности организации, и как социальный фактор, влияющий на экономическую эффективность. Особый интерес будет представлять последняя позиция. Социально-

трудова́я моби́льность молодежи, как думается, имеет социально-экономическую природу. От поведения молодого человека на производстве, его трудового поведения, решительным образом зависит производительность труда, прибыль предприятия, а значит его экономическая устойчивость и соответственно – экономическая безопасность в условиях рыночной конкуренции.

Социально-экономический анализ социально-трудо́вой моби́льности молодежи предполагает пояснение термина «моби́льность» (от лат. *mobilis* – подвижный) – готовность, способность населения к изменению места работы, профессии, должности, места жительства, образа жизни в целом. Трудова́я моби́льность молодежи является необходимым условием успеха государственных программ борьбы с такими болезненными видами безработицы, как структурная и региональная. Для оценки уровня моби́льности используются два различных способа:

- по фактическим данным измеряется уровень реализованной трудо́вой моби́льности (с помощью данных интенсивности и объема миграционных перемещений, текучести, кадровых перемещений);

- по материалам социологических опросов населения выясняется потенциальная готовность к такого рода изменениям. С точки зрения регулирования рынка труда приоритетное значение имеет анализ потенциальной моби́льности.

По прогнозам демографов трудо́вой потенциал России в будущем будет быстро падать. Это неизбежно и крайне негативно скажется на ее положении в экономической конкуренции с другими странами.

Игнорирование динамики трудовых ресурсов связано, по видимому, с парадоксальной, на первый взгляд, ситуацией последнего времени, когда при значительной убыли населения страны численность населения в трудоспособном возрасте растет. Это результат того, что из рабочего возраста выходит малолюдное поколение, рожденное в 1941–1946 гг., а вступает в этот возраст относительно многолюдное поколение, рожденное в 80-е гг. Однако вскоре ситуация станет прямо противоположной: из рабочего возраста будет выходить многолюдное поколение, рожденное в послевоенные годы, а входить в него – малолюдное, рожденное в 90-е. С 2009 г. начнется быстрая убыль трудовых ресурсов, снижение в них доли молодежи и рост лиц предпенси-

онного и пенсионного возраста. Что это будет означать для российской экономики? Детальный анализ показывает, что в 2020 г. сегодняшним сорокалетним будет около шестидесяти лет, которые будут представлять старшую возрастную когорту в рабочей силе. Это поколение обладает образованием и профессиональным опытом, полученным еще в советское доперестроечное время. Этот человеческий капитал девальвируется и к 2020 г. может существенно обесцениться. Таким образом, старение рабочей силы будет сопровождаться значительной амортизацией воплощенного в ней человеческого капитала [1, с. 41]. В итоге демографы приходят к выводу, что при любом вероятном сценарии демографического развития России в будущем не удастся избежать значительного сокращения рабочей силы и ее старения.

Соответствует ли нынешняя государственная миграционная политика объективным потребностям страны в количестве и качестве трудовых ресурсов – этот вопрос остается открытым. В связи с такой перспективой возникает еще, по меньшей мере, две проблемы: это регулирование профессиональной мобильности, контроль за ее интенсивностью и собственно экономическая безопасность, которая реально существует при стечении подобных обстоятельств.

Нет единства взгляда и на такие понятия, как «трудовая мобильность» и «профессиональная мобильность». Во многом они совпадают и означают движение, однако понятие трудовая мобильность, на наш взгляд, несколько шире, чем понятие профессиональная мобильность, которая предполагает движение квалифицированной рабочей силы (как внутри предприятия, так и за его пределами). Хотя некоторые авторы не разводят эти понятия, считая их синонимами.

Как научную проблему движение рабочей силы впервые стали исследовать физиократы (П. Баугальгер и Ф. Кенэ), их интересовала трудовая мобильность между сельским хозяйством и промышленностью. По их мнению, движение рабочей силы происходило в результате более высокой производительности труда в промышленности, но сравнению с сельским хозяйством. Родоначальником теории мобильности рабочей силы, но всеобщему признанию, является А.Смит, которым было отмечено два существенных свойства мобильности рабочей силы – общественное разделение труда и экономическое обособление индивидов.

Исследователи выделяют несколько видов трудовой мобильности: экономическую, демографическую, социальную и психологическую.

Под *экономической мобильностью* понимается движение рабочей силы занятой в общественном производстве, вследствие которого под воздействием спроса и предложения на рынке труда меняется структура занятости. В свою очередь, структура занятости изменяется в общественном производстве под воздействием совокупного спроса в экономике и масштабов разделения труда. И далее, изменение совокупного спроса вызывает качественное совершенствование производительных сил, что, в свою очередь, изменяет систему разделения труда и, следовательно, связи между занятыми в общественном производстве.

Демографическая мобильность охватывает естественное и механическое движение населения. В экономике изучение естественного и механического движения населения важное значение имеют такие характеристики, как: численность и состав населения, численность населения в трудоспособном возрасте, изменение возрастной структуры населения, отраслевой и профессиональный состав занятого населения, образовательный уровень населения и др.

Социальная мобильность характеризует такие формы движения населения, которые влияют на изменение социальной структуры общества. Социальная мобильность определяет движение работника в рамках профессионально-должностной структуры, причем общественное разделение труда и социальное окружение индивида во многом предопределяют это движение.

Психологическая мобильность определяется рациональной постановкой цели, ее разумным обоснованием и выбором приемлемых путей ее достижения. Психологическая мобильность находит свое выражение в активности. Активность – это всегда целенаправленное действие внутренних сил человека для изменения или сохранения целей и способов их достижения.

По мнению исследователей, рабочая сила на рынке труда имеет динамичный характер, определяемый работником в первую очередь как личностью, а потом уже как часть производственного процесса.

Именно от самого человека, как решающей фигуры производства, исходит действительное движение. Особенностью дви-

жения является то, что оно сопряжено с потребностями и интересами человека, которые значительно шире производственных.

Именно стремление работника удовлетворить свои потребности, в первую очередь, должно являться источником трудовых перемещений. Потребление рабочей силы вызывает необходимость ежедневного ее возмещения, восстановления утраченной в процессе производства способности к труду. Таким образом, более актуальным в таком случае становится удовлетворение не будущих, а текущих потребностей, определяющих повседневную работоспособность человека. Стимул к смене места трудовой деятельности возникает в том случае, если производство не удовлетворяет данные потребности.

Интересным, с нашей точки зрения, представляется рассмотрение моделей трудовой мобильности на рынке труда таких развитых стран как, например, Англия, США, Япония, Германия.

Исторические, национальные, культурные и социально-экономические; условия развития этих стран привели к формированию разных типов моделей трудовой мобильности на рынках труда. Обобщенно их можно представить в виде двух основных: *внешняя (профессиональная)* и *внутренняя* модели.

Внешний рынок труда, свойственный экономике Англии и США, главным образом предполагает движение рабочей силы между предприятиями, отраслями и регионами, создавая условия для перемещения трудовых ресурсов между данными структурными единицами. Таким образом, данному типу рынка труда свойственна межфирменная текучесть кадров, отраслевая и территориальная форма мобильности.

Внутренний рынок труда Японии и Германии основан на движении рабочей силы внутри самого предприятия, принимающей формы образовательной, профессиональной, квалификационной и структурной мобильности рабочей силы.

Система «пожизненного найма» на предприятиях Японии является классическим вариантом внутренней мобильности рабочей силы на рынке труда. Движение рабочей силы характеризуется повышением ее качества, а не процессами высвобождения сотрудников, что способствует поддержанию стабильного баланса между профессионально-квалификационным составом кадров и структурой рабочих мест.

Американской модели трудовой мобильности на рынке труда свойственен совершенной иной характер движения рабочей силы. При изменениях на рынке труда, ведущих к снижению объемов производства, принято проводить мероприятия по увольнению сотрудников. Профессиональное продвижение, как правило, связано с переходом на другое место работы. Таким образом, такому рынку труда свойственна повышенная текучесть кадров, отраслевая, территориальная и профессиональная формы мобильности рабочей силы.

Движение рабочей силы на внутреннем и внешнем рынках труда происходит как по вертикали (смена функций труда), так и по горизонтали (смена места приложения труда).

Следует отметить, что внешний рынок труда и характер движения на нем рабочей силы соответствует потребностям циклического развития производства, в то время как внутренний рынок труда и внутренняя мобильность рабочей силы отражают структурные изменения на самом производстве.

В то же время характер движения рабочей силы в значительной степени детерминирован теми чертами, которыми обладает мегаполис в силу своих гигантских размеров расселения, высокой плотностью населения и высоким темпом социально-экономического развития. Именно это обстоятельство создает особую социальную среду, в которой протекают процессы социальной и трудовой мобильности.

Поэтому анализ социально-трудовой мобильности молодежи на рынке труда крупного региона, по нашему убеждению, может представлять особый научный и практический интерес, поскольку социально-трудовая мобильность молодежи в исследовании рассматривается сквозь призму трудовых отношений, протекающих в регионе. Из этого следует, что социально-трудовая мобильность молодежи представляет собой сложный процесс, зависящий как от субъективных установок личности, так и от объективных обстоятельств, одним из которых являются социально-экономические условия крупного социотерриториального комплекса, каковым является регион.

Именно это обстоятельство создает своеобразие движения трудовых сил на рынке труда, определяет характер причин, которые могут иметь экономическую, демографическую, социальную и психологическую природу. Доминирующим, чаще всего,

выступает уровень заработной платы и возможность решить проблемы с жильем.

Все остальные причины сгруппируем в две группы:

1) социально-экономические причины (неполная занятость, сменная работа, свободный график, перемена места жительства);

2) условия труда (стремление изменить выполняемую работу, проблемы монотонности труда, стремление повысить квалификацию, желание самостоятельности и повышения уровня ответственности, конфликты в коллективе и с руководством, моральное неудовлетворение характером и престижностью выполняемой работы).

При анализе причин социально-трудовой мобильности молодежи, как нам представляется, целесообразно применять системный метод, позволяющих выявить единый комплекс факторов, оказывающих влияние на процессы мобильности молодежи.

Процессы трудовой мобильности проистекают на разных уровнях экономических и социальных отношений, и это обуславливает наличие ее различных типов, видов и форм.

По направлению мобильность может быть горизонтальной или вертикальной.

Принадлежность к тому или иному типу мобильности определяется степенью изменения трудового статуса работника. При горизонтальном перемещении социальный статус работника не изменяется. Горизонтальное перемещение, как правило, не сопровождается фундаментальным обучением сотрудника новыми знаниями, так как специфика работы остается прежней и применяется для мотивации тех сотрудников, у которых нет возможности продвинуться по службе выше и которые уже долго находятся на одном рабочем месте.

Вертикальная мобильность представляет собой переход из одного социально-трудового статусного поля в другое. Примером вертикальной мобильности может служить продвижение вверх или вниз по иерархической структуре организации, в рамках мероприятий по управлению деловой карьерой. По характеру такое перемещение является более сложным, чем горизонтальное, и несет в себе кардинальные изменения в трудовые отношения и обязанности работника. Вертикальное перемещение, в какую сторону оно бы ни было направлено, приносит социально-экономические изменения в общественную жизнь челове-

ка. Такое перемещение дает возможность изменять структуру жизненного пространства через удовлетворение социально-психологических и физиологических потребностей.

Второй тип трудовых перемещений основан на источнике перемещения, по которому трудовая мобильность может быть *структурная и обменная*. Структурная мобильность есть производная социально-экономических изменений, происходящих в обществе. К таким изменениям относится промышленный рост или упадок, изменения в разных формах собственности индивида, трансформация профессиональной структуры рабочих мест и т. д. Обменная мобильность в основе своего возникновения имеет социальные факторы, такие как: предоставление широкого спектра социальных гарантий и льгот, предоставление возможности получения образования, изменения в ценностно-мотивационной структуре общества.

В условиях коренной трансформации социально-экономической системы нашего общества, от плановой схемы регулирования экономики до свободных рыночных отношений, происходят изменения и в характере трудовой мобильности. Если раньше преобладали формы организованных трудовых перемещений, то на современном этапе они в значительной степени приобретают стихийный характер. Неоспоримым является утверждение, что и внешняя и внутренняя форма мобильности персонала предприятия – это есть результат комплексного взаимодействия социальных, экономических, психологических, демографических и других факторов. Но, несмотря на один и тот же источник возникновения, внешняя и внутренняя формы мобильности варьируются в зависимости от множества удовлетворяемых потребностей работника. Эмпирически было установлено, что и при внешней мобильности на первое место выходят личностные факторы и необходимость их удовлетворения – например, к ним относится смена места жительства, состояния здоровья; далее определяющими становятся мотивы качества жизни (увеличение уровня заработка, решение жилищных проблем) и также мотивы профессионально-квалификационного уровня. При внутренней мобильности происходит смещение движущих мотивов, и они выстраиваются примерно так: мотивы качества жизни (основные), далее условий труда и, наконец, профессионально-производственные факторы.

T. N. Ivanova

Tolyatti State University, Samara region, Tolyatti

Socially-labor mobility of youth as a social and economic problem: domestic and foreign experience

The author considers social-labor mobility of youth as a scientific problem from different positions. The particular interest is represented by social-labor mobility of youth, as social and economic feature. Labor productivity, enterprise profit, economic stability and accordingly – economic safety in the conditions of a market competition decisively depends on the behavior of the young man on manufacture, its labor behavior.

In the article the state migratory policy to objective requirements of the country for quantity and quality of a manpower is considered – this question remains open. In connection with such prospect at least two problems arise: the regulation of professional mobility, control over its intensity and economic safety which really exists at confluence of similar circumstances.

The author analyzes several kinds of labor mobility: economic, demographic, social and psychological.

In the article mobility of youth on a labor market of a large region that represents special scientific and practical interest as sociolabor mobility of youth in research is considered through a prism of the labor relations proceeding in region is analyzed. It follows from this that sociolabor mobility of youth represents the difficult process depending both on subjective installations of the person, and from the objective circumstances, one of which are social and economic conditions of a large social territorial complex – that is, a region.

Keywords: Social mobility, labor mobility, youth, activity, work, kind

Иркутская область: миграционные процессы молодежи

Миграционные процессы в Иркутской области являются основным условием изменения демографической ситуации. Более половины участников данных процессов – молодежь. Причины миграции молодежи выявляют широкую плоскость социальных проблем: дефицит рабочих мест на рынке труда, слабые формы поддержки молодежи в процессе самореализации, отсутствие доступного жилья и другие. Активное вовлечение молодых в социально-экономическую жизнь области способно повысить экономическую активность как самой молодежи, так и региона в целом.

Ключевые слова: молодежь, миграция, социальные процессы, регион.

Современная Иркутская область – активно развивающаяся социально-территориальная общность, представленная 33 административными районами, занимающая по площади шестое место в России, размещающая на своей территории 1/3 всего населения Восточной Сибири. В административно-территориальном отношении область включает Усть-Ордынский Бурятский автономный округ. Интеграционные процессы области и округа способны повысить эффективность управления экономикой региона и стать основным фактором социально-экономического развития региона.

Социально-демографическая структура Приангарья определяется диахроническими и структурно-синхроническими явлениями. По предварительным оценкам численность постоянного населения на 1.01.2011 г. составила 2498,9 тыс. человек, из них экономически активную часть составляют 1310,3 тыс. человек. Уровень общей безработицы в области по статистическим данным составляет 11,8 %, зарегистрированной – 2,6 %. Рейтинг по уровню безработицы среди регионов Сибирского федерального округа равен 6 баллам (первое место в рейтинге соответствует наименьшему значению показателя) – Иркутская область уступает Омской (1), Новосибирской областям (2), Республикам Бурятия (3), Хакасия (5), Красноярскому краю (4). Размер средней номинальной заработной платы в Иркутской области в 2010 г. составил 19 195,3 руб., что представляет 3 положение в рейтинге

ге Сибирского федерального округа (на первом месте – Красноярский край, на втором – Томская область). Среднедушевой денежный доход в январе 2011 г. составил, по предварительным данным Иркстата, 10 740 руб. [3, с. 101].

Несмотря на довольно средние позиции области по ряду социально-значимых критериев уровня жизни населения, за последний год численность области уменьшилась на 3,8 тыс. чел. из-за миграционной убыли, которую лишь на 31 % компенсировал полученный естественный прирост. Сравнительный анализ данных 2009/10 гг. представлен в табл. 1 [3, с. 97]:

Таблица 1

Демографическая ситуация Иркутской области, (чел.)

Показатель	2010	2009	На 1000 населения	
			2010, %	2009, %
Родившихся	36867	38160	14,7	15,2
Умерших	35134	34950	14,0	13,9
Естественный прирост	1733	3210	0,7	1,3

Естественные процессы движения населения не способны в современных условиях кардинально изменить демографическую ситуацию. Таким образом, доминирующим фактором, определяющим число и состав населения по гендерным, возрастным, национальным, профессионально-правовым и другим критериям, является миграция.

В последнее десятилетие обнаруживается тенденция нарастания миграционной убыли, причины которой выявляют социальные, экономические, экологические и другие проблемы региона. В области сокращается численность населения, в том числе молодежи (за последние четыре года на 35,6 тыс. человек). Причины данных процессов выявляют широкую плоскость социальных проблем: от спада рождаемости в начале 90-х гг., более высоких темпов образовательного, квалификационного и профессионального роста в других регионах до миграционных процессов, которые наравне с естественным движением являются основными индикаторами демографических процессов.

Ежегодно область теряет 1–6 тысяч человек, из них половину составляет молодежь, к которой принято в демографии относить трудоспособное население в возрасте от 16 до 29 лет включительно. Молодежная социальная страта является основой трудовых резервов любого региона, в данном возрасте завершаются

образовательные процессы, протекает стадия интеграции в процессе социализации личности, происходит формирование профессионального статуса, профессиональная адаптация, обеспечивается высокий квалификационный рост, складывается экономическая активность и самостоятельность, формируется жизненный опыт и как следствие «запас устойчивости», реализуются социальные экспектации.

Именно социальная группа молодежи составляет около половины мигрантов, поскольку является наиболее мобильной частью населения, характеризуется трудовым совершеннолетием, социальной и физической активностью, экономической независимостью и стремлением к ней. Миграционные процессы в этой среде отражены в табл. 2 [2, с. 2].

Таблица 2

Миграция молодежи, чел.

	2005	2010
Прибыло	18496	13678
Доля молодых людей в общем числе прибывших, %	48,2	47,0
Выбыло	20430	16370
Доля молодых людей в общем числе выбывших, %	46,7	46,6
Миграционная убыль молодежи	-1934	-2692

Причины миграции в молодежной среде тождественны причинам других возрастных контингентов. Большая часть молодежи выбыла по семейным причинам (42,6 %), в связи с учебой (23,2 %), в связи с работой (16,1), вернулись к прежнему месту жительства (12,3 %).

К сожалению, анализ структуры мигрантов по основным возрастным группам демонстрирует отток именно трудоспособного населения: 12,9 % – мигранты моложе трудоспособного возраста, 77,7 % – в трудоспособном возрасте, 9,4 % – старше трудоспособного возраста. Миграционный отток влияет и на качественные показатели состава населения: 22,4 % выбывших – это лица с высшим образованием.

Распределение общего числа мигрантов по возрастным группам и причинам миграции представлено в табл. 3 [1, с. 44].

Анализ причин миграции выявляет актуальные социальные проблемы региона, среди которых очевидной представляется экологическое неблагополучие. Максимальная убыль всех пере-

численных возрастных групп обусловлена сказавшимся на здоровье населения ухудшением экологической обстановки региона. Данные показатели превышают только личные, семейные и не раскрывающие сути положения «иные» причины, которые обладают субъективным характером и в меньшей степени поддаются анализу.

Таблица 3

Причины миграции, чел.

Причина	Миграционный прирост (+), убыль(-)		
	трудоспо- собного возраста	старше трудоспо- собного	18 лет и старше
В связи с учебой	124	0	230
В связи с работой	476	4	483
Возврат к прежнему месту жительства	469	43	491
Из-за обострения криминогенной обстановки	- 1	2	1
Из-за обострения межнациональных отношений	39	4	43
Экологическое неблагополучие	- 89	- 18	- 104
Несоответствие климатических условий	- 6	- 7	- 13
Причины личные, семейные	- 3732	- 734	- 4304
Иные причины	- 522	- 90	- 598
Причина не указана	289	47	324

Достаточно высокими остаются показатели уровня миграции по причинам, связанным с учебой вне пределов области и поиском работы в центральных регионах, а также других регионах Сибирского федерального округа. Наибольший обмен населением происходит, как и прежде, с регионами Сибирского федерального округа. Структура внешней миграции представлена в табл. 4 [1, с. 18].

Данные процессы связаны с желанием обучаться в учебных заведениях, имеющих большой престиж, дополнительные формы образования, оснащенную материально-техническую базу, подкрепленную социальной политикой региона, способных реализовать возможности трудоустройства и, наконец, предоставить более доступные условия поступления. Востребованность, популярность высшего образования создает конкуренцию среди абитуриентов: на каждые 100 мест претендует не менее 200 желающих. При этом в области функционируют 15 разнопрофиль-

ных вузов, 37 учреждений НПО и 13 лицеев, центров непрерывного профессионального образования, большая часть из которых демонстрирует практику свободного трудоустройства, что вызывает серьезные трудности у выпускников. Проблема поиска работы объясняется многими причинами, среди которых следует отметить дефицит рабочих мест на рынке труда, подогреваемый вступлением в трудовой возраст молодежи, родившейся в годы демографического подъема 80-х, а также ряд несоответствий, с одной стороны, выпускников требованиям работодателей в отношении опыта и стажа работы, с другой – полученной специальности имеющимся на рынке труда вакансиям. Наиболее востребованными сегодня являются сферы строительства, сельского хозяйства, педагогической деятельности, в то время как абитуриенты выбирают экономические, управленческие, социально-гуманитарные профили. В подобных условиях увеличивается нагрузка и ответственность работы социальных служб занятости, кадровых агентств.

Таблица 4

**Структура внешней миграции по направлениям
прибытия и выбытия, %**

Округ	Прибывшие	Выбывшие
Центральный федеральный округ	5,4	16,6
Северо-западный федеральный округ	2	6,3
Южный федеральный округ	4,4	9,6
Приволжский федеральный округ	4,5	6,3
Уральский федеральный округ	3,3	4,4
Сибирский федеральный округ	48,4	46,2
Дальневосточный федеральный округ	11,4	7,5
Страны СНГ и Балтии	19,9	2,2
Другие зарубежные страны	0,7	0,9

Численность обратившихся за помощью в поисках работы выпускников составила в прошлом году 97 465 чел., из них нашли работу (в % к обратившимся) 63 %. Имеют официальный статус безработных на конец года 13 301 чел, закончили профессиональное обучение по направлению службы занятости 11 130 чел. [2, с. 7]. Молодежь составляет 44,5 % от общей численности безработных области, что значительно снижает уровень экономической активности данной социальной группы. Формы вынужденного принятия работы не по специальности ведут, в

свою очередь, к не менее серьезным проблемам: «потеря» специалиста, обесценивание диплома и потраченных на годы обучения временных и финансовых средств, как личных, так и федеральных, неудовлетворенность, приводящая к депрессивным и фрустрированным состояниям. Согласно данным социологических исследований, не видят перспектив профессионального роста и не удовлетворены своей деятельностью более 60 % молодых специалистов [2, с. 10].

Очевидно, в условиях дефицита рабочих мест, неконкурентоспособности выпускников на рынке труда по причине отсутствия опыта и стажа работы, в условиях высоких показателей динамики молодежной безработицы миграционные процессы в данной социальной среде представляются всего лишь вынужденной формой поведения в процессе самореализации молодежи в общественной жизни. Таким образом, задачи сохранения трудовых резервов региона реализуются только при условиях создания эффективных форм трудовой адаптации, развития системы профориентационного сопровождения молодежи, развития предпринимательской инициативы, помощи в адаптации на рабочем месте, построении планов личной профессиональной самореализации, поддержки уровня конкурентоспособности молодежи на рынке труда.

Литература

1. Миграция населения : стат. бюл. Иркутскстата. – Иркутск, 2009. – 87 с.
2. Молодое поколение Приангарья : стат. бюл. Иркутскстата. – Иркутск, 2010. – 20 с.
3. Социально-экономическое положение Иркутской области : стат. сб. Иркутскстата. – Иркутск, 2011. – № 1. – 128 с.

Istomina O. B.

Angarsk State Technical Academy, Angarsk

Irkutsk region: migratory processes of the youth

Migratory processes in Irkutsk region are the basic condition of change of the demographic situation. More than half of participants of migratory processes belong to the youth. The reasons of migration of the young reveal a wide range of social problems: deficiency of workplaces in the labor market, weak forms of support of the youth in the process of self-actualization, the absence of available accommodation, and others. Active involvement of the young in the social and economic life of the region can increase the economic activity rate both among the youth and in the region on the whole.

Keywords: youth, migration, social processes, region.

Инновационные факторы и императивы открытого образования в обществе, основанном на знаниях

Выявлены существенные характеристики современного этапа общественного развития, связанного с движением к обществу, основанному на знаниях. Раскрыта ключевая роль знаний в процессе общественного воспроизводства. Обоснована необходимость в построении современной модели образования, обеспечивающей новое качество мирового развития и основанной на принципах открытости и доступности. Открытое образование рассматривается как сложная социальная система, способная к быстрому реагированию в связи с меняющимися социально-экономическими условиями, удовлетворению самых разнообразных образовательных потребностей и запросов. Выявлены исходные методологические идеи, императивы и принципы открытого образования.

Ключевые слова: общество знаний, открытое образование, информационные образовательные технологии, дистанционное образование, непрерывное образование.

Современные социальные трансформации, связанные с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу как закономерному этапу развития социума, обусловили возрастание интереса мирового сообщества к образованию. Переход к новому этапу общественного развития, в котором знания выступают в качестве основной социальной ценности, означает радикальные изменения в образовательной системе. Образование, как и все сферы деятельности людей, должно измениться кардинальным образом, ориентируясь на будущее и выступая основополагающим фактором формирования общества знаний. В этих условиях необходимо построение такой концептуальной модели образования, реализация которой могла бы обеспечить переход к новому типу социального развития, придав ему импульс. Новая модель образования должна отразить социальный заказ по представлению в ней сущности и смысла существования человека и общества, этического аспекта отношений между людьми, социальными группами, отношения человека к культуре и природе, синкретичности знания, комплексного отражения действительности, которые станут образовательной основой достижения нравственно осмысленных целей в будущем. Вхождение в новый век и новое тысячелетие требует инновационных подхо-

дов к образованию, позволяющих реализовать главную функцию – непосредственное включение каждого конкретного индивида в современные социально-экономические процессы, его саморазвитие и непрерывное самообразование.

Формирование и развитие нового типа общества – общества знаний, связано с качественными социальными изменениями, обусловленными особой ролью знаний в процессе общественного воспроизводства. К началу 1960-х гг. в индустриально развитых странах произошел важнейший социальный сдвиг: количество квалифицированных специалистов и менеджеров («белых воротничков») начало превышать количество индустриальных рабочих. Выразитель так называемого «менеджеризма» П. Друкер еще в 1959 г. предвидел дальнейшее углубление этой тенденции, введя термин *knowledge worker* – когнитивный работник, или специалист по работе со знанием. В 1969 г. он ввел в научный оборот понятие «общество знаний» (*Knowledge society*, К-общество), который был актуализирован в широком социальном контексте и получил дальнейшее детальное развитие в девяностых годах, в более поздних его работах. В тот же период появились и такие ключевые для современного общества понятия как «обучающееся сообщество» (*learning society*), предложенное в 1968 г. Роббертом Хатчинсом, и понятием «обучение в течение всей жизни» (*life long learning*), введенное в 1974 г. Торстенем Хусеном, что было связано с фиксацией в социально-политическом дискурсе особой роли знания как структурообразующего фактора социальных трансформаций современного общества.

Знания превратились в важнейший фактор общественного развития. Для группы развитых стран, входящих в организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), темпы долгосрочного социально-экономического роста определяются степенью поддержки и расширения глобальной базы знаний. Эти страны развивают свои экономики, базирующиеся на знаниях, создавая миллионы рабочих мест, связанных с использованием новейших знаний по группам новых направлений и дисциплин. «По данным Всемирного банка, в большинстве стран ОЭСР на протяжении последних пятнадцати лет рост добавленной стоимости в отраслях, базирующихся на знаниях, в среднем составлял 3 %, стабильно превышая темпы общего социально-экономического роста, не поднимавшиеся выше 2,3 %. Доля

этих отраслей в совокупной добавленной стоимости увеличилась в Германии с 51 до 60 %, в Великобритании – с 45 до 51 %, в Финляндии – с 34 до 42 %»[2, с. 21].

Знание, называемые общественным благом – это уникальный ресурс, обладающий бесценными с точки зрения воспроизводства и потребления, свойствами. В отличие от традиционных ресурсов, знания нематериальны – а значит, знания не убывают по мере их использования. На стоимость создания знаний не влияет, сколько ими будут пользоваться впоследствии, возможна однократность приобретения знаний и неоднократность использования. Кроме того, средства их воспроизведения – современная техника (сканеры, ксероксы, компьютеры), часто находятся под контролем потребителей, а не производителей, что определяет низкую цену носителя. Знания существуют вне зависимости от пространства, подобно квантовым частицам, они могут находиться в нескольких местах одновременно и могут потребляться одновременно различными субъектами в различных точках планеты. Но если знания в целом не ограничены пространством, некоторые их формы чрезвычайно чувствительны к фактору времени – даже в большей степени, чем материальные активы, что обусловлено высокими темпами научно-технического прогресса и все возрастающей скоростью «амортизации» знаний. Знания достоверны, т. е. имеют ценность только на определенный период времени, либо до наступления какого-то события, после чего могут обесцениться. Пока нет надежного способа измерения запасов знаний, накопленных в мире, напрямую количественными мерками их оценить невозможно, но самые разные косвенные показатели указывают на то, что их объем постоянно увеличивается. Кроме того, все более интенсивно развиваются процессы, в которых знания играют ключевую роль: формируется экономика, основанная на знаниях, совершенствуются формы организации науки, обновляется образовательная система, происходит трансформация системы ценностей общества. «Знание можно определить как «способность к действию», как возможность «что-то привести в движение». Научное или техническое знание – это, прежде всего, деятельностная способность. Особым статусом в современном обществе оно обязано не своей абсолютной истинности, объективности, бесспорности или адекватному отображению реальности, но тому, что эта форма знания перманентно, в

большей мере, чем какая-либо другая, создает новые возможности действия, усваиваемые и используемые индивидами, фирмами и государствами» [12, с. 31]. В современных условиях роль знания значительно возрастает, по целому ряду причин, среди которых наиболее важными являются: увеличение удельного веса всех видов коммуникаций в различных секторах производства, бизнеса, научной, образовательной и культурной сферах; резкое возрастание роли информационных продуктов и услуг; и, наконец, создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное взаимодействие и общение людей.

Новое качество мирового развития, связанное с движением к обществу, основанному на знаниях, требует для своего обеспечения новой системы образования. Индустриальная эпоха цивилизационного развития обнаружила глубокие противоречия между научно-техническим и социальным прогрессом, ограничивая существование человека мощным техногенным воздействием, не учитывая его социокультурные интересы и потребности. Поэтому возникает необходимость в построении системы открытого образования, которое следует рассматривать как процесс преимущественного самообразования личности, формирующий способность к творческой деятельности в целях полной самореализации, эффективного участия в общественной и профессиональной практике в условиях общества знаний. Определяющей тенденцией развития образовательного процесса должна стать интеграция, а не дальнейшая дифференциация различных способов познания мира. В XXI в. такая интеграционная направленность образования приобретает особо важное значение, поскольку актуализируется потребность не столько в объеме знаний, сколько в умении человека самостоятельно и рационально распоряжаться ими с учетом личностных установок и качеств. Открытая модель образования, являясь результатом исторического эволюционного пути развития и становления информационной цивилизации, исходит из открытости мира, процессов познания и образования человека. Необходимо отметить, что само понятие «открытость» не имеет универсального определения, оно употребляется в самом широком контексте и экстраполируется на многие общественные явления и процессы, поэтому разнообразны и имеющиеся подходы к реализации идеи открытости в образовании. Наибольшее распространение в ра-

ботах современных ученых получил информационный подход к открытости в образовании, полное толкование которого отражает не только технологическую составляющую открытого образования, но проявляется через открытость мировой культуре, социуму и человеку. Странники этого подхода рассматривают открытое образование как новую ступень развития дистанционного обучения, базирующееся на современных достижениях информатики. Открытое образование является, по сути, преемником дистанционного обучения, где информационные образовательные технологии получили свое дальнейшее развитие, нашедшее свое выражение в идее создания единой информационно-образовательной среды открытого доступа, включающей базы данных учебно-методических ресурсов образовательных учреждений и профессорско-преподавательского состава. Информационная образовательная среда открытого образования – это программно-телекоммуникационная, педагогическая система с едиными технологическими средствами ведения учебного процесса, его информационной поддержкой и документированием в среде Интернет любому числу учебных заведений, независимо от их профессиональной специализации (уровня предлагаемого образования), организационно- правовой формы и формы собственности [10; 11]. Традиционные формы получения образования очная, заочная, экстернат в системе открытого образования интегрируются в единое образовательное пространство. Открытое образование – это сложная социальная система, способная к быстрому реагированию в связи с меняющимися социально-экономическими условиями, удовлетворению самых разнообразных образовательных потребностей и запросов. Это становится возможным при условии конвергенции устоявшихся взглядов на образование и четкого определения исходных методологических идей, на базе которых строятся модели открытого образования и практика их реализации. При разработке идеи открытого образования необходимо говорить не о разработке иного педагогического содержания, а о полагании иного методологического подхода к самой его разработке. В качестве основных исходных методологических идей открытого образования принято выделять следующие:

- идея деятельности, в соответствии с которой образование не может быть сведено только к расширению знаний. Напротив, эта идея требует понимания образования в контексте

целостного включения личности в социальную деятельность – общественную практику, науку, обучение;

- идея системности, в соответствии с которой модель открытого образования предусматривает системный подход к образовательному процессу во взаимосвязи с будущей профессиональной деятельностью, сферой коммуникаций;

- идея отражения, состоящая в том, что обеспечивается возможность использования всех форм информационного воздействия на человека, стимулирующих его творческое начало.

Открытое образование, интегрируя в себе все ценное, что выработала наука, является основой формирования общества, основанного на знаниях. Придание системе образования качеств открытой системы влечет кардинальное изменение ее свойств в направлении большей свободы при определении личной образовательной траектории обучающегося, включающей выбор места, времени и темпа обучения, в переходе от принципа «образование на всю жизнь» к принципу «образование через всю жизнь», в переходе от движения обучающегося к знаниям к обратному процессу – знания доставляются человеку. В результате этих изменений должна быть создана система открытого образования, реализующая следующие принципы функционирования:

- децентрализация – предоставление образовательным учреждениям федерального и регионального уровня права самостоятельно решать вопросы организации учебного процесса в СОО, создание условий взаимовыгодного обмена образовательными продуктами и услугами;

- демократизация – создание равных прав всем образовательным учреждениям в решении нормативно-правовых и коммерческих вопросов учебного процесса в СОО;

- глобализация – открытость информационных ресурсов и организации учебных процессов во всех точках СОО на WWW-серверах для глобального взаимодействия и обмена передовым опытом;

- регионализация – действие региональных соглашений, создание объединений, консорциумов, партнерств и ассоциаций для содействия торговой и экономической интеграции в качестве средств усиления их конкурентоспособности;

- интеграция – создание виртуальной электронной библиотеки учебных курсов, банков данных и баз знаний, распреде-

ленных по отраслям и уровням знаний, с защитой авторских прав и выплатой авторского вознаграждения [7, с. 11–12].

Проблема императивов открытого образования – это проблема реально действующих факторов его детерминации, в значительной степени определяющих его стратегию и принципы, а также направления реализации. Императивы детерминируются объективными противоречиями и сложившимися реальностями как условиями современного бытия и существования людей и потому диктуют стратегическую линию развития образования на всех уровнях его организации. Основными императивами открытого образования, позволяющими поднять образовательный процесс на уровень активного социального творчества и обеспечить в полной мере соответствие образования современным социальным реалиям, являются информатизация, общедоступность, индивидуализация и непрерывность образования.

В современном образовательном процессе успешно используются информационные образовательные технологии, переходящие в новое качество: ещё недавно они представляли собой набор разрозненных компьютерных средств обучения и способов их использования, а сегодня их характер усложняется, происходит слияния образовательных и информационных технологий и формирование на этой основе принципиально новых интегрированных технологий обучения.

Современные интегрированные технологии, основанные на использовании современных мультимедийных технологий и Интернета, в корне меняют процесс передачи и получения знаний, делают его более гибким, насыщенным, а самое главное – удобным и доступным для обучающегося; способствуют повышению качества образования, посредством предоставления широкого доступа к информационным и образовательным ресурсам и услугам. Кроме того, они рассматриваются как основное средство обучения на протяжении жизни, которое является неотъемлемой составной частью построения, функционирования и развития общества, основанного на знаниях. Стремительное распространение сетевых информационных технологий, кроме заметного снижения временных и пространственных барьеров, открывает новые перспективы в развитии образования. В образовательной практике закрепляются и становятся традиционными такие инструменты, как электронные библиотеки, электронные курсы, новейшие средства обучения и технологии передачи

знаний. Следует отметить, что возможности компьютерной техники постоянно расширяются, и никто не может в точности предсказать, каких высот она достигнет уже завтра. Но уже сегодня можно заключить, что применение интегрированных образовательных технологий способствует формированию положительной мотивации обучения и расширяет его границы. Сам процесс обучения становится более наглядным и интерактивным, возрастает значение самостоятельной работы обучающихся, серьезно усиливается интенсивность учебного процесса, благодаря чему обучение приобретает дополнительные социализирующие возможности. Необходимым становится изучение технологической основы поиска новых сведений по интересующему вопросу, отработка основных приемов поиска и построение своего индивидуального маршрута и плана самообразования, что особенно важно в системе непрерывного образования.

Целью открытого образования является развитие доступности образования в связи с растущими потребностями личности и динамично изменяющимися требованиями общества и рынка труда, развитие гибкости самой образовательной системы и ее адаптация к многообразию социальных ситуаций. Широкое использование в образовании информационных и телекоммуникационных технологий обеспечивают наибольшую его доступность для обучающихся, способствует повышению творческого начала (креативности) в образовании, формированию и развитию универсальных инновационных характеристик личности. Тем самым открытое образование, ориентирующееся на развитие и использование потенциальных возможностей личности, способствует подготовке людей к жизни в различных социальных средах, в связи с растущими потребностями личности и динамично изменяющимися требованиями общества и рынка труда. Важной составляющей развития открытого образования является мотивация людей к образовательной деятельности, что подразумевает наличие определенного уровня субъектного самосознания, детерминирующего способность к инновации, активному созданию индивидом собственной феноменальной социальной реальности.

В современных условиях возникает необходимость формирования гибкой распределенной системы непрерывного жизненного образования, в рамках которой человек может непрерывно в течение жизни развивать свои профессиональные уме-

ния, приобретать новые знания, обеспечивающие творческую активность и профессиональную мобильность. Непрерывное образование – система получения профессионального образования, повышения уровня общей культуры, воспитания, нравственности и гражданской ответственности. «Потребности в непрерывном образовании и, главным образом в непрерывном профессиональном образовании, связана не только со все ускоряющимся процессом накопления информации человеком в современной техногенной среде, но еще и с тем, что и в гуманитарной сфере человеческой культуры процесс увеличения (приращения) знаний идет не менее интенсивно» [4, с. 61–70].

В соответствии с Международной стандартной классификацией образования (ISCED) основные формы непрерывного образования определяются следующим образом:

- формальное образование относится к системе школ, колледжей, университетов, иных формальных учебных заведений, которые обычно обеспечивают набор взаимосвязанных учебных программ в качестве основного занятия для детей и молодежи в возрасте от 5 (7) лет и до 20 (25) лет;

- неформальное образование – любая организованная и продолжающаяся какое-то время учебная деятельность, которая не попадает под определение формального образования. «Оно может происходить как внутри учебного заведения, так и вне его стен для лиц вне зависимости от их возраста, неформальное образование может иметь как профессиональную направленность, так и общекультурное значение. Содержание и методы занятий четко не фиксируются и вследствие этого могут быть максимально адаптированы под нужды учащихся» [6; 9].

«Стратегия образования взрослых» означает отказ от укоренившейся в общественном сознании схемы: «школа – вуз – работа – карьера». Уже отмечалось, что сегодня эта схема часто модифицируется как «школа – работа – карьера – вуз – работа» (или «школа – вуз – работа – второй вуз – карьера»). В рамках этой логики образование рассматривается не как дополнительный контур системы обеспечения социальной стабильности, но как часть системы деятельностей. Разумеется, такая система выглядит громоздкой. В принципе, она может быть выстроена более компактно за счет вневузовского образования (курсы повышения квалификации или иные структуры). Так или иначе, кадровая политика когнитивного мира подразумевает

необходимость повторного высшего образования. В конечном счете, реализуемая сегодня идея непрерывного образования рассматривается как ключевой элемент повышения уровня жизни отдельного человека и общества в целом, и направлена:

- на создание более адаптированной к цивилизационно-культурным

трансформациям образовательной системы;

- переход к системе образования, которую можно характеризовать,

как образование на протяжении всей жизни;

- возрастание роли личности в процессе образования [1, с. 145].

Резюмируя сказанное, подчеркнём, что развитие образования в обществе, основанном на знаниях, детерминируется движением глоболизирующегося мирового сообщества от постфигуративной культуры замкнутого социума, ведущей ценностью которого выступает чувство неизменной преемственности, к префигуративной культуре открытого, высококомобильного, предельно толерантного сообщества индивидуумов. Мы полагаем, что открытое образование, является важнейшим фактором преодоления закрытости общественной системы, её инновационного и устойчивого развития, развития общественного интеллекта, интеграции способов освоения мира человеком и придания процессу обучения творческого характера.

Литература

1. Иванкина Л. А. Современная цивилизационная парадигма транзитивной потенциальности образования / Л. И. Иванкина. – Рукопись дис. ... д-ра филос. наук. – Томск, 2006. – 295 с.

2. Киселев А. С. Инновационная система опережающего образования в контексте социологической перспективы общественного развития : учеб.-метод. пособие / А. С. Киселёв. – СПб. : ООО «Книжный Дом», 2007. – 220 с.

3. Краснова Г. Д. Открытое образование: цивилизационные подходы и перспективы / Г. Д. Краснова. – М. : Изд-во ГУДИ, 2002. – 250 с.

4. Лашко С. И. Интеграция системы экономического и бизнес-образования России в мировой рынок образовательных услуг / С. И. Лашко. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2008. – 416 с.

5. Ломакина Т. Ю. Современный принцип развития непрерывного образования / Т. Ю. Ломакина. – М. : Наука, 2006. – 221 с.

6. Непрерывное образование и потребность в нем / отв. ред. Г. А. Ключарев ; ИНСИ РАН. – М. : Наука, 2005. – 173 с.

7. Основы открытого образования / Андреев А. А., Каплан С. Л., Краснова Г. А., Лобачев С. Л., Лупанов К. Ю., Поляков А. А., Скамницкий А. А., Солдаткин В. И. ; отв. ред. В. И. Солдаткин ; Рос. гос. ин-т открытого образования. – М.: НИИЦ РАО, 2002. – Т. 1. – 676 с.

8. Онокой Л. С. Открытое образование: российский и зарубежный опыт // Социологические исследования. – № 2. – 2004. – С. 41–55.
9. Открытое образование – стратегия XXI века для России / под общ. ред. В. М. Филиппова, В. П. Тихомирова. – М. : МЭСИ, 2000. – 356 с.
10. Российский портал открытого образования: обучение, опыт, организация / отв. ред. В. И. Солдаткин. – М. : МГИУ, 2003. – 508 с.
11. Талалова Л. Н. Интеграционные процессы в образовании: контекст противоречий: Монография / Л. Н.Талалова. – М. : Изд-во РУДН, 2003. – 368 с.
12. Штер Н. Мир из знания / Н. Штер ; пер. с нем. А. Н. Малинкина // Социологический журнал. – № 2. – 2002. – С. 31 – 35.

Zhuravleva I. A.

Irkutsk State University, Irkutsk

The innovation factors and the imperatives of open education in a knowledge-based society

The given article reveals the basic features of modern-stage social development, associated with the transfer to a knowledge-based society. The article discloses the key role of knowledge in the process of society reproduction and provides the grounds for the necessity to construct a contemporary education model that would be based on openness and availability principles and would secure new quality of world development. Open education is viewed as a complicated social system able to react rapidly to the changing socio-economic conditions and to fulfill various educational needs and requirements. The article defines the initial methodological ideas, imperatives and principles of open education.

Keywords: knowledge-based society, open education, informational educational technologies, correspondence education, lifelong education.

Университет и проблемы российской интеллигенции

В статье акцентируется внимание на университете как особом социокультурном и научном пространстве, в котором сосредоточена одна из самых квалифицированных групп интеллигенции, воспроизводящая её новые генерации. Авторы подробно останавливаются на историческом экскурсе развития интеллигенции в России. По их мнению, изменения в обществе, в высшей школе обусловили радикальные сдвиги в статусных позициях интеллигенции, её облике структуре, ценностях. В работе также отражен опыт Бурятского государственного университета.

Ключевые слова: университет, высшее образование, академическое сообщество, научное сообщество, российская интеллигенция.

Наверное, немного можно назвать понятий, которые были бы столь тесно связаны между собой, как понятия «университет» и «интеллигенция». Университет – это особое социокультурное и научное пространство, в котором сосредоточена одна из самых квалифицированных групп интеллигенции, воспроизводящая её новые генерации. Интеллигенция же – социальная категория людей, функционально занятых сложным умственным трудом и обладающих общепризнанными духовно-нравственными качествами. Есть и другие определения.

История университета и интеллигенции показывает, что эти феномены не только взаимодействуют, но и во многом взаимобулавливают друг друга. Открытые первые в России Санкт-Петербургский (1726 г.), Московский (1755 г.), позже Казанский, Харьковский, в Сибири – Томский (1888 г.), Иркутский (1918 г.) и другие университеты, названные А. И. Герценом «храмами русской цивилизации» сыграли огромную роль в развитии интеллигенции, экономики, культуры и науки России.

В основу создания российских университетов была положена преимущественно модель кантовско-гумбольдского университета, делавшая акцент на формирование профессионала, в отличие от англосаксонской, ориентированной в большей степени на личностное саморазвитие.

Российскими, а в последующем советскими учёными были использованы принципы, провозглашенные упомянутым немецким университетом. В их числе: построение обучения на основе

фундаментальных принципов, а не на базе агрегированных фактов; постижение правила мысли, а не позитивного содержания знания; использование умственных сил, как включение в процесс самостоятельного суждения; преподавание как процесс одновременного продуцирования знания и его воспроизведения и др. [1, с. 125].

В то же время российские университеты имели свои особенности. В них отсутствовала автономия и коллегиальность в решении внутринаучных проблем, практика научных дискуссий, внутренний строй классического научного сообщества и др. В российских университетах большое внимание уделялось формированию высоких духовно-нравственных ценностей. В частности, в обязанности студента вменялось «истинное благочестие», «неутомимое прилежание к наукам», «благородное поведение». Всю жизнь студент обязан был «избегать того, что могло бы оскорбить значение и повредить его благу и выгодам Университета». Все это наложило отпечаток на облик российских университетов и формируемую ими интеллигенцию.

Революция 1917 г., строительство социализма, привели к радикальным переменам в мире университета и интеллигенции. Многие оказались разрушенным, произошел раскол в среде интеллигенции, значительная её часть иммигрировала за пределы России. Несмотря на это, за годы советской власти в СССР, в России сложилась высокоразвитая, вполне эффективная вузовская система образования.

Говоря словами ректора МГУ, академика РАН В. А. Садовниченко, который подчёркивает, что «в советское время в стране сложилась единая система образования – эффективная, устойчивая, с высоким уровнем подготовки, доказавшая преимущества своих основополагающих принципов: доступности, качества и фундаментальности» [2, с. 5].

В годы советской власти претерпела изменения и интеллигенция, в том числе вузовская. Практически вся она стояла на службе у государства, её представители именовались служащими. Власть стремилась подчинить интеллигенцию своему влиянию, прибегая нередко к организации репрессивных, антиинтеллигентных кампаний, особенно на ранних этапах развития советского обществ. Тем не менее, престиж интеллигенции, её уровень подготовки были высокими. По своему материальному положению советская интеллигенция, в основной массе соот-

ветствовала статусу среднего класса. Являлась внутренне единой социальной группой. Для неё была характерна уверенность в завтрашнем дне. Она служила интересам народа. В этой связи трудно согласиться с той характеристикой советской интеллигенции, которая нередко дается в научной литературе и публицистике («образованцы», «совки» и др.).

Годы перестройки, перехода к рынку означали начало нового этапа в жизнедеятельности вузов и интеллигенции. Данный этап характеризуется реформированием образования, которое проводится под лозунгом модернизации, реализации принципов Болонской декларации. В основе идеологии модернизации образования лежит либерализация всей системы управления образованием. Реформирование вызывает резкую критику со стороны самой высшей школы за его непродуманность, за фактический отказ от принципа фундаментальности, характерного для классических университетов, голый прагматизм, за стремление государства в определенном смысле уйти из образования, за открытое игнорирование гуманитарных элементов и многое другое.

О непродуманности реформирования свидетельствует немало примеров. Так, согласно «концепции» реформирования науки и высшей школы, принятой коллегией Министерства науки и образования РФ (2.09.2004 г.) из 2338 научно-исследовательских институтов, находящихся на финансировании из федерального бюджета, должно остаться 100, остальные планировалось приватизировать на средства заказчиков научных исследований. За считанные годы НИИ были перекуплены, причем интерес к ним был продиктован не целью восстановления научного потенциала. Для рынка это были организации, имеющие собственную недвижимость, представляющую особую коммерческую ценность.

Или другой пример. Из вышеуказанной концепции следовало, что из 1804 вузов России, находящихся на государственном финансировании должно остаться 100, а в 2008 г. Речь будет идти уже о 87 вузах. Предполагается часть вузов объединить в федеральные университеты, некоторые получают статус регионального вуза, остальные, если хотят выживать, будут приватизироваться [3, с. 191].

Сегодня мы обсуждаем новую концепцию, выраженную в проекте федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Изменения в обществе, в высшей школе обусловили радикальные сдвиги в статусных позициях интеллигенции, её облике структуре, ценностях. Вследствие развала СССР произошло территориальное разобщение некогда единой советской интеллигенции, возник раскол по социальному положению, идейно-политическим предпочтениям. Преобладающая её часть (преподаватели вузов, научные работники, врачи, учителя, инженеры и др.) несмотря на резкое падение жизненного уровня, другие лишения, прежде всего в провинции, особенно в 90-е гг., продолжила выполнение своих функций, чувствовала свою ответственность перед народом. Другая часть интеллигенции стала опорой режима и олигархического капитала. Многие её представители сегодня – крупные бизнесмены, высокопоставленные чиновники государственных структур. Среди них большое место занимают профессора университетов, политологи, юристы. Им чужды интересы народа. Третья часть – наиболее политически пёстрая, неустойчивая в своих идейно-политических предпочтениях, в её рядах много торгующих своими убеждениями.

Изменилось экономическое положение вузовской интеллигенции. По данным А. В. Шпилова покупательная способность вузовского профессора снизилась за последние 11–17 лет в 4,6 раза, а по сравнению с началом XX в. – в 19,4 раза [4, с. 31–38]. Всем известно, что сегодня российский профессор получает в 20 раз меньше чем европейский.

При этом надо иметь в виду сильную перегруженность преподавателя вуза. Известно, что в начале XX в. учебная нагрузка профессора составляла 8 часов в неделю, в советское время 11–12 часов, а сейчас – 11–20 часов. К тому же многие профессора, не говоря о доцентах, рядовых преподавателях вынуждены работать на стороне. «У нас – говорит В. А. Садовничий, – сейчас сложилась парадоксальная ситуация. Две трети своего времени профессор университета проводит не на основной работе, а в других местах, зарабатывает на проживание. По некоторым оценка, и две трети зарплаты он получает, так сказать «на стороне» Я думаю, что это ненормально. Профессор, подчёркивает Садовничий, должен за свою основную работу получать достаточно». Политику в области зарплаты преподавателей вуза назвали «курсом на стабилизацию профессорской нищеты». Обращает на себя внимание то, что за последние два десятилетия произошло старение вузовской ин-

теллигенции, вымывание среднего возрастного звена, наблюдается слабый приток молодых преподавателей. Одарённые выпускники вузов по-прежнему не рассматривают работу в сфере высшего образования как приоритетное направление своих карьерных устремлений.

Три года назад в Бурятском госуниверситете был проведён социологический опрос студентов. На вопрос анкеты «Если бы Вам после окончания университета предложили работать преподавателем БГУ, могли бы Вы согласиться?» 42 % ответили «да», остальные – «нет» или «затрудняюсь ответить». Казалось бы, что может быть престижной работы в вузе, в котором учился сам?

В поисках более приемлемых условий труда и его оплаты за последние 15 лет около 1 млн. высококвалифицированных научных и инженерно-технических кадров выехали в другие страны. Прямые потери государства от этого, по оценкам экспертов, составили более 1 трлн. Долларов, что сравнимо с потерями в Великой Отечественной Войне с фашистской Германией. И процесс утечки мозгов продолжается.

В этой связи возникает вопрос о качестве вузовской интеллигенции. И здесь, к сожалению, нельзя не согласиться с профессором Е. В. Астаховой в том, что «эволюция отечественного преподавательского корпуса оказалась в целом плохим ответом на вызовы инновационной экономики. Ни преподавательская корпорация, ни университеты не смогли выдвинуть достойного ответа, поэтому теперь они – вместо прежнего пиетета – испытывают на себе серьезные последствия пренебрежения общества» [5, с. 79]. А много ли таких сфер, в которых интеллигенция даёт достойный ответ на вызов современности? Может быть в здравоохранении, которое возглавляет доктор экономических наук Голикова? В образовании? Во главе с членом-корреспондентом Фурсенко? Или в целом управлении государством, во главе с выпускниками ЛГУ?

В вузовской среде произошло снижение академической культуры, ослабление морали. Это нашло своё выражение в доминировании в структуре ценностных установок сугубо материальных интересов, в уклонении от научной деятельности, в участившихся случаях взимания поборов. Некоторые авторы вполне обосновано пишут, что происходит отказ от профессиональной этики, корпоративной культуры. Выработан-

ной предыдущими поколениями университетских профессоров, что академическая мораль ослабела настолько, что перестала быть фактором, воздействующим на поведение субъектов образовательного процесса [5, с. 71–79]. Сейчас говорят, что в России интеллигенция исчезает, появляется на ее месте интеллектуальная. С чем трудно согласится. Интеллигенция была, есть и будет в России. Конечно, олигархам и верно служащему правящему клану, очень хотелось бы, чтобы не было в России интеллигенции. Но еще раз хочу повторить, что интеллигенция, т. е. люди, обладающие не только профессиональными знаниями, но и глубокими духовно-нравственными качествами, любящие свою страну, свой народ, заботящиеся об их великом будущем.

Литература

1. Российский университет перед лицом принудительных эпистем неоглобализма // Высшее образование в России. – 2008. – № 2.
2. Садовничий В. А. Университеты на пути к новому качеству образования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20. – 2009. – № 1.
3. Грицкевич Т. И. Тенденции реформирования отечественного образования / Т. И. Грицкевич // Философия образования. – № 3, 2008.
4. Шипилов А. В. Зарплата российского профессора в прошлом настоящем и будущем // Вестник высшей школы. – № 4, 2003.
5. Астахова Е. В. Исторические коллизии вузовской интеллигенции: современный аспект / Е. В. Астахова // Интеллигенция в изменяющемся обществе: социальный статус, облик, ценности, сценарии развития. – Улан-Удэ, 2010.

Osinskiy I. I., Dobrynina M. I.

Buryat State University, Ulan-Ude

University and the problems of Russian intelligentsia

The article draws attention to university as a special socio-cultural and scientific space, which includes one of the most qualified groups of intelligentsia regenerating itself. The authors focus on the historical development of intelligentsia of Russia. In the authors' opinion, changes in the society and in higher education make for dramatic shifts in status positions of intelligentsia, its face, structure, and values. The article also includes the experience of Buryat State University.

Keywords: university, higher education, academic community, scientific community, Russian intelligentsia.

Коробицина Т. В., Невирко Д. Д., Шинкевич В. Е.

Сибирский юридический институт
Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков,
г. Красноярск

Состояние наркоситуации и основные направления профилактики наркопотребления в вузах Красноярского края¹

В статье анализируются результаты проведенного с 15 мая по 10 июня 2010 г. мониторинга состояния наркоситуации и профилактики наркопотребления среди студентов высших учебных заведений Красноярского края, на основе которого предлагаются пути оптимизации антинаркотической работы в вузах.

Ключевые слова: психоактивные вещества, наркотические вещества, антинаркотическая работа, профилактика наркомании в студенческой среде.

Масштабы распространения наркопотребления, наркомании и наркопреступности в России таковы, что ставится под вопрос физическое и духовное здоровье молодежи и будущее значительной ее части, а также социальная стабильность российского общества в ближайшей перспективе. Ежегодно в стране выявляется до 45 тыс. административных правонарушений, связанных с потреблением молодыми людьми наркотических средств и психотропных веществ, отмечается рост количества преступлений, совершаемых ими в состоянии наркотического опьянения [1, с. 42]. На территории Сибирского федерального округа только в 2010 г. были зарегистрированы 39 313 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (17,7 % всех наркопреступлений, совершенных в России), что соответствует показателю преступности 201 на 100 тыс. населения СФО. При этом уровень наркопреступности среди отдельных субъектов варьирует в диапазоне от 148 до 361 преступлений на 100 тыс. населения². Доля наркопреступлений среди всех преступлений, зарегистрированных в СФО, составила 8,6 % (аналогичный общероссий-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности».

² Учитывалось все население Округа, включая малолетних.

ский показатель – 8,5 %) [2, с. 85, 87]. В числе причин ухудшения наркоситуации в Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020 г. обозначена недостаточно эффективно организованная профилактическая деятельность [3].

Основной группой риска немедицинского потребления психоактивных веществ являются подростки и молодежь: большинство пациентов наркологических клиник впервые попробовали наркотики в возрасте до 21 года [4] (чаще всего – в 11–18 лет [5]). Предупреждение злоупотребления психоактивными веществами среди лиц этой возрастной категории является достаточно сложной социальной задачей, комплексное решение которой предполагает участие не только правоохранительных органов, наркологов, но и педагогов. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема профилактики наркопотребления в образовательной среде, в том числе вузов, где формируется интеллектуальная элита нашего общества, закладывается потенциал его успешного дальнейшего развития и совершенствования.

В целях разработки эффективных форм профилактики наркотизации, с 15 мая по 10 июня 2010 г. было проведено социологическое исследование отношения студентов вузов Красноярского края к употреблению психоактивных веществ, понимания ими уровня их доступности и опасности потребления, а также включенности в антинаркотическую деятельность³.

Анализ полученных результатов свидетельствует, что в социальном окружении около 40 % респондентов есть лица (знакомые, друзья, родственники), употребляющие психоактивные вещества, помимо алкоголя и никотина (табл. 1), что косвенно указывает на возможность такого опыта и у самих респондентов. Более 50 % респондентов указали, что им предлагали попробовать наркотики, при этом объектом внимания сбытчиков являются, прежде всего, юноши.

Около 20 % студентов вузов г. Красноярска имели опыт употребления наркотических средств и психотропных веществ, причем среди этих лиц респондентов-мужчин было несколько больше, чем респондентов-женщин (табл. 2), более 87 % имели разовый или неоднократный опыт употребления наркотиков;

---

³ Мониторинг состояния наркоситуации и профилактики наркопотребления в вузах Красноярского края: отчет о НИР (закл.) : 45 /СибЮИ МВД России ; рук. Михайлов Н. Ф. ; исп. : Невирко Д. Д., Коробицина Т. В., Шинкевич В. Е. и др. Красноярск, 2010. № ГР 03109592.

более 3 % опрошенных этой группы в прошлом регулярно употребляли психоактивные вещества, около 9 % – от случая к случаю, около 5 % в настоящее время регулярно употребляют наркотики.

Таблица 1

Уровень употребления психоактивных веществ (кроме никотина и алкоголя) в социальном окружении студенческой молодежи

Категории	Мужчины		Женщины	
	частота	процент	частота	процент
Да, есть	771	42,36	973	35,86
Нет	799	43,90	1342	49,47
Загрудняюсь ответить	250	13,74	398	14,67
Итого	1820	100	2713	100

Таблица 2

Частота опыта употребления психоактивных веществ юношами и девушками

Категории	Мужчины		Женщины	
	частота	процент	частота	процент
Всего один только раз попробовали	128	27,00	176	40,74
Несколько раз пробовали	226	47,68	201	46,53
В прошлом регулярно употребляли	22	4,64	8	1,85
Редко (от случая к случаю, не каждый месяц) употребляю в настоящее время	51	10,76	30	6,94
Регулярно (раз в месяц и чаще) употребляю «легкое» психоактивное вещество	34	7,17	9	2,08
Регулярно употребляю какое-либо «тяжелое» психоактивное вещество	6	1,27	0	0,00
Другое	7	1,48	8	1,85
Итого	474	100	432	100

Наиболее доступны и, следовательно, востребованы на сегодняшний день в студенческой среде гашиш, «план», ганджа, марихуана. Опыт употребления именно данных наркотиков

суммарно отметили около 80 % респондентов группы потребителей. Гендерное сравнение предпочтений позволяет утверждать, что данные психоактивные вещества наиболее востребованы как юношами, так и девушками. Однако при относительно равном рейтинге востребованности конкретного вида наркотиков мужчины предпочитают марихуану, «план», кокаин, крэк, барбитураты, матамфетамин, фенциклидин, в то время как женщины – гашиш, ганджу, ЛСД, «экстази», амфетамин, кодеин.

Возраст первого опыта употребления психоактивного вещества в целом колеблется от 14 до 18 лет, хотя отмечены отдельные факты употребления и в более раннем возрасте. Вместе с тем около 30 % респондентов отметили, что первый опыт употребления наркотиков ими приобретен после 18 лет. А это – возраст студенческой молодежи.

При относительно равных временных периодах получения первого опыта употребления психоактивных веществ большие количественные показатели у юношей, однако возраст первого употребления наркотиков в 18 лет и старше преобладает у девушек.

Результаты факторного анализа позволяют заключить, что психоактивные вещества, помимо алкоголя и никотина, чаще пробуют лица, которые в более раннем возрасте попробовали алкогольные напитки (уровень связи 0,24).

Что касается затрат на приобретение наркотиков, то анализ полученных ответов позволил выделить как наиболее представительные группы те, которые тратят до пятисот рублей и более двух тысяч рублей в месяц. Однако они составляют около 2 % опрошенных, что соответствует естественной погрешности исследования и говорит либо о том, что молодежь использует, как правило, психоактивные вещества низкого качества, либо о вовлеченности студентов в незаконный оборот наркотиков в качестве распространителей (в этом случае наркотики для собственного потребления сбытчик получает без оплаты).

У большинства студентов принижено чувство опасности по отношению к употреблению наркотических средств и повышена заинтересованность в «познании запрещенного» – 98 % респондентов считают, что в лечении от наркозависимости нет необходимости. Таким образом, справедлив вывод о том, что большинство потребляющих психоактивные вещества либо не понимают опасности, которую те несут для личности, либо находят в этом

некоторое «удовлетворение», либо пытаются сами противостоять симптомам формирующейся наркозависимости, причем, как правило, безуспешно. Подавляющее большинство опрошенных считают, что для здоровья человека опасно регулярное курение, употребление алкоголя, иных психоактивных веществ, и менее опасен первый опыт. Следовательно, молодежь не имеет четкого представления о том, что именно первый опыт дает толчок формированию психологической зависимости человека от психоактивных веществ.

Негативное отношение к курящим и употребляющим алкоголь и психоактивные вещества высказали около четверти опрошенных, практически данный выбор сделали студенты, которые не курят и не считают необходимостью употреблять спиртные напитки. В качестве положительного момента можно отметить негативное отношение и осуждение студенческой молодежи тех, кто употребляет (87 %) либо допускает даже единичное употребление (66 %) наркотиков.

Анализ проблемы получения специализированной помощи свидетельствует, что более 90 % обучаемых не получали социально-психологическую поддержку в учреждениях социально-психологической помощи или социального обслуживания семьи и детей, и только 2 % ответили утвердительно. Обращает на себя внимание различие в оценках потенциальных возможностей оказания помощи нуждающимся в специализированных центрах социально-психологической помощи и доверия к ним. Если женская часть респондентов отвела данным центрам третье ранговое место, то мужчины – седьмое. Это еще раз подтверждает ярко выраженную самоуверенность юношей, их потенциальную направленность на самостоятельный поиск путей решения проблемы. Только десятое место у всех категорий респондентов занимает оценка потенциальных возможностей оказания специализированной помощи в социальных службах. Можно предположить, что институт социально-психологической помощи и социального обслуживания семей на сегодняшний день в крае развит недостаточно и требует более пристального внимания со стороны государственных органов. Студенты слабо информированы об их существовании и месте нахождения.

Наиболее доверенными институтами, куда в первую очередь обратились бы за помощью студенты, если бы сочли, что у них возникла зависимость от психоактивных веществ, остаются

семья и друзья. На третьем месте – наркологический диспансер. Однако 11 % считают, что справятся сами, или же готовы искать помощь в Интернете, а каждый двадцатый предпочитает анонимные частные клиники. Вместе с тем у юношей чрезмерно выражена уверенность в том, что они самостоятельно могут справиться с болезнью. Данный показатель занимает среди мужской категории респондентов третье ранговое место. У девушек он только седьмой.

Мониторинг выявил не только слабую вовлеченность родителей в профилактическую антинаркотическую работу, но и то, что участие студентов в данной работе заключается в основном в присутствии на лекции (уроке, занятии) на тему о вреде наркотиков, ознакомлении с материалами антинаркотической рекламы в СМИ, на баннерах и транспортных средствах, просмотре антинаркотических телевизионных передач, чтении антинаркотических статей. Практически единицы отметили, что с ними беседовали преподаватели или они лично участвовали в составлении антинаркотических листовок и принимали участие в волонтерском движении. При этом считают, что в полной мере имеют информацию по антинаркотической тематике почти треть респондентов. Эти данные указывают на наличие возможных резервов по активизации антинаркотической деятельности.

Вместе с тем качество антинаркотических материалов, подаваемых в печатных, электронных СМИ, а также на транспортных средствах, специально подготовленных стендах, рекламных щитах, респондентами в основном оценено в пределах трех баллов, при этом наиболее высокая оценка дается антинаркотической информации в электронных СМИ, наименьшая – в печатных. При этом на вопрос о том, в какой мере антинаркотические материалы побуждают к положительным мыслям, поступкам, к изменению образа жизни, наибольшее количество выборов пришлось на индикатор «частично» (49 %).

Оценивая свою информированность об антинаркотической работе в Красноярском крае различных государственных и общественных социальных институтов, наивысший балл студенты отдали институту семьи, второе место в рейтинге занял институт здравоохранения. Однако и при оценке значимости для антинаркотической работы вуза деятельности данных институтов наибольшее количество ответов – 3 балла либо «не знаю». Это говорит, безусловно, о том, что эти институты не реализуют в полном объеме возможности в данной сфере.

Не может не вызывать тревоги тот факт, что работа специальных органов (ФСКН РФ, ОВД) по противодействию распространению наркотиков в вузах края оценена на 5 баллов лишь 8–9 % респондентов.

Таким образом, анализ и обобщение полученных по итогам социологического мониторинга эмпирических данных позволяют сформулировать следующие основные выводы:

- более трети студентов имеют или имели опыт употребления табака, более двух третей – спиртных напитков, при этом получение первого опыта в основном приходится на возраст 12–16 лет;

- у 43 % студентов в социальном окружении, включая семью, есть лица, допускающие употребление психоактивных веществ (помимо алкоголя и никотина), причем более половины опрошенных получали предложения «попробовать» наркотические средства;

- около 20 % студентов имеют личный опыт употребления различных наркотических средств, причем 73 % из них пробовали эти средства к моменту поступления или после поступления в вуз;

- наркоситуацию в студенческой среде можно признать высоколатентной. Несмотря на то, что 20 % обучаемых имели опыт употребления психоактивных веществ помимо алкоголя и никотина, причем 9 % из них употребляют (употребляли) их регулярно, за медико-психологической помощью обращались около 1 %;

- в целом в студенческой среде информированность о видах наркотических средств и эффектах их действия сочетается с толерантным отношением к приему наркотиков сверстниками, т. е. преодолен психологический барьер в виде своеобразного «табу» на прием наркотиков, отсутствует активная психологическая защита по отношению к первой пробе и последующему приему психоактивных веществ;

- подавляющее большинство студентов вузов г. Красноярска не имеют четкого представления об антинаркотической деятельности, являются пассивными участниками антинаркотических мероприятий. Только 1 % выступают активными участниками антинаркотической деятельности.

Сложившееся положение, безусловно, требует повышения эффективности антинаркотической деятельности. С учетом ре-

зультатов проведенного мониторинга мы считаем, что достижение этой цели должно осуществляться путем решения следующих задач:

- преодоление толерантного отношения студенческой молодежи к употреблению психоактивных веществ с целью снижения спроса на них в подростковой популяции;

- формирование у обучаемых личной ответственности за свое поведение, воспитание социально-нормативного жизненного стиля с доминированием ценностей здорового образа жизни, установки на отказ от употребления психоактивных веществ;

- внедрение в образовательной среде инновационных психолого-педагогических, в том числе тренинговых, технологий, обеспечивающих актуализацию и развитие ценностей здорового образа жизни, мотивов отказа от употребления психоактивных веществ;

- повышение уровня знаний специалистов системы образования в области проведения просветительской антинаркотической деятельности;

- создание условий для вовлечения студентов в антинаркотическую деятельность, формирование и стимулирование развития волонтерского молодежного движения;

- оптимизация досуговой деятельности студентов, создание условий для вовлечения молодежи в систематические занятия творчеством, физической культурой;

- обучение специалистов системы образования и родителей навыкам раннего выявления поведения, свидетельствующего об употреблении психоактивных веществ;

- развитие системы раннего выявления потребителей психоактивных веществ в ходе ежегодной диспансеризации для проведения адресной профилактической работы.

Профилактика немедицинского потребления психоактивных веществ должна быть направлена, прежде всего, на целевую аудиторию студентов, включая находящихся в неблагоприятных семейных, социальных условиях, имеющих риск немедицинского потребления наркотиков, причем студенты, с одной стороны, выступают как большая социальная группа, на которую направлены основные усилия ранней профилактики, с другой – они должны сами выступать субъектами профилактической работы, реализуя профилактические программы как «равный – равному». Это наиболее эффективно формирует жизненную установку

ку молодых людей на активное противодействие при вовлечении их в наркотизацию.

Комплекс профилактических мероприятий предусматривает скоординированную профилактическую работу в вузах:

- работа со всеми контингентами студентов (не имеющими опыта приема психоактивных веществ, «экспериментаторами», проблемными потребителями);
- сочетание иницилирующих и поддерживающих интервенций;
- обучающие циклы («тренинг тренеров», «равные – равным»);
- саморазвитие и формирование актива во всех целевых группах;
- циклическое расширение охвата участников профилактической программы;
- мониторинг ситуации и эффективности профилактических мероприятий.

Основу профилактической деятельности составляют обучающие циклы. В каждом вузе, включенном в программу:

- проводится обучение руководителей и профессорско-преподавательского состава (семинар 4 часа);
- формируется актив, стимулируется и поддерживается саморазвивающееся движение (тренинг тренеров);
- повторяются обучающие циклы с увеличением охвата (равный – равному);
- проводится подкрепление полученной в ходе тренинга информации;
- организуется работа с отдельными группами (группы повышенного риска, группы с проблемным потреблением психоактивных веществ);
- корректируется по основным направлениям осуществляющаяся в вузе антинаркотическая деятельность;
- в региональный компонент образовательного стандарта вводится профилактический спецкурс – дисциплина «Профилактика немедицинского употребления наркотиков и наркомагии» для студентов 1 курса (с обязательным обучением преподавателя, в учебной нагрузке которого предусмотрено ведение занятий).

Важная особенность предлагаемого комплекса мероприятий – обеспечение саморазвития и расширения профилактической программы за счет осуществления грантовой поддержки ее

участников, поддержания инициативы и формирования волонтерского движения на основе принципов «равные – равным» и «тренинг тренеров». В перспективе такая работа в течение 3–4 лет позволит вовлечь в профилактическую программу более половины основной целевой группы как активных участников и тем самым обеспечить влияние на ситуацию с употреблением психоактивных веществ в целом. Предлагаемое направление деятельности по предупреждению распространения психоактивных веществ может быть успешно реализовано со всех регионов Сибири и Дальнего Востока, находящихся в относительно равных экономических, социальных условиях.

Литература

1. Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в 2009 году / МВД России. – М., 2010.
2. Состояние преступности в Сибирском федеральном округе (по данным на 1 января 2011 г.): Аналитический обзор и прогноз. – Красноярск, 2011.
3. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года : утв. Указом Президента РФ № 690 от 9 июня 2010 г. [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс : справочная правовая система.
4. Пятницкая И. Н. Общая и частная наркология : руководство для врачей / И. Н. Пятницкая. – М. : Медицина, 2008.
5. Рычкова М. В. Динамика риска аддиктивного поведения в подростковом возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук / М. В. Рычкова. – Красноярск, 2006.

Korobitsina T. V., Nevirko D. D., Shinkevich V. E.

Siberian Law Institute of Federal agency
of Russian Federation for drug circulation control,
Krasnoyarsk

Situation considering drugs and the main trends of drug usage prevention at higher educational institutions of Krasnoyarsk Region

The article analyses the results of monitoring of the situation with drugs and prevention of drug usage among students of the higher educational institutions of Krasnoyarsk region held from the 15th of May till the 10th of June. Basing on the results, the author suggests the appropriate ways of optimization of antinarcotic activity in the institutes of higher education.

Keywords: psychoactive substances (drugs), narcotics, antinarcotic activity, prevention of drug abuse among students.

Сибирская пресса, общее и особенное: из XIX в XXI век

В статье освещается история газетного дела в России и в Сибири. Акцентируется внимание, что начало собственно сибирских официальных периодических изданий относится к концу 50-х гг. XIX в. «Губернские ведомости» почти одновременно возникли во всех четырех сибирских губерниях – Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. По мнению автора, этому предшествовали значительные усилия местной администрации по налаживанию газетного дела в губернских и областных центрах. Первый номер «Иркутских губернских ведомостей» вышел 16 мая 1857 г. – это было первое периодическое издание в Восточной Сибири. Появление газеты в столице Восточной Сибири – Иркутске стало заметным событием, привлечшим внимание передовых демократических кругов не только Сибири, но и российской столицы. Тематика газеты была очень обширна, многообразна, затрагивала почти все стороны сибирской жизни. Автор подробно останавливается на периоде возникновения и становления подцензурной сибирской прессы.

На взгляд автора, революционные изменения, разрушившие Советский Союз, но сформировавшие новую Россию в последнее пятнадцатилетие XX в., конституционно ликвидировали цензуру. Пресса, масс-медиа в целом были одним из главных акторов и триумфаторов этих изменений. Как и положено триумфаторам, они же стали их жертвой. Первое десятилетие XXI в. прошло на фоне усталости и недоверия к осмысленным медиа. Законодательство о СМИ остается качественным и либеральным. Государство вновь стало влиять на прессу традиционно неизящно, и, как резонно и публично отметил один из признанных лидеров медиацеха, журналисты самых массовых и электорально-важных СМИ стали вести диалог с чиновниками, как с начальниками своих начальников. Очевидно, что пострадавшей стороной при этом остается гражданское общество, и общество в целом, даже если оно этого не осознает.

Ключевые слова: пресса, масс-медиа, цензура, гражданское общество, губерния.

Начало газетному делу в России положил Петр I. Семнадцатого декабря 1702 г. царь предписал «По ведомости о воинских и всяких делах, которые надлежат для объявления московского и окрестных государств людям, печатать куранты». Для этого все имеющиеся в приказах сведения повелевалось «присылать в монастырский приказ, откуда те известия отсылать на печатный двор» [1, С. 291–296]. Второго января 1703 г. вышел первый номер газеты, прошедший через редакцию и корректуру самого

Петра под названием «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в московском государстве и в иных окрестных странах» [2, С. 1–4]. Так появилась первая российская официальная газета. Еще при самом Петре и на протяжении всего XVIII в. название газеты неоднократно менялось, тем не менее к началу 30-х гг. XIX столетия официальная газета обычно под названием «Губернских ведомостей» издавалась в большинстве губернских городов Европейской России. К сожалению, замечание это не касается Сибири. Хотя сибирский читатель был не только знаком с «Колоколом» и «Полярной звездой», но и выдвинул из своей среды корреспондентов этих журналов [3, С. 132, 135], тем не менее, к началу рассматриваемого периода местных периодических изданий в Сибири не было. Газеты обычно доставлялись из Москвы или Санкт-Петербурга. Этот процесс был достаточно длительным по времени – два–три месяца и дорогостоящим по затратам.

Начало собственно сибирских официальных периодических изданий относится к концу 50-х гг. XIX в. Этому обстоятельству предшествовало не вполне примечательное событие. В начале декабря 1856 г. правительством были утверждены новые штаты сибирских губерний. Подчеркнем, что подобные правительственные распоряжения не были новинкой для сибирской бюрократии. Они появлялись ежегодно¹. Однако на сей раз, в отличие от устоявшейся практики, в новом штатном расписании была введена должность начальника газетного отдела, в обязанности которого вменялась ответственность за выпуск официального органа губернского правления – «Губернских ведомостей». Не случайно поэтому, что «Губернские ведомости» почти одновременно возникли во всех четырех сибирских губерниях – Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. Этому предшествовали значительные усилия местной администрации по налаживанию газетного дела в губернских и областных центрах. Необходимо было приобрести и установить соответствующее

---

¹ В связи с этим отметим, что применительно к Сибири первое штатное расписание появилось в конце XVIII в., в эпоху Екатерины II, что было связано с введением должностей наместников (генерал-губернаторов). См ПСЗ-I. т. 24. б № 17494. Книга штатов от 8 августа 1796 г. Штаты собственно сибирских генерал-губернаторств впервые были утверждены в 1822 г. одновременно с «учреждением для управления Сибирских губерний».

оборудование, что требовало немалых затрат, найти или подготовить специалистов, способных набирать и верстать газету.

По своей структуре Губернские ведомости замысливались как однотипное издание, состоящее из двух частей – официальной и неофициальной. Предполагалось, что официальная часть будет заполняться правительственными постановлениями, циркулярами и объявлениями. В этом отношении «Ведомости» различных губерний практически не отличались друг от друга. «Губернские ведомости» являлись не только средством распространения официальной информации в губернии (области), но нередко и единственным печатным органом, доступным для зарождающейся общественности [4, с. 12]. В столице Восточной Сибири первый номер «Иркутских губернских ведомостей» вышел 16 мая 1857 г. в Красноярске – 2 июля (Енисейские губернские ведомости). В Чите и Якутске это событие произошло существенно позднее – соответственно 1 октября 1865 г. (Забайкальские областные ведомости) и 8 марта 1892 г. в Якутске (Якутские областные ведомости) [5, с. 755]. Названные газеты обычно выходили один, реже два раза в неделю и кроме официальной части имели обширный неофициальный отдел, который в тот период времени, при отсутствии в Сибири частной прессы, имел немалый общественный интерес, особенно в таких городах, как Иркутск, где к сотрудничеству в газете были привлечены значительные силы политических ссыльных [6, с. 201–208] и местная демократическая общественность [7, с. 31–40]. Данное обстоятельство оказало существенное влияние на содержание газеты, характер и тональность публикуемых материалов, а в конечном итоге, предопределило неоднозначное отношение к ней современников событий. Еще раз подчеркнем, что именно эти качества резко отличали «Иркутские губернские ведомости» от аналогичных изданий в других губернских и областных центрах Сибири. Именно иркутское издание, в отличие от своих собратьев в Томске, или в Тобольске² [4, с. 19], попыталось

---

² Основанием для такого заключения нам дают с одной стороны, материалы самой газеты «Иркутские губернские ведомости», а с другой стороны, имеющийся в литературе анализ политики администрации Западной Сибири в отношении прессы и их вывод о том, что уровень «губернских ведомостей» Западной Сибири «с первых лет существования соответствовал многим изданиям подобного рода, выходившим к тому времени несколько десятилетий». См.: Морозова Н. А. Указ. соч. С. 19.

впервые вынести на обсуждение общественности «сибирские вопросы» в том виде, как они понимались редакцией газеты. И вот 16 мая 1857 г. вышел первый номер «Иркутских губернских ведомостей». Поначалу газета напоминала собой небольшой неказистый журнальчик объемом в 22 страницы. Текст был напечатан на плохой сероватой бумаге, старым шрифтом, по две колонки на каждой полосе. Однако интерес к изданию был очень велик, ибо это было первое периодическое издание в Восточной Сибири. «Иркутские губернские ведомости» привлекали читателей даже чисто внешней стороной компоновки публикуемых материалов: часть неофициальная чуть ли не в два раза превосходила по объему официальную, и начиналась она не с традиционной, как обычно, суховатой передовой статьи, а с бойкого и живого фельетона, написанного Илларионом Сергеевичем Сельским. Обычно при упоминании этого иркутянина исследователи подчеркивают его чиновничью принадлежность, отмечая при этом, что И. С. Сельский был членом совета главного управления Восточной Сибири с очень неплохим государственным жалованием. Это действительно так. Здесь, однако, следует заметить, что наряду с этим И. П. Сельский был широко образованным человеком, известным не только в чиновничьей среде, но поддерживал дружеские связи с представителями иркутской интеллигенции и политическими ссыльными. Не случайно, что он был избран первыми правителем дел Географического общества и на этом посту внес немалый вклад в становление деятельности этой ставшей авторитетной общественной организации.

Совершенно необычным для сибирского читателя, остерегавшегося даже упоминать о гласности в печати, было приглашение редакции принять участие в полемике: «...Редакция объявляет, что она всегда готова поместить дельные возражения против статей, напечатанных в неофициальной части и наперед уже объявляет свою благодарность всякому, кто захочет принять на себя труд дополнять или даже исправлять сведения, доставляемые ей сотрудниками и корреспондентами. Редактор отнюдь не прочь допустить даже настоящую полемику. При отсутствии другого органа публичности в Восточной Сибири, он даже считает некоторого рода обязанностью дать по возможности наибольшую свободу и простор различным, даже противоположным мнениям. Poleмика, спор, борьба противоположных

воззрений (разумеется, в известных литературных пределах) – все это необходимо придает жизнь газете и возбуждает интерес читателей» [8].

Появление газеты в столице Восточной Сибири – Иркутске стало заметным событием, привлечшим внимание передовых демократических кругов не только Сибири, но и российской столицы. Петербургские «Отечественные записки», редактируемые в тот период времени Андреем Александровичем Краевским, немедленно откликнулись на него заметкой в разделе «Современной хроники России». В ней подчеркивалось, что главное – не в наружности газеты, не в ее внешнем виде. «Важно здесь то, что далекая Сибирь, на которую теперь обращено всеобщее внимание, будет иметь свой литературный орган; что страна золотых приисков, реки Амура, страна богатая и неведомая, имеет возможность высказывать свои мысли... Желательно только, чтобы новая газета вполне поняла свое назначение и, следуя великой истине, что не тот заслуживает большего почета, кто имеет обширнейший круг действия, а кто приносит больше пользы, в кругу своей деятельности была полезна читателям, знакомя их с страню неведомою и распространяя в своем краю различные полезные сведения» [9, с. 66].

Коллектив сотрудников «Иркутских губернских ведомостей» включал в себя кроме редактора – петрашевца Николая Александровича Спешнева, имевшего по закону статус государственного служащего и соответственно возглавлявшего газетный стол в губернском правлении, – дальнего родственника генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, представителей самой передовой интеллигенции: М. В. Загоскина, который в 1859 г. стал и редактором газеты ввиду отъезда из Иркутска по служебным делам Н. А. Спешнева; ссыльного руководителя кружка социалистов-утопистов М. В. Буташевича-Петрашевского, историка-областника С. С. Шашкова, петрашевца Ф. Н. Львова и его соратника Р. А. Черносвитова, иркутского летописца П. И. Пежемского, инженера Д. Романова, литератора и ученого Н. С. Щукина, публициста В. И. Вагина, первого ссыльного декабриста Владимира Федосеевича Раевского. Эти люди, как и многие другие авторы «Иркутских губернских ведомостей», отличались активной гражданской позицией и в сотрудничестве с газетой

видели одно из важных и возможных проявлений своей просветительской миссии.

Благодаря этому «Иркутские губернские ведомости», поддерживаемые на первых порах генерал-губернатором Муравьевым, приобрели облик, совершенно необычный для провинциальной газеты того времени. Смелое живое слово, резкий обличительный характер материалов привлекли на ее сторону массу друзей и поклонников со всех уголков Восточной Сибири. Впервые читатель увидел в официальной газете защитника справедливости, обманутых и обездоленных жителей далекой окраины, последовательного противника нарушителей законности. «Иркутские губернские ведомости» резко критиковали торгашей и спекулянтов, выступали против засилья бюрократии.

Уловив критический тон газеты, все обиженные стали отправлять туда письма и корреспонденции с просьбами о помощи, с жалобами на притеснителей. Часть этих разоблачительных корреспонденции по решению редакции была опубликована. Только за первые три года своего существования газета напечатала свыше 80 подобных материалов.³ Расследование, проводимое губернскими властями в связи с этим, привело к тому, что некоторым виновникам пришлось понести наказание или даже расстаться со своими постами. Не случайно один из тех чиновников, против которого последовательно выступала газета, кяхтинский пограничный комиссар В. Д. Карпов в ярости заявил: «С каждым номером «Губернских ведомостей» ведут кого-нибудь из нас на распятие, а мы рукоплещем, доберутся, наконец, и до всех» [10, с. 236]. Здесь следует, однако, заметить, что публичность и критическая тональность газеты объективно способствовала и укреплению позиций самих властей в глазах читателей, и в первую очередь Н. Н. Муравьева, как главного цензора газеты.

В то же время газета отмечала, что некоторые расследования по жалобам корреспондентов проводились так ретиво, что отбивали у них всякую охоту восстановить справедливость. Например, в корреспонденции из Балаганска сообщалось о том, что «когда жалобщики пришли к заседателю, он обратился к

---

³ Подсчитано автором по материалам «Иркутских губернских ведомостей» за период с 1957 по 1959 гг.

ним с грозной речью: напомнил им о нарушении долга повиновения, перечислил все благодеяния им от него, заседателя, и других местных властей, назвал скотами, тварями погаными». Доведенные до отчаяния жалобщики бухнулись ему в ноги. Тот взял с них 300 рублей и «простил». «И это зовется «следствием!»» – с возмущением писал корреспондент [11].

О тяжелом, бесправном положении крестьян неоднократно писал в газете В. Ф. Раевский. Здесь необходимо отметить, что ссыльный декабрист хорошо знал повседневную жизнь сибирского крестьянина. Выступая в качестве подрядчика по перевозке грузов по общественному выбору крестьян, он зачастую выступал в качестве арбитра в финансовых спорах между казной и крестьянами. Последние безоговорочно доверяли ему отстаивание своих финансовых интересов, зная безоговорочную честность и порядочность Раевского [12, с. 109]. Ссылным декабристом была подготовлена к печати серия публицистических очерков под общим названием «Сельские сцены». К сожалению, большая часть этих материалов до нас не дошла. По предположению С. Ф. Коваля, бесспорного знатока этого вопроса, вероятнее всего они были уничтожены самим Раевским в виду опасения новых обысков в 1859 г. [12, с. 110]. Тем не менее, в нашем распоряжении имеется один из очерков этого цикла под названием «Выборы», опубликованный «Иркутскими губернскими ведомостями» в 1858 г. В этом материале, анализируя механизм общественных выборов в органах крестьянского самоуправления, Раевский показал, что полицейские власти на местах всегда находят общий язык с ростовщиками и любыми путями, даже с помощью физического насилия, навязывают свои кандидатуры крестьянам во время выборов сельского самоуправления. «В. В. раздел крестьянина, туго привязал к столбу и бесчеловечно бичевал его почти целый день за то, что лошади понесли, когда сам его благородие понуждал гнать нещадно лошадей, бывши навеселе». В заключение статьи Раевский восклицал: «Но ежели одному сословию дано право, сечь, а другому – быть сеченым без суда – то какую силу, значение и смысл будут иметь законы?!» [13]. Подобные публикации недвусмысленно свидетельствовали об общественных взглядах редакции газеты, несходных с очевидно крепостническими взглядами «муравьевцев».

Такими же мрачными красками рисует газета положение приписных крестьян и заводских рабочих, указывая на многочисленные факты издевательств над ними со стороны администрации, полного бесправия, так что «участь горного служителя была гораздо хуже участи ссыльнокаторжного» [14]. Отмечая достоинства газеты, вместе с тем, необходимо признать, что подавляющее большинство критических материалов затрагивали только отдельные факты, не касаясь причин их появления. За исключением статьи М. В. Буташевича-Петрашевского «Несколько мыслей о Сибири», где говорилось о необходимости разоблачать не отдельных лиц, а всю современную систему, и нескольких аналогичных материалов, публицисты «Иркутских губернских ведомостей» искали пути решения насущных проблем в рамках существующего строя. Они полагали, что гласность сама по себе способна излечить общество от всех его болезней. Например, в конце 1859 г., подводя итоги разоблачительной деятельности газеты за трехлетний период, редакция заявила: «Было время, лет двести назад, когда зазнавшихся не в меру русских людей смиряли батогами. Время это, слава богу, прошло. Ныне для подобного рода людей явилась новая гроза в образе печатного слова. Слово это – святое слово, великое дело. Едва только начало оно пробиваться в нашей литературе, едва только почувствовали его русские люди, как уже все мыслящее, все молодое – даровитое, словом – все истинно любящие родину, желающие ей добра устремились к печатному славу, видя в нем силу, которая одна только в состоянии изгнать из общества нашего произвол, бесправие, неуважение к закону и личности каждого свободного человека, казнокрадство, хищничество, которое у многих и многих вошло в плоть и кровь. Печатное слово есть протест и протест небесплодный против всего пошлого, грязного и дикого. Много возмутительных фактов, низких поступков обнаружила в последнее время наша литература» [15].

Конечно, публицистика газеты не ограничивалась только обличительными материалами. Тематика ее была очень обширна, многообразна, затрагивала почти все стороны сибирской жизни. Писали о бедности и бесправии аборигенов, об отсутствии элементарной медицинской помощи трудовому населению, о нехватке школ и учителей в крае, о развитии горнодобывающей промышленности, о заселении и освоении Приамурья. Вы-

делялись в газете научные статьи Ф. Н. Львова, исторические экскурсии П. И. Пежемского, передовицы Н. А. Спешнева, этнографические заметки С. С. Шашкова. Кроме того, читатель всегда мог быть в курсе всех новинок в области литературы и искусства, познакомиться с перепечатками из центральных газет и журналов, узнать о важных внутренних и международных событиях. Многие материалы газеты удачно группировались при помощи постоянных рубрик: «Разные известия», «Происшествия», «Иркутская старина», «Сельские сцены», «Из крестьянских рассказов», «Из рассказов волостного писаря», «Случаи, встречи, знакомства», «О бурятах Иркутской губернии», «О быте поселенцев Иркутского уезда», «Объявления».

Представители правящих кругов, весьма недовольные направлением газеты, презрительно называли ее журналистов – «барабанщиками черни». Томский губернатор Озерский утверждал, что «направление «Иркутских губернских ведомостей» не делает чести ни Муравьеву, ни господину Спешневу» [16, с. 372]. Обозленные разоблачениями чиновники и купцы обзывали журналистов «каторжниками». Члены второго Сибирского Комитета⁴ беспрестанно выговаривали генерал-губернатору Н. Н. Муравьеву, что газета «приняла весьма резкий характер, допуская к печати статьи, не только задевающие разные личности, но даже и распоряжения, порядки, установленные правительством и начальством» [17, с. 75]. Дело дошло до того, что без специального разрешения Сибирского Комитета запрещались перепечатки материалов «Иркутских губернских ведомостей» в других периодических изданиях. Испытывая давление со всех сторон, Муравьев пытался защищать газету и даже наказывал разоблаченных лиц. Но так продолжаться долго не могло.

В 1860 г. прежние сотрудники газеты почти в полном составе покинули ее и создали свою независимую газету «Амур». С этого времени «Иркутские губернские ведомости» утратили былое общественное значение. Подобно другим провинциальным казенным изданиям они стали заполняться в основном различным отчетами, циркулярами, распоряжениями, извлечениями из

---

⁴ Историю образования и деятельности первого и второго Сибирских комитетов подробнее см.: Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма. Иркутск, 2009. С. 111–164.

местных архивов и объявлениями. Неофициальная часть была сведена к нулю, и никакие попытки редакторов в последующем не изменили положения. Отныне роль передового органа в постановке и освещении «сибирских вопросов» перешла к «Амуру».

Здесь необходимо отметить, что начало издания «Иркутских губернских ведомостей» по времени совпадает с активизацией дальневосточной политики генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. По справедливому замечанию М. А. Бакунина, отбывавшего в тот период времени ссылку в Иркутске, именно Муравьев по настоящему «впервые осмыслил Сибирь» [18, с. 348] и сформулировал основные направления дальневосточной политики империи. Реализация этой политики, как представляется автору, принесла России заслуженный успех, а Муравьеву признание и благодарность современников и потомков. Не случайно известный путешественник и ученый М. И. Венюков сравнивал век Муравьева с веком Екатерины II в России и веком Людовика XIV во Франции⁵. Однако дальневосточные инициативы генерал-губернатора реализовывались не просто. Именно поэтому Муравьев нуждался в поддержке своих инициатив как можно более широких кругов сибирской общественности. Данное обстоятельство заставило Муравьева привлечь к сотрудничеству во вновь издаваемой газете политических ссыльных и представителей демократической интеллигенции. Вопрос об участии политических ссыльных в работе иркутской периодической печати неоднократно рассматривался предшествующими исследователями проблемы [19, с. 171–176]. Муравьев вначале активно поддерживал и либерально-обличительный дух газеты, чему способствовало участие в ее работе самого М. В. Петрашевского. По мере усиления разоблачительного тона издания Муравьев охладел к газете, а в конечном итоге дело кончилось откровенным разрывом [19, с. 171–176]. В этом смысле он был истинным последователем императора Николая I: всякая инициатива может исходить только от власти, а критика власти есть преступление.

---

⁵ О Дальневосточной политике Н. Н. Муравьева Амурского подробнее см.: Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география Власти XIX – начала XX веков. Омск. 2004. С. 121–199.

Я не случайно столь подробно остановился на периоде возникновения и становления подцензурной сибирской прессы, так как типологически советская пресса семи десятилетий XX в. была очень близка модели, избранной в имперской России правящим классом, который был свергнут в 1917 г. классом-гегемоном. Новый правящий класс имел много самоназваний – от диктатуры пролетариата до советов депутатов трудящихся, от большевистской ячейки до ЦК КПСС, он формировался через гражданскую войну, репрессии и трудовой героизм масс, но сохранение цензуры, подчас даже более жесткой, чем при царском режиме, обеспечило преемственность имперской политики в отношении прессы. Несмотря на то, что кадровый отсев и отбор лояльных сотрудников в советской прессе был много жестче, чем в упомянутый выше период, советская пресса, как и имперская, имела возможность актуализировать проблемы. Мы никак не можем отнести партийные и комсомольские газеты Сибири к абсолютным этическим камертонам, но любой исследователь, да и многие очевидцы могут привести сотни и тысячи примеров, когда выступление газеты спасало людей, меняло к лучшему судьбу человека, предприятия, когда были поставлены и решены острее социальные вопросы. Было бы неверным игнорировать и то, что газетные выступления, особенно часто в сталинский период, открывали кампании репрессий и социальных издевательств.

Как и веком ранее, но уже неформально, в советских, в частности сибирских газетах присутствовал, параллельно с нечитабельным официозом, неофициальный раздел, за который не стыдно многим поколениям советских журналистов. Думаю, что и тихие пенсионеры, в прошлом не менее тихие сотрудники Главлита, сохранившие на память резиновый штамп "В печать", иногда рассказывают внукам, как они обеспечивали выход в свет лучших материалов лидеров советской журналистики.

Революционные изменения, разрушившие Советский Союз, но сформировавшие новую Россию в последнее пятнадцатилетие XX в., конституционно ликвидировали цензуру. Пресса, масс-медиа в целом были одним из главных акторов и триумфаторов этих изменений. Как и положено триумфаторам, они же стали их жертвой. Первое десятилетие XXI в. прошло на фоне усталости и недоверия к осмысленным медиа. Законодательство

о СМИ остается качественным и либеральным. Но винегрет позиций и мнений сменила развлекательная жвачка, анализ и синтез вытеснен пропагандой. Государство вновь стало влиять на прессу традиционно неизящно, и, как резонно и публично отметил один из признанных лидеров медиацеха, журналисты самых массовых и электорально-важных СМИ стали вести диалог с чиновниками, как с начальниками своих начальников. Очевидно, что пострадавшей стороной при этом остается гражданское общество, и общество в целом, даже если оно этого не осознает.

Десятилетие заканчивается. Президент России Дмитрий Медведев, выступая с ежегодным обращением к Федеральному собранию, сказал, что органы власти не должны быть владельцами тех активов, которые не относятся непосредственно к их деятельности, и, в частности, СМИ.

Литература

1. Три века. Россия от смуты до нашего времени : исторический сб. / под ред. В. В. Каллаша. – XVIII век. Первая половина. – Т. 3. – М., 1912. – С. 291–296.
2. Ведомости Времен Петра Великого. – Вып 1. 1703–1707. – М., 1903. – С. 1–4.
3. История Сибири. – Т. 3. – Л., 1968. – С. 132., 135 и др.
4. Морозова Н. А. Администрация Западной Сибири и местная пресса (1857–1866 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Морозова. – Новосибирск, 2009.
5. Сибирская советская энциклопедия. – Т. 1. – Новосибирск, 1929. Матханова Н. П. Сотрудничество политических ссыльных и общественных деятелей Восточной Сибири в «Иркутских губернских ведомостях» в 1851–1860 годах / Н. П. Матханова // Ссылка и общественно-политическая жизнь Сибири (XVIII – начало XX вв.). – Новосибирск, 1078. – С. 201–208.
6. Подольская Л. Я. В. И. Вагин – исследователь, публицист, библиофил / Л. Я. Подольская, Ф. М. Полищук. – Иркутск, 2006. – С. 31–40.
7. Иркутские губернские ведомости. – 1857. – № 2.
8. Отечественные записки. – 1857. – Т. 113, № 8. .
9. Литературное наследство. – Т. 63.
10. Иркутские губернские ведомости. – 1859. – № 11.
11. Раевский В. Ф. Сельские сцены / В. Ф. Раевский // Дум высокое стремление. Иркутск, 1975. – С. 109.
12. Иркутские губернские ведомости. – 1859. – № 18.
13. Иркутские губернские ведомости. – 1859. – № 12.
14. Иркутские губернские ведомости. – 1859. – № 50.
15. Литературный сборник. – СПб., 1885.
16. Кубалов В. Г. Герцен и общественность Сибири / В. Г. Кубалов. – Иркутск, 1958.
17. Бакунин М. А. Собр. соч. и писем / М. А. Бакунин. – М., 1935. – Т. 4.

18. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев, Амурский, М. С. Корсаков / Н. П. Матханова. – Новосибирск, 1998. – С. 174–176 и др.

A. V. Gimelshtein

Irkutsk State University, Irkutsk

The Siberian press, common and specific: from the century XIX into the century XXI

The article covers the history of the press in Russia and Siberia. It is stressed that the Siberian official periodicals date back to late 50s of XIX century. They started publishing “Province news” around the same time in all of the four Siberian provinces – Tobolsk, Tomsk, Eniseisk, and Irkutsk provinces. The author considers that local authorities had made significant efforts in press business regulation that preceded the publishing. The first issue of “Irkutsk Province News” was published May, 16, 1857. This was the first periodical in Eastern Siberia. Publishing of the newspaper in the capital of Eastern Siberia – Irkutsk – has become an important event, which attracted attention of advanced democratic community not only in Irkutsk, but in the capital of Russia as well. The topics covered in the newspaper were various and concerned almost every part of life in Siberia. The author of this article pays detailed attention to the time of establishing the Siberian press subject to censorship.

The author states that the revolutions, which destroyed the Soviet Union and formed the new Russia in the last 15 years of the XX century, eliminated censorship legally. The press and the mass media were among the main actors and triumphers of these changes. As it usually happens, the triumphers later became the victims. The first ten years of the XXI century showed distrust and tiredness of meaningful mass media. The laws on mass media remain to be liberal and of high quality. The state again influences the press in its usual disgraceful way. One of the mass media business leaders stated that journalists from the most popular and electorate-influential mass media communicate with officials as if the officials were their big bosses. It is evident that civil society, and society in general, is the sufferer from this situation, even if it does not realize being a sufferer.

Keywords: press, mass media, censorship, civil society, province.

Молодые города Иркутской области как потенциал освоения Восточно-Сибирского региона и ресурс реализации стратегии пространственного развития России

Статья раскрывает особенности формирования и трансформации социально-демографической структуры молодых городов Восточной Сибири на материалах исследований городов Иркутской области. На примере города Усть-Илимска выделяется ряд преимущественных предпосылок использования потенциала молодых городов в качестве ресурса дальнейшего освоения и экономического развития Восточно-Сибирского региона. Автор подчеркивает значимость закрепления в Сибири значительной численности постоянного населения и призывает обратить внимание на приоритеты региональной политики в отношении молодых сибирских городов.

Ключевые слова: регион, город, региональное развитие, пространственное развитие, стратегия, молодые города.

Уникальным ресурсом России являются малоосвоенные и малозаселенные территории – уникальным с экологических, градостроительных, политических позиций и стратегии развития государства. Более 50 % территории страны составляют слабо или вовсе не освоенные пространства [1, с. 11]. До настоящего времени значимы слова М. В. Ломоносова: «Полагаю самым главным делом сохранение и размножение российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» [2]. Грамотное обеспечение наиболее равномерного расселения в пределах страны, дальнейшее освоение и социально-экономическое развитие слабозаселенных регионов – актуальные задачи реализации стратегии пространственного развития России.

Значительная часть малозаселенных ареалов сосредоточена на территории Сибири. Вместе с тем в период масштабной советской индустриализации и градостроительства здесь наблюдались наиболее активные процессы притока населения, сосредотачивалась значительная часть лиц трудоспособного возраста. Новые сибирские города, олицетворяющие собой произведение

архитектурно-технического искусства и мощный производственный потенциал страны, ассоциирующиеся с романтикой таежных далей были окружены вниманием прессы, воспевались в стихах и песнях. Но яркая картина героического прошлого сменилась туманным будущим. Предстоит ли россиянам совершить новый «поход на Сибирь» и есть ли в этом потребность? Каковы потенциальные возможности и перспективы развития молодых сибирских городов? На эти вопросы автор предпринимает попытку ответить в контексте данной статьи.

На момент своих первых походов русские обнаруживали на территории Сибири присутствие людей. Но даже этот факт не позволял считать ее освоенной. Коренные народы (буряты, тунгусы) вели, в основном, кочевой образ жизни. А согласно словарю русского языка В. И. Даля, слово «осваивать» имеет значение «сделать своим, обычным, обиходным» [3]. Следовательно, подлинное освоение Сибири началось со строительства на ее территории различных поселений. Из казачьих зимовьев вырастали остроги, заселяемые промышленными и торговыми людьми. Деревни ставились пашенными крестьянами, которых В. Н. Шерстобоев назвал «истинными завоевателями Сибири» [4]. В XVII в. русские приступили к освоению Ангаро-Илимоленского междуречья. Все речные пути заселялись людьми в деревнях, слободах и опорных острогах – Илимском (1630), Киренском (1630), Брацком (1631), Усть-Кутском (1631), Иркутском (1661).

Решающую роль в урбанизационных процессах Приангарья сыграла индустриализация. Если до 1930-х годов Иркутская область (как и вся Восточная Сибирь) представляла собой типичный полуаграрный регион, с явным преобладанием сельских жителей (79 % в 1926 г.), то в последующие годы здесь наблюдалось резкое возрастание городского населения и уменьшение сельского (15,5 % в 1989 г.).

Высокие темпы увеличения людности наблюдались, прежде всего, в молодых городах Приангарья, о чем свидетельствуют статистические данные (см. таб. 1). Даже областной центр Иркутск уступал по этому показателю новостройкам. Так, если в Иркутске в 1970 г. прирост населения по отношению к 1959 г. составил 123 %, то в складывающихся Ангарске, Братске, Шелехове, Вихоревке соответственно 151 %, 399 %, 229 %, 166 %.

Эта тенденция сохранилась и в межпереписной период 1971–1979 годов.

Долгое время оторванность от центра и суровый климат ставили преграды на пути полноценного хозяйственного освоения Сибири. Планомерное исследование ее природных богатств обозначилось в XX в.. Наличие лесных, минеральных, гидроэнергетических ресурсов явилось важнейшей причиной индустриализации и урбанизации региона, в процессе которых развивались старые и рождались новые города.

В общей совокупности городов СССР, различие которых определялось, в частности, структурно-функциональной типологией [5], новые (молодые) города также представляли собой разнообразные по набору и характеру народнохозяйственных функций поселения. Градообразующими факторами стали не только концентрация промышленности, но и наука, отдых, добыча и переработка сырья и т. д. Молодые города Восточной Сибири выступили преимущественно промышленными и транспортными центрами. Они возникли как места сосредоточия топливно-энергетических и лесопромышленных комплексов, горнодобывающей индустрии, машиностроительных, химических, металлургических и других предприятий, а также как места пересечения транспортных коммуникаций.

В целом, по нашим подсчетам, за период советской индустриализации (за основу мы берем сопоставление межпереписных периодов 1921–1989 годов) преобразовано из сельских пунктов и создано на «чистом месте» 70 % городов СССР. Но не все они попадают в категорию «молодые города». Опираясь на понятие «молодой город», мы подразумеваем особый тип города, основанный на необжитом месте, зрелое население которого представлено первым-вторым поколением коренных жителей, инфраструктура достаточно модернизирована, и возраст самого города не превышает 70 лет. На территории современной России мы насчитали 158 городов, строго подходящих под это определение. Из них большинство – 36 городов (или 23 %) сосредоточены в пределах Сибирского федерального округа (СФО) (см. рис. 1). В Восточно-Сибирском регионе удельный вес молодых городов от всех молодых городов России составляет 18 % (28 городов).

Рис. 1. Распределение молодых городов по федеральным округам РФ

Иркутская область – пример обширной и разнообразной по природным ресурсам, но малоосвоенной территории, которой в послевоенный период стало уделяться особое внимание. Идея широкомасштабного индустриального освоения этого региона высказывалась еще в период строительства Транссиба. Но воплощение ее началось после проведения в 1947 г. Конференции по изучению производительных сил Иркутской области [6], на которой получила свое обоснование целесообразность создания мощного энергопромышленного района на базе гидроэнергии Ангары, черемховских запасов угля, ангаро-илимских железных руд, солей и известняков, богатейших лесных ресурсов.

Индустриализация области породила многочисленные рабочие поселки, из которых 55 стали поселками городского типа и десять получили статус городов. В пределах сложившихся промышленных зон на территории Приангарья появились новые города: Ангарск (1951), Байкальск (1966) и Шелехов (1962) в пределах Иркутско-Черемховской промышленной зоны; Братск (1955), Вихоревка (1966), Железногорск-Илимский (1965) и Усть-Илимск (1973) – в рамках Братско-Усть-Илимского терри-

ториально-производственного комплекса; Саянск (1985) – в рамках Зиминско-Тулунского ТПК.

Стремительные темпы динамики людности новых городов, на которые мы уже указывали ранее, во многом были обусловлены активной миграцией жителей Иркутской области из села в город. Но даже при использовании всех возможностей автоматизации производства и строительства невозможно было рассчитывать лишь на демографический потенциал области. Следовательно, для освоения ресурсов требовалось организовать достаточно массовое переселение профессионально подготовленных, физически здоровых людей из обжитых районов страны, крупных индустриальных центров.

Большую роль в развитии молодых городов сыграл общественный призыв. Непосредственные обращения представителей партийного генералитета к советскому народу и освещение строительства в романтическом духе в центральной периодической печати активизировали процессы миграции жителей СССР в районы Сибири. Причем основные ставки делались на молодежь. Решения XIX и XX съездов КПСС [7] положили начало массовому патриотическому движению молодежи за дальнейшее освоение природных ресурсов восточных районов страны. В числе первых в 1955 г. были объявлены всесоюзными ударными Братская ГЭС и строительство линии электропередачи – ЛЭП-220 Иркутск-Братск. Общественный призыв нашел такой горячий отклик в сердцах молодежи, что каждые два-три месяца по комсомольским путевкам в Братск приезжали до пятисот человек [8]. Комсомольские отряды трудились и на строительстве первенца алюминиевой промышленности Восточной Сибири – Иркутского алюминиевого завода (Шелехов), горно-обогательного комбината (Железногорск-Илимский), Байкальского ЦБК, Саянского химкомбината, железнодорожных веток «Тайшет – Абакан», «Хребтовая – Усть-Илимск».

Усть-Илимск вошел в историю как город трех ударных комсомольскихстроек – строительство гидроэлектростанции, лесопромышленного комплекса и самого города. В связи с этим, доля прибывших по призыву ВЛКСМ была здесь особенно велика. Согласно исследованиям Г. Ф. Куцева, 40,5 % респондентов прибыли в город по комсомольским путевкам [9, с. 40]. В самые пиковые годы на усть-илимских объектах трудились 45 комсомольско-молодежных бригад. По комсомольской путевке на

трех стройках работали 437 тыс. человек. Примерно для 60 % из них Илимская земля стала новой родиной. Ярким явлением в истории Усть-Илимска стало участие в строительстве ЛПК международных отрядов из Болгарии, Венгрии, Германии, Польши, Румынии. Решением XXX сессии Совета экономической взаимопомощи строительство целлюлозного завода было объявлено стройкой СЭВ.

Важной особенностью формирования новых городов, особенно на первом этапе, было непостоянство населения, вызванное значительным уровнем обратной миграции и высоким коэффициентом текучести рабочей силы. Тяжелые условия труда и быта нередко отталкивали первостроителей от желания обосноваться на новом месте. Но в целом сальдо миграции было положительным, и именно миграционные процессы сыграли определяющую роль в динамике людности новых городов Иркутской области. Так, число жителей города Усть-Илимска с 1976 по 1980 гг. увеличилось на 29,8 тыс. человек. Из них только 6,6 тыс. пришлось на естественный прирост, а 23,2 тыс. – на механический (см. таб. 2). Наблюдающийся на протяжении длительного времени естественный прирост населения и миграционные процессы определили стабильный рост молодых городов.

Значимую роль в судьбе молодых сибирских городов сыграла заинтересованность государства. Их возникновение и развитие позволяло решать ряд экономических и политических задач. Советский Союз вошел в историю человечества как страна феноменальных темпов индустриализации и урбанизации. За 40 лет страна по уровню индустриализации стала второй державой, после США. Значительную долю в общем объеме ее промышленного производства занимали показатели новых городов. Также одной из социально-политических предпосылок их возникновения явилось стремление СССР к завоеванию статуса высоко урбанизированного государства. С 1926 по 1989 гг. было создано более 2000 новых городов и поселков городского типа, а также 1700 сел, станиц, аулов и деревень преобразовано в городские поселения [1, с. 58]. Самые высокие показатели были в тех регионах, где интенсивное освоение природных ресурсов сопровождалось строительством новых городов. Так, доля городского населения Иркутской области за 1921–1989 гг. возросла в 12,25 раз, составив в 1989 г. 80,5 %. Наряду с этим, новые города являлись важным звеном в решении и других экономи-

ческих и политических задач. Во-первых, использование избыточного населения в трудоспособном возрасте из южных районов страны для освоения природных ресурсов восточных регионов выступало эффективным вариантом развития народнохозяйственного комплекса, позволяющим рационально обеспечивать народное хозяйство сырьем, топливом, древесиной и т. п. Во-вторых, города – всесоюзные стройки встраивались в систему перераспределения трудовых ресурсов по всей территории СССР. Это, в свою очередь, не только обеспечивало увеличение плотности населения в Сибири, но и в какой-то мере содействовало сплочению народов союзных республик.

В своей истории Россия пережила не одну волну реструктурирования социального пространства, когда менялись государственное устройство и ориентиры экономического развития, а вместе с ними менялись и ценностные установки россиян, их качество жизни. В 1990-е гг. страна вступила в эпоху «строительства» новой России в новом геополитическом и социально-экономическом пространстве. В условиях подобных государственных преобразований всегда уместно говорить о серьезных социальных изменениях. Так, распад Союза привел к грандиозной реорганизации мирохозяйственных связей. Значительные изменения претерпела и система взаимосвязей внутри Российской Федерации. Особенно остро социальные проблемы обозначились на территориях, экономика которых ранее была ориентирована на экстенсивное освоение природных ресурсов.

Успехи или неудачи социально-экономического развития общества как в зеркале отражаются в показателях социально-демографической статистики. До начала реформ Сибирь являлась весьма динамично развивающимся регионом. Но в переходный период в регионе обозначилась демографическая ситуация, классифицирующаяся как кризисная. Вектор сокращения численности населения имел четкую направленность с запада на восток: чем ближе территория к восточным рубежам страны, тем интенсивнее сокращалось население. В пределах Восточной Сибири заметно оно сократилось в Иркутской области. Не только снизились, но и получили обратное направление темпы прежнего роста людности молодых городов Приангарья (см. табл. 3). Так, генеральным планом города Усть-Илимска были предусмотрены резервные территории, на которых город может развиваться и обеспечить жильем 351–400 тыс. человек. Но,

достигнув своего пика в 1992 г. (114,6 тыс.), численность населения сократилась к 2010 г. до 96,3 тыс. человек [10].

Важно уточнить, что в основании причин сокращения людности молодых городов лежат показатели не естественного воспроизводства населения, а миграционные процессы, характеризующиеся оттоком жителей. В частности, изучение статистических данных позволяет говорить о том, что в Усть-Илимске лишь единожды (2005 г.) был зафиксирован факт естественной убыли. При этом ежегодно город теряет порядка 701–800 человек. Основная причина миграции – снижение уровня экономической активности населения. Показатель регистрируемой безработицы колеблется на среднеобластном уровне (2,9 %). Падение уровня жизни обусловлено, в частности, низким среднемесячным размером заработной платы, что неприемлемо в пределах местности, приравненной к Крайнему Северу. Как следствие – вынужденная миграция жителей в другие более благополучные районы и регионы в поисках работы. Особое беспокойство вызывает тот факт, что более половины уезжающих приходится на людей с высшим и средним специальным образованием, около 15 % – на детей, более 70 % – на лиц трудоспособного возраста. Подобные тенденции наблюдаются и в целом в Приангарье и Восточной Сибири.

Как следствие, встает вопрос – расценивать указанные тенденции как закономерный и неизбежный процесс или как действительность, которую можно и нужно изменить?

Необходимо подчеркнуть, что само по себе прогнозируемое снижение численности населения – не катастрофа. Катастрофа заключается в том, что ежегодные потери России от неэффективной пространственной организации оцениваются в 2,21–3,0 % ВВП в год. Разрыв в социально-экономической ситуации становится основным социальным противоречием, порождающим политические конфликты [11]. Немаловажен и тот аспект, что заселенность сибирской территории, закрепление на ней значительной численности постоянного населения представляется важной задачей в геополитическом отношении.

Согласно результатам всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ в 2009 г., большинство россиян считают, что в Сибири и на Дальнем Востоке должны быть созданы все условия для постоянной, а не сезонной жизни (70 %). Россияне полагают, что восточные регионы должны развиваться при поддержке со

стороны федерального центра, а не самостоятельно (67 %). Почти каждый второй опрошенный (46 % россиян) при определенных условиях (наличии достойной заработной платы и жилья) готов здесь поработать [12]. Результаты исследования указывают на то, что жители России выступают за очередной «поход на Сибирь» и готовы принять участие в продолжении освоения труднодоступных, расположенных в жестких климатических условиях районов. Возможно ли, в таком случае, рассматривать молодые города как потенциал освоения Восточно-Сибирского региона и ресурс реализации стратегии пространственного развития России? На наш взгляд, возможно и даже необходимо. Во-первых, сами молодые сибирские города нуждаются в реабилитации и дальнейшем развитии. Во-вторых, в их основании заложен неисчерпаемый потенциал, обусловленный предпосылками возникновения, формирования и развития новых городов на первоначальном этапе их создания. Обозначим три основных преимущественных позиции молодых городов на примере Иркутской области.

1. Территория и ресурсы.

Производственные предпосылки определили потребность в освоении экономически неразвитых районов Сибири, сосредотачивающих значительное и разнообразное число ресурсов. Территория с уникальным природным потенциалом до настоящего времени остается объективной основой экономического роста страны. Западная Сибирь позиционируется, прежде всего, как нефтегазоносный район, Восточная Сибирь – как район, лидирующий по запасам древесины и богатствам гидроэнергетических ресурсов. Одним из главных лесных регионов страны по праву считается Иркутская область (92 % территории покрыто лесами, запасы леса составляют более 9 млрд. м³). В лесопромышленном комплексе области действуют свыше 1,5 предприятий с численностью работающих, составляющей 33,5 % от общей численности занятых в промышленном комплексе региона [13]. При этом 70 % всей продукции лесного комплекса Приангарья производят градообразующие предприятия молодых городов – Байкальска, Братска и Усть-Илимска.

В частности, экономика Усть-Илимска находится в высокой степени зависимости от деятельности филиала ОАО «Группа «Илим» в городе Усть-Илимске, который формирует более 60 % объемов производства города. Предприятие обеспечивает заня-

тость более 50 % работающего населения. Монопрофильный характер негативно отражается на уровне и качестве жизни населения города и обуславливает проявление целого ряда проблем. Их устранение возможно через реализацию конкретных мер по выявлению и использованию имеющихся у города резервов посредством применения программно-целевого подхода. Так, в целях диверсификации экономики был разработан Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Усть-Илимск на 2011–2014 гг. Мероприятия Плана включают в себя развитие местной промышленности, поддержку малого и среднего бизнеса. В ключе кластерной политики рассматриваются инвестиционные проекты по созданию производств, основанных как на дальнейшем освоении лесных ресурсов, так и на разработке месторождений полезных ископаемых – каменного угля, железных руд, полудрагоценных камней. В числе перспективных бизнес-проектов рассматриваются строительство рыбозаводного завода, производство топочного мазута из автошин и пластмасс и другие [14]. Реализация плановых мероприятий позволит диверсифицировать экономику города, обеспечить устойчивость городского бюджета, создать необходимую инфраструктуру для комфортной жизнедеятельности, что будет способствовать закреплению населения в городе, а в целом позволит к 2015 г. вывести Усть-Илимск на устойчивый тренд развития.

2. Компактность и развитая инфраструктура.

Географические (территориальные) предпосылки определили потребность в освоении огромных необжитых пространств России. В. И. Ленин писал: «Новая система расселения отличается уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира..., так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах» [15]. Согласно П. Мерлену, практически все новые города, созданные в 1951–80-е гг., были предназначены либо обеспечивать полноценное развитие вновь осваиваемых территорий, либо служить целям разгрузки крупных городских агломераций, в том числе СССР [16]. Таким образом решалась задача рационального рассредоточения населения огромной страны по всей ее территории, и на наш взгляд, решалась довольно грамотно.

Кроме того, весьма продолжительное время в народнохозяйственном планировании и градостроительном проектировании Советского Союза господствовала концепция ограничения

роста крупных и опережающего роста малых и средних городов. Исследование распределения молодых городов Восточной Сибири и в частности Иркутской области по численности населения наглядно указывает на то, что данные города преимущественно представлены малыми (до 50 тыс. человек) и средними (51–100 тыс. человек) городами. Небольшому городу как форме расселения людей свойственны такие положительные черты как: неотделенность жителей от природы, расположение основных объектов общего пользования в пределах пешеходной доступности, достаточно высокий уровень санитарно-гигиенических условий, менее напряженный ритм жизни по сравнению большими городами.

Компактность молодых сибирских городов, их удобная планировка, достаточно развитая и осовремененная инфраструктура – это серьезная подготовленная платформа для дальнейшего освоения региона.

3. Человеческий потенциал.

Социальные предпосылки возведения новых городов определили положительные демографические тенденции, физиологические и психологические особенности новоселов. Преобладание лиц трудоспособного возраста обеспечило высокие показатели уровня брачности, рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни и, следовательно, естественного прироста. Конкурсный отбор при высокой конкуренции предопределил прибытие на сибирские стройки «лучших представителей общества»; партийное членство гарантировало относительное благополучие социальной среды молодых городов. На начальных этапах строительства здесь был особенно характерен дух солидарности, сплоченности, единства в достижении большой цели [17]. Здесь быстро формировалась гражданская зрелость человека, его способность нести в полной мере ответственность за свои поступки. Благодаря преимущественно молодому, стремящемуся к изменению социального статуса населению, с повышенным ритмом общественной жизни и оптимистичным мировосприятием, в новых городах сформировался особый менталитет жителей. Ряд характерных черт социальной среды был обусловлен многонациональным составом первостроителей. Так, в возведении Братской и Усть-Илимской ГЭС принимали участие более 50 национальностей. Полиэтничность и интернациональность определили быстрый процесс этнической консо-

лидации жителей новых городов, восприимчивость, открытость и богатство культурной среды.

Важно отметить тот факт, что редкостным образом сформированное в молодых сибирских городах население «не потерялось» в период кризисных трансформаций, не поддавалось искушению саморазрушения в условиях осуждения той эпохи, в которую она рождалась. И вступив уже во второе десятилетие XXI в., первые и последующие поколения горожан характеризуются той независимостью в оценках и определении личных и общественных приоритетов, которые приобретались в условиях периферийного размещения стройки; обладанием огромного творческого потенциала, проявлением высокого уровня общественной активности, стремлением к новшествам; небезразличным отношением к социальным проблемам современного общества и к проблемам города в частности; отсутствием социальной напряженности в межнациональных и межконфессиональных отношениях. Даже поколение детей, рожденных в Усть-Илимске после 1990-го г., по признанию других городов и регионов, отличается всеми теми качествами, которые закладывались в 1961–80-е гг.: в положительном смысле независимым характером, повышенным уровнем общественно-политической активности, инновационным и творческим мышлением, стремлением к совершенству и т. д.

Ресурсный потенциал территорий размещения молодых городов, деятельность их градообразующих предприятий и разработка инвестиционных проектов по внедрению новых производств, сложившаяся инфраструктура и сформированное население – все это позволяет рассматривать молодые города Иркутской области в качестве ресурса освоения Восточно-Сибирского региона и реализации стратегии пространственного развития России. Но для того чтобы обеспечить сохранение основных резервов молодых городов, заключающихся не столько в технической обеспеченности, сколько в активизации человеческого фактора, необходимо разработать обоснованную, сориентированную на особенности территории социальную политику. По оценкам ученых и специалистов, именно грамотная социальная политика обеспечила решение проблемы текучести кадров советских новостроек. В середине 1980-х гг. внимание зарубежных ученых было обращено к советскому опыту освоения северных регионов, особенно к системе социально-экономических льгот [9, с. 143].

Уместно привести вновь актуальные слова М. С. Горбачева о приоритетах освоения восточных территорий: «В эти края мы пришли всерьез и навсегда. Значит, людям должны быть созданы и соответствующие условия. Ослабление заботы о человеке неминуемо приводит к большим потерям» [18]. В связи с этим, важно обратить особое внимание на приоритеты региональной демографической политики, грамотное выстраивание которой должно базироваться как на общепринятых мерах (разработка мер по снижению смертности от внешних причин, преодоление высокого уровня заболеваемости и смертности по так называемым социальным видам заболеваемости, разработка мер по улучшению репродуктивного здоровья населения, рациональное питание, пропаганда здорового образа жизни и т. п.), так и на создании экономического базиса, включающего рост благосостояния и социального благополучия населения; интенсивное наращивание всего комплекса социально-бытовых и культурных услуг (особенно связанных с развитием сферы здравоохранения и социального обеспечения); улучшение жилищных и других условий населения Восточной Сибири и ее молодых городов.

Таблица 1

Численность населения городов Иркутской области

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	%	
				1970 г. к 1959 г.	1979 г. к 1970 г.
Старые города					
<i>Иркутск</i>	365 893	450 941	549 787	123	122
Алзатай	13 060	10 630	9 270	81	87
Зима	38 549	41 567	48 097	108	116
Слюдянка	21 388	20 639	19 804	96	96
Тайшет	33 499	34 232	38 249	102	112
Усть-Кут	21 343	33 197	49 647	156	150
Усолье-Сибирское	48 494	86 747	103 036	179	119
Черемхово	121 714	98 667	76 696	81	78
Новые города					
Ангарск	134 863	203 310	240 410	151	118
Братск	43 265	155 362	215 193	359	139
Шелехов	13 044	29 889	41 280	229	138
Железногорск-Илимский	1 983	22 179	29 302	1119 (в 11 раз)	132
Вихоревка	10 781	17 901	20 502	166	115
Байкальск	-	13 319	15 496	-	116
Усть-Илимск	-	15 850	68 641	-	433

* Таблица составлена по данным: Сборник по материалам первой очереди разработки итогов переписи населения 1970 г. – Иркутск, 1971; Население Иркутской области. По данным всесоюзной переписи населения 1979 г. – Иркутск, 1980.

Таблица 2

**Демографическая ситуация в городе Усть-Илимске в 1971–
1989 гг., тыс. чел.**

	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1985	1987	1989
Численность населения	45,8	53,1	60,6	68,6 ₁	75,6	81,6	86,6	89,9	97,3	104,6	109,0
Естественный прирост	1,5	1,7	1,7	1,8	2,1	2,1	2,1	1,9	1,8	2,0	1,4
Механический прирост	6,1	5,9	6,3	5,3	4,0	3,4	1,6	1,5	1,9	0,7	0,6

* Таблица составлена по данным Отдела статистики города Усть-Илимска.

Таблица 3

**Численность населения молодых городов
Иркутской области**

Города	Численность населения, тыс. человек									
	1959	1967	1970	1979	1989	1992	1998	2002	2008	2009
Ангарск	134,9	183,0	203,3	238,8	265,8	268,8	267,0	247,1	242,5	241,5
Байкальск	-	-	13,3	15,5	16,4	16,7	17,2	15,7	15,0	14,7
Братск	43,3	122,0	155,4	213,7	255,7	259,3	253,6	259,3	252,0	251,0
Вихоревка	10,8	16,0	17,9	20,5	23,9	24,5	24,6	24,8	24,6	24,5
Железно-горск-Илимский	1,9	17,0	22,2	29,1	32,3	32,8	33,2	29,0	26,6	26,3
Саянск	-	-	-	8,5	38,2	45,3	46,7	43,5	44,0	43,8
Усть-Илимск	0,5	1,3	15,8	68,6	109,3	114,6	108,3	100,6	98,0	97,1
Шелехов	13,0	27,0	29,9	40,6	47,7	49,3	53,4	47,5	49,2	49,6

* Таблица составлена по данным: Сборник по материалам первой очереди разработки итогов переписи населения 1970 г. – Иркутск, 1971; Население Иркутской области. По данным всесоюзной переписи населения 1979 г. – Иркутск, 1980; Российский статистический ежегодник. 2001. – М., 2001; Регионы России : стат. сб. В 2 т. Т. 2. – М., 2001; Возрастно-половой состав и состояние в браке по Иркутской области, включая Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.). Ч. 1. Возрастно-половой состав населения : стат. сб. – Иркутск, 2004; Российский статистический ежегодник. 2009 : стат. сб. / Росстат. – М., 2009; Муниципальные образования Иркутской области в 2008 г. : экономико-стат. сб. Ч. 1. – Иркутск, 2009; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2009 : стат. сб. – М., 2009.

Литература

1. Лола А. М. Основы градovedения и теории города (в российской интерпретации) / А. М. Лола. – М., 2005. – С. 11, 58.
2. Игнатъев С. Д. Афоризмы (мысли и изречения разных времен и народов) / С. Д. Игнатъев. – Улан-Удэ, 1972. – С. 176.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка // Избр. Статьи : в 6 т. / В. И. Даль. – Т. 4 : О–П. – М., 2007. – С. 48.
4. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня / В. Н. Шерстобоев. – Иркутск, 1949. – Т. 1. – С. 23.
5. Малый город (Социально-демографическое исследование небольшого города) / под ред. Б. С. Хорева. – М., 1972. – С. 23.
6. Конференция по изучению производительных сил Иркутской области. Тезисы докладов / под ред. Я. Я. Бардина. – М. – Л., 1947.
7. Материалы XIX съезда КПСС. – М., 1951; Материалы XX съезда КПСС. – М., 1956.
8. Волков Н. Трудом велик и славен человек // Вост.-Сиб. правда. – 2000. – 29 апр.
9. Куцев Г. Ф. Новые города: социологический очерк на материалах Сибири / Г. Ф. Куцев. – М., 1982. – С. 40, 143.
10. Большакова А. А. Молодые города Иркутской области на фоне общих демографических процессов в Сибирском регионе // Вестн. Бурят. гос. унта. Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2009. – Вып. 14. – С. 201–212.
11. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minregion.ru/WorkItems/DocItem.aspx>, свободный.
12. Последний поход на север, или как нам освоить Сибирь и Дальний Восток? / Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1347 от 23 окт. 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0395/opro03.php>, свободный.
13. ЛПК Иркутской области: пять лет устойчивого роста / Официальный сайт Министерства промышленности и торговли РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minprom.gov.ru/activity/wood/news/>, свободный.
14. Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Усть-Илимск на 2011–2014 годы. Одобрен Распоряжением Правительства Иркут. обл. от 18 окт. 2010 г. № 241-рп. / Официальный сайт муниципального образования город Усть-Илимск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ust-ilimsk.ru>, свободный.
15. Ленин В. И. Полное собр. соч. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М., 1970. – Т. 26. – С. 74.
16. Мерлен П. Новые города / П. Мерлен. – М., 1975. – С. 15.
17. Салахова Л. М. Культура молодых индустриальных городов Восточной Сибири середины 1951–1980-х гг.: опыт Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса : дис. ... канд. ист. наук / Л. М. Салахова. – Иркутск, 2003. – С. 82.
18. Горбачев М. С. Сибири – ускоренный шаг / М. С. Горбачев. – М., 1985. – С. 17.

A. A. Bolshakova

Buryatia State University,
Administration of the town of Ust-Ilimsk,
Ust-Ilimsk

Young towns of Irkutsk region as development potential of Eastern Siberia and a resource of Russia space development strategy implementation

The article discloses the features of formation and transformation of the socio-demographic structure of Eastern Siberia young towns on the material of researches of Irkutsk region towns. Using the town of Ust-Ilimsk as an example, a number of primary preconditions is allocated of use of young towns' potential as a resource for further development and economic development of Eastern-Siberian region. The author underlines the importance of consolidating a considerable number of resident population in Siberia and draws attention to the priorities of a regional policy concerning young Siberian towns.

Keywords: region, city, regional development, territorial development, strategy, young cities.

Раздел 2

**Приоритеты в модернизации
российских городов и иркутский опыт
конструирования стратегий
городского развития**

Part 2

**Priorities in modernization
of Russian cities and Irkutsk experience
of municipal development
strategies construction**

Город как социальная лаборатория: от классики к современности

В работе рассмотрены проблемы формирования городского образа жизни, позволившие говорить о городе как социальной лаборатории «человеческой природы» в начале XX и начале XXI веков. Осуществлен социологический анализ проблемы рассогласования уровня и качества жизни белорусского общества применительно к ситуации «город–село» на базе эмпирического исследования (ноябрь–декабрь 2009). Обосновано, что проблема рассогласования уровня и качества жизни, существующая в белорусском обществе, воспроизводится в большей мере за счет ориентации граждан на поддержание достигнутого уровня жизни в меньшей – за счет актуализации ими социальных инноваций и потребления инновационных видов услуг.

Ключевые слова: город, модернизация, социальная лаборатория, социальные инновации.

Город – исторически сложившаяся, территориально локализованная форма организации жизнедеятельности общества, в основе функционирования которой лежит механизм городского устройства, выражающий способ взаимосвязи подсистем, составляющих социально-пространственную структуру города: его социальной инфраструктуры, социальной морфологии, социальной стратификации городского населения, городской культуры, городского образа жизни и др. Специфика взаимодействия этих подсистем выступает фактором, определяющим состояние экологии города. Для города характерны: концентрация большого числа людей, значительная плотность населения на относительно ограниченной территории, высокая степень разнообразия и интеграции человеческой деятельности. В условиях глобальной ограниченности материальных и энергетических ресурсов город выступает основной социально-пространственной формой существования общества, которая отличается высокой степенью организации среды жизнедеятельности, большим разнообразием форм и видов деятельности населения, динамизмом социального развития, архитектурным разнообразием, значительной автономностью и относительно законченной социальной структурой, почти адекватной структуре общества

(государства). В круг проблем, изучаемых социологией города, традиционно входят: определение места и роли города в обществе; выявление факторов создания и развития городов; изучение подсистем механизма городского устройства и взаимосвязей между ними; определение причин и социальных последствий миграции городского населения; построение типологии.

Среди проблем, решаемых в рамках социологии города, в настоящее время, как и в прошлом, наиболее актуальна проблема городской экологии. Бурно разворачивающийся процесс *урбанизации* породил острое противоречие между стремительным ростом городов, потребляющих ресурсы из окружающей среды, и возможностями природной среды восполнять эти ресурсы. Не менее острой проблемой является проблема социальной экологии города. Тотальное распространение городского образа жизни на все общество, помимо связанных с этим процессом позитивных моментов, зачастую опережает психологическую готовность людей к непосредственному погружению в далеко еще не совершенное, бесконечно разнообразное и поразительно «плотное» *городское культурное пространство*. Следствием этого является высокий уровень подсознательной (а иногда, и сознательной) агрессии, различные виды деструктивного, девиантного поведения и т. д. Разрешение этих противоречий – одно из непереносимых условий дальнейшего развития общества.

Таким образом, возникновение и развитие социальной инфраструктуры города – объективный социально-экономический процесс, протекающий в русле развития общего механизма городского устройства. В контексте индустриального развития общества социальная инфраструктура города является, с одной стороны, системой, развитие которой детерминировано производственной инфраструктурой города (призванной обеспечить производство необходимыми ресурсами в больших объемах, чем их воспроизводится на данной территории естественным образом), а с другой стороны, на нее возлагаются функции, способствующие развитию последней (напр., функция привлечения рабочей силы в тот или иной район). При переходе от индустриального к постиндустриальному обществу самостоятельное значение социальной инфраструктуры города возрастает, а организация её оптимального функционирования становится одной из главных задач городского планирования социального развития.

Роль Чикагской школы в создании социологии города.

Наиболее известной из всех социологических теорий городского развития, получивших институциональное закрепление, является «Чикагская экологическая школа». Не случайно деятельность выдающихся социологов – представителей этой школы Р. Парка, Э. Берджесса, Л. Вирта – связана с США и Чикаго начала и середины XX в. В это время Чикаго, как и много других американских городов, переживал бурный рост индустрии, приток иммигрантов из Старого Света и массивный приток населения из сел и малых городов Америки. За 50 лет с 1850 по 1900 гг. население этого города практически удваивалось, а в отдельные периоды и утраивалось, каждые десять лет, достигнув к двадцатым годам XX в. двух миллионов семисот тысяч человек. Этому городу был присущ весь спектр проблем быстрорастущих городов: перенаселенность, бездомность, высокий уровень девиаций и т. д. Однако едва ли не решающую роль в появлении школы все-таки сыграло наличие в Чикаго одного из крупнейших университетов, на факультете социологии и антропологии которого были сосредоточены ученые, заинтересованные городской проблематикой.

Основателем и лидером «Чикагской экологической школы» на этапе ее расцвета (1914–1934) явился американский социолог Роберт Эзра Парк (1864–1944), организовавший первый в США Центр городских исследований. Вклад Парка в социологию состоял в развитии уникального направления, названного экологией человека, в котором соединились его представления о связях между территориальным сообществом и экологической средой его обитания, основанные на аналогиях из биологии. Общество понималось им как организм, проходящий в своем развитии четыре стадии: экологическую (пространственное, физическое взаимодействие), экономическую, политическую и культурную. По мере продвижения к культурному порядку, усиливаются социальные связи, ограничивается свобода конкуренции, сдерживается биотическая стихия и общество достигает оптимальной «соревновательной кооперации» и «согласия». Здесь вступает в силу формула «общество как взаимодействие». Таким образом, Р. Парк в основу своей теории заложил различия двух групп факторов, влияющих на городскую экологию: биотических и культурных.

Биотический уровень – уровень базисных потребностей человека, таких как потребность в воде и других ресурсах. Эти факторы определяют размер населения в месте проживания (ареале расселения). Борьба за существование и обладание ресурсами определяют законы этого уровня. Таким образом, борьба с необходимостью вовлекает в себя разные социальные группы, вынужденные сосуществовать, что приводит к симбиозу элементов человеческого общества. Термин **«природные ареалы»** был использован в анализе появления трущоб, богатых пригородов, кварталов доходных домов, потому что все это – результат стихийных сил биотического уровня. Эти естественные ареалы – результат борьбы за существование различных «видов» (групп населения) за обеспечение их жильем и услугами.

Культурный уровень выстраивается над биотическим и базируется на обычаях, нормах, законах и институтах. Все это создает уникальные черты человеческого общества. На примере расселения рабочих, Парк доказывает, что ареал их расселения определяется потребностями биотического уровня, зависит от их возможности платить за жилье и транспорт для проезда на работу. А уже на основе устойчивого ареала происходит формирование элементов культурного уровня – школ, церквей и других институтов. Рассматривая данный процесс в динамике, Парк указывает на существование множественных «миров» (различных частей города, заселенных социально, этнически или религиозно однородными группами) в рамках одного города. Сосуществование этих миров ведет к «вторжению» (invasion) одного мира на территорию другого, различные миры «перекрывают» структуру города, «вытесняют» одних с территории, занятой другими.

В работе «Город: предложения по изучению человеческого поведения в городском окружении» [1], Парк формулирует исследовательскую программу для городских экологов на десятилетия вперед. Среди вопросов, представленных в программе, были следующие: «Каковы источники городского населения?» «Что такое городские естественные ареалы расселения?» «Какие социальные ритуалы приняты среди различных соседей – какие действия должны совершать новички, чтобы полностью интегрироваться и избежать вытеснения в этом ареале?» «Кто является местными лидерами и в чем причина их влияния на сообщество?» и многие другие. Часть вопросов имели достаточно про-

стые ответы, но в то время отсутствовали систематические знания о большинстве этнических городских групп, равно как и о социальных процессах и процессах управления городом. И потому любое систематизированное знание, подтвержденное эмпирически, играло особенно важную роль. Работа Р. Э. Парка особо значима потому, что ему впервые удалось преодолеть «философствование» и «теоретизирование» о городе и проверить свою теорию в реальном мире, в «полевых исследованиях».

В работе «Город как социальная лаборатория» [2] раскрываются взгляды Парка на город как социальную среду, в которой формируется новая городская культура и городской образ жизни человека. Социальные проблемы в основе своей он рассматривает как проблемы города, ибо город и городская среда представляют собой последовательную и в целом успешную попытку человека преобразовать мир в соответствии со своими желаниями. Городское сообщество всегда было «плавильным котлом» рас и культур, регионом возникновения новых институтов по мере упадка и исчезновения старых. Город всегда был неиссякаемым источником материала для изучения человеческой природы, поскольку он всегда был источником и средоточием социальных изменений. Один из главных фактов, который делает город предпочтительным местом для исследования социальной жизни и придает ему качество социальной лаборатории, – то, что в городе любое качество человеческой природы не только наглядно проявляется, но и усиливается. Город, согласно Парку, усиливает, простирает и выставляет напоказ человеческую природу во всех ее разнообразных проявлениях. Именно это делает его наилучшим из всех мест для раскрытия потаенных человеческих сил и изучения человеческой природы и общества.

Ученику Роберта Парка, американскому социологу Эрнсту Берджессу (1886–1966) удалось создать прикладной вариант социально-экологической теории для исследований города – графическое приложение экологического подхода к городам – теорию концентрических городских зон [3]. В рамках программы по изучению локальных сообществ Чикаго и на основе социально-экологической теории он выдвинул гипотезу «концентрических зон». Зональная гипотеза описывает механизм формирования социально неоднородных районов в процессе роста города и так называемых «локальных сообществ». Основным методом

определения «зон» явилось картографирование. На основании разработанной им «Карты социальных исследований города Чикаго» (1923–1924) было выделено 75 «естественных зон» и более трех тысяч локальных сообществ, которые затем исследовались методами включенного наблюдения, интервью анализа документов. Значительную роль в проверке зональной гипотезы отводилась данным переписи населения. Проведенная Берджесом на основании переписей 1930 и 1934 гг. классификация районов Чикаго сохраняет свое практическое значение до сих пор.

В рамках Чикагской экологической школы работал еще один ученик Роберта Парка – всемирно известный социолог Луис Вирт (1897–1952). В конце 1930-х гг., проводя исследования в рамках городской социологии, он выдвинул понятие городского образа жизни. В своей концепции он связал воедино характеристики пространственной и социальной организации крупного города (большая численность, высокая концентрация, социальная неоднородность населения) с характеристиками особого городского типа личности, который формируется в этих условиях. Противопоставляя городской образ жизни традиционному укладу сельской общины, он считал, что общение горожан носит поверхностный, формальный, анонимный характер. Личные связи в городской среде распадаются, социальная сплоченность и социальный контроль ослабевают, что приводит к социальной дезорганизации, с одной стороны, и сегментации личности – с другой. В 1938 г. им была опубликована одна из наиболее известных в социологии работ «Урбанизм, как путь (образ) жизни» [4] в которой он рассматривает психологические и поведенческие следствия жизни людей в городах.

Вирт выделяет три основные характеристики города: размер населения, плотность и разнородность населения и следствия, к которым они приводят.

Так, следствием огромного размера города становится превращение его в мозаику «социальных миров», в котором ослабляются узы дружбы, родства. Институты СМИ, полиция, бюрократия и т. д. призваны осуществлять механизмы социального контроля в индустриальном обществе. Несмотря на большой объем контактов, люди в городе знают не большее количество людей, чем деревенские жители, нарастает формализация контактов.

Следствием повышения плотности проживания населения является повышение числа воздействий на человека, увеличение контактов с незнакомцами, возрастание типов движения и появление сложных технологий в городе.

Следствием гетерогенности населения города является повышенная социальная вертикальная мобильность. Для горожан большое значение имеют их индивидуальные интересы в процессах социальной мобильности в отличие от традиционного общества, в котором место размещения в иерархии определялось семьей. Лишь новые городские институты позволяют сохранить социальный порядок в городе с меняющейся социальной иерархией.

Таким образом, в работе Вирта обосновывается важность вторичных культурных факторов и социальных институтов и то, что различного рода социальные потрясения происходят из-за сдвигов в размерах, плотности и гетерогенности населения городов. Взгляды Л. Вирта были подвергнуты критике за кажущуюся универсальность. Например, размер населения и гетерогенность не увеличивают число социальных отклонений и психологических стрессов в городах юго-восточной Азии. Однако главное содержание критики Вирта сосредоточено вокруг того, что «городской образ жизни» на самом деле является индустриальным и урбанизация – не причина городской жизни, а ее эффект.

Из-под пера авторов Чикагской школы вышла серия работ, посвященных реальному миру Чикаго: Н. Андерсен «Хобо» (1923); Ф. Траммер «Банза» (1927); Л. Вирт «Гетто» (1928); К. Шоу «Ареалы отклоняющегося поведения» (1929) и др. Даже в этом неполном перечне можно увидеть широту и разнообразие тем исследований авторов Чикагской школы. Критики экологических подходов к изучению города концентрировались, главным образом, вокруг несогласия с выбором Чикаго в качестве «типичного города» для социологического анализа. Например, концентрические зоны не были обнаружены в Сиэтле. Кроме того, сложности вызывало деление оснований расселения на биотический и культурный уровни, так как многие биотические основания можно было с полным основанием назвать и культурными.

Итак, социологи экологической школы видели в городе естественную социальную лабораторию, в которой посредством

эмпирических методов возможно изучать «человеческую природу» и содержание общественной жизни. Задачи школы концентрировали внимание на двух направлениях: создании генеральной теории общества и проведении интенсивных конкретных исследований, описывающих в деталях различные социальные процессы, происходящие в городе, во взаимосвязи с их пространственными характеристиками. Городская общность рассматривалась в виде сложной мозаики разных социальных групп, каждая из которых претендовала на определенную территориальную зону. Пространственная организация города была представлена в виде концентрических зон, каждая из которых принадлежала особой социальной группе. Изменение в соотношении сил между группами приводило к очередному переделу городской территории. Основным предмет изучения составляли миграционные процессы, межэтнические отношения и явления социальной дезорганизации общества. Методы городской социологии – сбор статистической информации, картографирование, интервью и включенное наблюдение. В настоящее время пространственный анализ города применяется для изучения социальной сегрегации различных общественных слоев и этнических групп в городах Западной Европы и США. Теоретические подходы и верификация выдвинутых гипотез в эмпирических исследованиях представляют основательный фундамент для выявления и анализа социальных проблем формирования городского образа жизни, решаемых посредством городского планирования социального развития города.

Городской образ жизни мы рассматриваем как исторически сложившуюся социокультурную подсистему механизма городского устройства, основная функция которой состоит в организации процесса жизнедеятельности социальных субъектов в условиях специфической социопропространственной реальности города. Наряду с индивидами, субъектами городского образа жизни выступают демографические, образовательные, профессиональные и другие группы. Особенности образа жизни этих групп являются следствием разных условий жизнедеятельности людей, принадлежащих к этим группам.

С одной стороны, феномен городского образа жизни является следствием процесса урбанизации и выступает способом организации жизни индивидов и социальных групп, который позволяет последним выживать, взаимодействовать и развиваться

в социально-пространственной среде с высоким уровнем социо-субъектной, материально-предметной и информационной плотности. С другой стороны, городской образ жизни выступает комплексной характеристикой, позволяющей синтезировать количественные и качественные показатели, характеризующие различные стороны жизни горожанина. К первым показателям относится уровень жизни, характеризующий обеспеченность населения потребительскими благами, которые определяются количественными показателями, абстрагированными от их качественных значений. Ко вторым – показатель качества жизни, выражающий степень удовлетворенности разных групп населения условиями своей жизнедеятельности, а также степень самореализации в трудовой деятельности и степень потребления инновационных видов услуг. Если в *демографическом* контексте уровень и качество жизни связываются с продолжительностью жизни, уровнем образования и долей ВВП на душу населения, то в *социальном* – с состоянием социальной структур, состоящих из комплиментарных групп, обеспечивающих стабильное развитие общества в целом.

Нынешняя ситуация в Беларуси свидетельствует о том, что общество развивается в направлении социальной стратификации, появления в нем новых социальных элементов социально-имущественной дифференциации, вследствие роста уровня жизни, но без изменения качества жизни. Становление постиндустриального общества происходит в контексте одного из законов диалектики – закона взаимного перехода количественных изменений в качественные. Сущность данного закона состоит в том, что изменение качества, т. е. переход от старого качества к новому, совершается тогда, когда накопление количественных изменений достигает определенной границы. Таким образом, количество и качество – это составляющие элементы механизма развития. Они переходят друг в друга – и в этом их единство. Они измеряются в разных показателях – и в этом их различие. Взаимодействие этих элементов осуществляется в рамках категории «меры», которая выражает взаимосвязь и взаимообусловленность качества и количества. Мера выступает как интервал количественных изменений, в пределах которого явление как совокупность социально-экономических показателей сохраняет свою качественную определенность. Выход за пределы меры приводит к изменению качества жизни, к превращению количе-

ственных изменений в качественные. Так, кризис 1992 г., связанный с падением ВВП в Республике Беларусь на 36 % и радикально понизивший уровень жизни населения, обусловил резкое падение не только количественных, но и качественных характеристик жизни. Отметим, что уровень жизни начала 1990-х гг. был достигнут только в 2000-х гг., т. е. мера возвращения к «нормальному» уровню и качеству жизни составила примерно 10 лет. К новому качеству жизни может привести и нынешний поворот к инновационной экономике, уже вызывающий определенные изменения в экономике и обществе [5].

Традиционно выделяются три компонента городского образа жизни: объективные условия жизнедеятельности, сами формы жизнедеятельности и общественное сознание городских жителей. Диалектика взаимосвязи данных компонентов состоит в том, что, с одной стороны, объективные условия жизнедеятельности субъектов городского образа жизни определяют соответствующие формы их жизнедеятельности, которые находят свое отражение в общественном сознании горожан; а с другой – изменения, происходящие в общественном сознании под идеологическим, культурным или религиозным влиянием, являются фактором изменения форм жизнедеятельности субъектов городского образа жизни, что неизбежно влечет за собой более или менее существенное изменение самих объективных условий жизнедеятельности. При таком методологическом подходе городской образ жизни предстаёт «живой», реально функционирующей в рамках механизма городского устройства системой, а одним из ключевых направлений для социологии города становится разработка проблем изучаемого феномена применительно к задачам городского планирования социального развития.

Социологический анализ проблемы рассогласования уровня и качества жизни белорусского общества применительно к ситуации «город – село», основан на данных республиканского социологического исследования «Уровень и качество жизни белорусского населения», проведенного Отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси в ноябре-декабре 2009 г. при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследова-

ний*. Цель исследования состояла в выявлении степени удовлетворенности белорусского населения уровнем и качеством жизни, определении дифференциации и типологических характеристик по уровню и условиям жизнедеятельности населения столицы и регионов. В ходе исследования изучались следующие компоненты качества жизни и их индикаторы. *Материальный* компонент, включающий индикаторы: оценка уровня доходов и его динамики; оценка расходов на потребление и накопление; определение имущественной обеспеченности и удовлетворенности жилищными условиями; оценка уровня социальных пособий и пенсионного обеспечения. *Нематериальный* компонент предполагал изучение таких индикаторов как: социальный капитал (уровень образования, профессия, социально-профессиональный статус, социальные связи); оценка доступности и качества образования; оценка доступности и качества медицинской помощи (удовлетворенность медицинским обслуживанием); оценка условий труда; оценка культурного обслуживания и развитости инфраструктуры отдыха и досуга; доступность информационно-коммуникационных технологий (мобильной связи, Интернета). Компонент *оценки качества социальной среды* включал следующие индикаторы: оценка социальной, правовой и физической защищенности населения (преступность, бедность, произвол чиновников и т. д.); степень доверия органам власти на всех уровнях; определение общественной потребности в инновационных изменениях, связанных с необходимостью повышения качества жизни посредством инновационных технологий и услуг. Компонент *оценки качества экологической среды* предполагал оценку экологических условий в местах проживания граждан (чистота воздуха, воды) и защищенности от экологических угроз. *Социальное самочувствие* как компонент качества жизни включал такие индикаторы, как оценка Я-конкурентоспособности (успешности адаптации к меняющимся социально-экономическим условиям, в т. ч. финансово-экономическому кризису); экономическая активность (стратегии

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ–БРФФИ «Социальные проблемы становления постиндустриального общества: Беларусь–Россия», 2009–2011 гг. (№ госрегистрации 20091752). Руководитель проекта – д-р филос. наук, проф. Г. Н. Соколова, исполнители – канд. социол. наук. Н. Н. Сечко, канд. социол. наук. Е. В. Таранова.

экономического поведения); уровень социального оптимизма (удовлетворенность жизнью в целом, уверенность в будущем). Социологическое изучение приведенных компонентов дает возможность проанализировать: во-первых, как направленность и темпы изменений в экономике и социальной сфере белорусского общества воспринимаются населением; а во-вторых, как данные изменения влияют на уровень и качество жизни различных социально-демографических групп населения [6].

Рост уровня жизни, отраженный в табл. 1, свидетельствует о постоянных изменениях в экономической стратификации белорусского общества. Так, за период с 1995 по 2009 год слой малообеспеченных уменьшился от 38,4 до 5,4 %; слой в диапазоне от бюджета прожиточного минимума (БПМ) до минимального потребительского бюджета (МПБ), бывший до 2005 г. социальной базой общества, уменьшился от 42,0 до 16,3 %, соответственно; слой в диапазоне от 1 до 2 МПБ увеличился от 13,1 до 56,3 %, превратившись в базовый; слой в диапазоне от 2 до 3 МПБ возрос от 5,4 до 16,2 %; верхние слои – свыше 3 минимальных потребительских бюджетов – увеличились от 1,1 до 5,8 %.

Таблица 1

Распределение населения по уровню располагаемых ресурсов на члена семьи в соотношении с БПМ и МПБ¹

(по материалам выборочного обследования домашних хозяйств, %)

Страта с уровнем денежных доходов	Годы			
	1995	2000	2005	2009
Ниже БПМ (малообеспеченные)	38,4	41,9	12,7	5,4
От БПМ до МПБ (нижний слой)	42,0	34,9	29,3	16,3
От 1 до 2 МПБ (базовый слой)	13,1	15,1	42,9	56,3
От 2 до 3 МПБ (средний слой)	5,4	6,7	12,3	16,2
От 3 до 5 МПБ (верхний слой)	1,0	1,2	2,4	3,4
Свыше 5 МПБ (элита)	0,1	0,2	0,4	2,4
Итого	100	100	100	100

Источник: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2010 (Стат. сб.). – Минск: Нац. стат. комитет Республики Беларусь, 2010. – С. 141, 143.

¹ Минимальный потребительский бюджет (МПБ) – это основной социальный норматив, представляющий собой стоимость набора материальных благ и услуг, необходимых для удовлетворения минимальных физиологических и социальных потребностей человека. Среднедушевой минимальный потребительский бюджет семьи из четырех человек с ноября 2009 г. составлял 160 дол. США. (соответственно – бюджет прожиточного минимума – 100 дол. США).

Уровень жизни населения является обобщающим показателем эффективности социально-экономической политики государства, поэтому одной из основных задач социальной политики Беларуси является сокращение уровня малообеспеченности населения – удельного веса граждан, имеющих доход ниже бюджета прожиточного минимума (БПМ). За последнее десятилетие в республике удалось достичь позитивной тенденции снижения численности малообеспеченного населения: согласно статистическим данным выборочных обследований домашних хозяйств численность населения с доходами ниже БПМ снизилась с 41,9 % в 2000 г. до 5,4 % на начало 2010 г. (рис. 1).

Рис. 1. Удельный вес малообеспеченного населения в Республике Беларусь

Белорусские граждане под понятием «средний уровень жизни» сегодня подразумевают наличие в собственности квартиры (в сельской местности – дома), легкового автомобиля и участка земли (распределение ответов о наличии какого-либо имущества в собственности представлено в табл. 2.)

Средний уровень жизни белорусов подразумевает также постоянное наличие полноценного питания (39,1 %) и время от времени – посещение театров, кино, концертов (45,7 %), использование платных медицинских услуг (45,1 %), посещение кафе, ресторанов (32,3 %), сауны, бассейна, спортивного комплекса (22,0 %) и белорусских курортов (20,5 %). Отдых в странах дальнего зарубежья, проведение выходных в усадьбах гостиничного типа в пределах Беларуси, посещение развлекательных центров и косметических салонов является предметом роскоши и не входит для белорусов в понятие «достойного образа жизни».

Владете ли Вы какой-либо собственностью?, %²

<i>Варианты ответов</i>	Да	Нет
1. Дом, квартира (собственный, приватизированная)	83,4	16,6
2. Дача (с участком земли)	22,8	77,2
3. Автомобиль легковой	46,6	53,4
4. Участок земли, огород, сад	46,9	53,1
5. Предприятие (фирма, мастерская, цех, завод и т. д.)	1,1	98,9
6. Магазин (палатка, ларек)	1,7	98,3
7. Скотина, птица	17,2	82,8
8. Технические средства и механизмы (трактор, сеялка и т. д.)	3,1	96,9
9. Акции, ценные бумаги	4,3	95,7
10. Ничем не владею	19,9	80,1

За последние три года белорусу со средним уровнем жизни удалось сделать ремонт в квартире (доме) – 41,2 % и приобрести товары длительного пользования (технику, мебель) – 44,0 %, каждый пятый житель страны смог сделать накопления, улучшить свое материальное положение, обеспечить образование детям и приобрести автомобиль. Вместе с тем, динамика материального положения сегодня вызывает определенную обеспокоенность среди граждан: за прошедший год определенное ухудшение отметили 38,7 % респондентов. Для поддержания достигнутого уровня жизни более 1/3 населения приходится использовать имеющиеся денежные сбережения, а более 1/2 респондентов сбережений не имеют, в связи с чем каждый третий респондент вынужден снижать уровень своих запросов и потребностей (в питании, одежде, отдыхе, лечении). В связи с финансово-экономическим кризисом и его последствиями, 46,6 % населения отмечают, что цены на товары и услуги растут, а их доход не увеличивается либо упал, при этом у 23,1 % снизилась заработная плата; наблюдаются проблемы и с занятостью населения (табл. 3).

² *Примечание.* В социологическом исследовании, проведенном в ноябре-декабре 2009 г., выборочная совокупность составила 1500 чел. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95-процентной вероятностью, составляла $\pm 3\%$. С учетом данной погрешности, выводы исследования можно экстраполировать на генеральную совокупность, т. е. население республики.

**Оценка влияния финансово-экономического кризиса
населением Беларуси, %**

<i>Варианты ответов</i>	%
1. Кризис меня не коснулся, не затронул	22,0
2. Начали задерживать заработную плату	9,2
3. Снизили заработную плату	23,1
4. Уменьшили количество рабочих дней / часов на предприятии	5,7
5. Вынужден(а) уйти в неоплачиваемый отпуск	1,6
6. Сократили / уволили с работы	1,1
7. Цены на товары и услуги растут, а мой доход не увеличивается / упал	46,6
8. Стало сложнее вести свое дело, заниматься предпринимательством	4,8
9. Кризис, напротив, открыл для меня (членов моей семьи) новые возможности в работе, заработках, карьере и пр.	0,9

Анализ трактовок белорусскими гражданами *качества жизни* выявил, что для белоруса понятие «высокое качество жизни» означает, прежде всего, достаток в семье, хорошее здоровье, хорошие жилищные условия, уверенность в завтрашнем дне и возможность не экономить на элементарном и не отказывать себе в самом необходимом. Менее значимо для белорусов – иметь работу, приносящую удовлетворение, отдыхать и проводить отпуск так, как хочется, иметь хорошее образование и сбережения. И уж совсем неважно, по мнению белорусов, для обеспечения высокого качества жизни изучать иностранные языки, участвовать в общественной и политической жизни общества (табл. 4).

Таким образом, оценки уровня жизни, характеризующие материальное положение респондента («достаток в семье», «наличие сбережений») в значительной степени определяют оценки качества жизни. Согласно результатам исследований, 3/5 респондентов характеризуют свое материальное положение как среднее, 1/4 выставили негативные оценки и только чуть более 1/10 респондентов оценили его как хорошее. Среди респондентов, высоко оценивших качество своей жизни, 76,9 % определяют свое материальное положение как хорошее и скорее хорошее, а среди лиц с низким качеством жизни 84,6 % оценивают свое материальное положение как скорее плохое и плохое (табл. 5).

Таблица 4

Что лично для Вас означает понятие «высокое качество жизни»? , %

<i>Варианты ответов</i>	В целом по выборке	Мужчины	Женщины	Город	Село
1. Достаток в семье	80,5	81,9	79,1	83,7	72,5
2. Хорошее здоровье	66,7	62,8	70,3	67,3	64,9
3. Хорошие жилищные условия	59,2	56,7	61,5	59,1	59,4
4. Уверенность в завтрашнем дне	49,8	51,2	48,5	50,8	47,3
5. Возможность не экономить на элементарном и не отказывать себе в самом необходимом	46,3	44,8	47,6	48,0	41,8
6. Работа, приносящая удовлетворение	40,5	41,3	39,7	42,0	36,6
7. Возможность отдыхать, проводить отпуск так как хочется	36,8	35,2	38,3	38,8	31,8
8. Наличие сбережений	26,1	25,8	26,3	24,7	29,6
9. Хорошее образование	21,3	21,4	21,2	21,4	21,1
10. Владение иностранными языками	4,2	3,0	5,2	4,2	4,3
11. Участие в общественной жизни общества	4,0	3,7	4,2	3,8	4,3
12. Участие в политической жизни общества	1,3	2,3	0,4	1,3	1,2

Таблица 5

Соотношение оценок респондентами качества жизни и материального положения, %

<i>Оценка материального положения</i>	<i>Оценка качества жизни</i>		
	Высокое	Среднее	Низкое
Хорошее	<u>53,8</u>	4,6	0,0
Скорее хорошее	<u>23,1</u>	8,2	0,0
Среднее	15,4	<u>76,3</u>	11,5
Скорее плохое	0,0	7,1	<u>33,3</u>
Плохое	0,0	1,8	<u>51,3</u>
Затруднились ответить	7,7	2,0	3,8
Всего	100	100	100

О взаимосвязи уровня и качества жизни свидетельствует рост потребления населением высокотехнологичных предметов длительного пользования и инновационных услуг, представленный в табл. 6. Что касается высокотехнологичных товаров то их

количество в домашних хозяйствах неуклонно растет. Так, за период с 2000 по 2009 гг., число телевизоров цветного изображения увеличилось в 1,6 раза, холодильников – в 1,2 раза, видео-, DVD-магнитофонов и видеокамер – в 3,4 раза, стиральных машин-автоматов – в 2,3 раза, микроволновых печей – в 2,8 раз. Персональных компьютеров, представляющих собой инновационную услугу, стало за этот период в 20 раз больше. Заметим, однако, что их количество в 1–4 раза меньше, чем например, телевизоров цветного изображения, в расчете на 100 домашних хозяйств.

Таблица 6

Наличие предметов длительного пользования в домохозяйствах
(на 100 домашних хозяйств, штук)

	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.		
						РБ	город	село
1. Телевизоры цветного изображения	89	118	126	135	140	145	152	127
2. Холодильники, морозильники	106	116	118	122	124	127	122	137
3. Видео-, DVD-магнитофоны, видеокамеры	20	38	43	55	60	68	75	50
4. Стиральные машины-автоматы	...	25	32	41	50	58	66	35
5. Микроволновые печи	...	17	23	32	39	47	53	30
6. Персональные компьютеры	2	13	18	26	32	40	48	21

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь : стат. сб. – Минск : Национальный стат. комитет РБ, 2010. – С. 201–203.

Что касается потребления инновационных услуг, то интернет-пользователями, по данным выборочного обследования домашних хозяйств на начало 2010 г., являются 27,2 % населения в возрасте 16 лет и старше (табл. 7). А к сети Интернет подключены 24,9 % домашних хозяйств (рис. 2).

Доступ населения к услугам сети Интернет
(на начало 2010 г.; в % к общему числу населения соответствующей группы)

Показатели	Пользуются услугами сети Интернет	В том числе			
		дома	по месту работы, учебы	в интернет-кафе, клубах, отделен. связи	у друзей, родственников
Население, пользующееся услугами сети Интернет, всего	27,2	21,9	3,5	0,6	1,1
в том числе проживающие:					
в городах и поселках городского типа	32,6	26,4	4,1	0,7	1,3
в сельских населенных пунктах	11,6	8,9	1,6	0,4	0,7
Население в возрасте, лет					
16–29	57,9	47,0	4,8	2,3	3,6
30–49	32,4	26,4	4,9	0,3	0,8
50 и старше	6,6	4,9	1,6	0,0	0,1
Население в возрасте 16 лет и старше, имеющие образование:					
высшее	52,8	39,8	10,9	0,8	1,2
среднее специальное	24,6	20,2	2,9	0,4	1,0
профессионально-техническое	16,1	13,5	1,1	0,2	1,3
общее среднее	22,5	19,6	1,0	0,9	1,0
общее базовое	22,5	18,7	0,7	1,0	2,1

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь : стат. сб. – Минск : Национальный стат. комитет РБ, 2010. – С. 308.

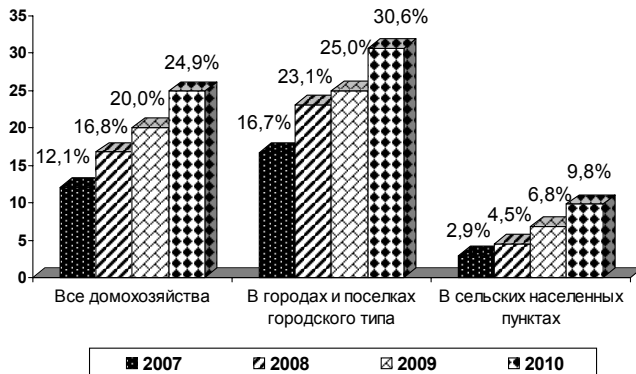

Рис. 2. Удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к услугам сети Интернет с домашнего компьютера (на начало года; в % к общему числу домашних хозяйств соответствующей группы)

Таким образом, взаимосвязь уровня и качества жизни как переход количественных характеристик уровня в характеристики качества жизни (в плане ее комфортного бытия) прослеживается довольно отчетливо по республике в целом. Однако наблюдаются значительные различия в этом процессе между городом и селом, между Минском и регионами. Выявление типологических характеристик социально-экономического развития столицы и регионов показало, что согласно статистическим данным, социальные проблемы малообеспеченности более остро стоят в регионах Беларуси, особенно для жителей сельской местности: доходы городских домашних хозяйств в 2008 г. превышали доходы сельских домашних хозяйств на 37,2 % (в 2007 г. – на 44,3 %); наиболее низкий уровень малообеспеченности населения, на начало 2010 г., наблюдаемый в г. Минске, составил – 0,8 %. Однако результаты социологического исследования выявили, что жители столицы высказывают более сдержанные и низкие оценки качества своей жизни и жизненной ситуации в целом, чем жители регионов Беларуси. Например, при оценке жизненной ситуации полагают, что «все более чем нормально» 8,6 % жителей регионов и только 4,5 % минчан. При оценке качества своей жизни, как «высокое» его оценили 1,2 % респондентов в регионах и 0,0 % минчан, а «ниже среднего» – 19,1 % жителей регионов и 29,1 % минчан. Выявляется, что у населения столичного региона сформировались более высокие требования к уровню и качеству своей жизни, однако они, преимущественно, сфокусированы на возможности обеспечивать высокий уровень материального потребления и комфорта. Например, для минчан более важно иметь хорошие жилищные условия (Минск – 69,6 % респондентов, регионы – 55,8 %), возможность не экономить на элементарном и не отказывать себе в самом необходимом (Минск – 51,0 % респондентов, регионы – 44,7 %), отдыхать, проводить отпуск так, как хочется (Минск – 42,9 % респондентов, регионы – 34,9 %).

Предпосылкой становления постиндустриального общества является постоянный переход количественных характеристик уровня жизни в качественные характеристики, связанные с самореализацией личности и ростом потребления инновационных видов услуг. Проблема рассогласования уровня и качества жизни белорусского общества проявляется в снижении рейтинга ИРЧП Республики Беларусь в группе стран с высоким уровнем

развития, в связи с ухудшением показателя продолжительности жизни населения (от 71,1 лет в 1992 г. до 69,0 лет в 2007 г.) [7]. С одной стороны, по данным государственной статистики (1995–2009), наблюдается повышение доходов граждан, вызывающее существенные изменения в экономической стратификации белорусского общества в направлении увеличения средне- и высокодоходных групп населения. С другой стороны, белорусские граждане, по данным республиканского социологического исследования, вкладывают в понятие «высокое качество жизни», помимо хорошего здоровья, такие ресурсные критерии как материальный достаток, хорошие жилищные условия, возможность не экономить на минимально необходимых вещах. Получается, что материальное благополучие для белорусов все еще является целью, а не средством обеспечения высокого качества жизни. Это свидетельствует о том, что *проблема рассогласования уровня и качества жизни*, существующая в белорусском обществе, *воспроизводится* в большей мере за счет ориентации граждан на поддержание достигнутого уровня жизни, и в меньшей – за счет актуализации ими социальных инноваций и потребления инновационных видов услуг – гуманитарных (образование, здравоохранение и др.) и профессиональных (информатизация, телекоммуникация).

В белорусских исследованиях, во избежание возможных методических неточностей, нами введен комплекс вопросов, позволяющих респондентам после оценки различных компонентов качества жизни самостоятельно дать обобщенную оценку их качества жизни. Это позволило нам рассчитать интегральный индекс качества жизни для Беларуси: по итогам 2009–2010 гг. он составил в целом по республике 40,1 пункта. Наиболее высокие оценки качеству своей жизни дали жители малых и средних городов и проживающие в сельской местности, более низкие оценки характерны для респондентов в областных центрах (Брест, Могилев, Гомель, Витебск, Гродно) и столице (г. Минск), что свидетельствует о более высоких притязаниях и уровне запросов проживающих в них категорий граждан, так как по отдельным компонентам качества жизни (уровень доходов, доступность медицинской помощи, образования и иных видов услуг) жители столичного региона и областных центров характеризуются большей обеспеченностью (табл. 8). В гендерном разрезе индекс оценок качества жизни у мужчин (42,5 пункта) выше, чем у женщин (37,6 пунктов).

**Оценка белорусским населением их качества жизни,
региональная специфика, %**

<i>Варианты ответа</i>	В целом по выборке	Село	Областные центры	Малые и средние города	Минск
Высокое	0,9	0,9	1,1	1,5	0,0
Выше среднего	6,2	3,5	8,9	7,3	5,4
Среднее	59,8	65,7	53,2	62,2	52,9
Ниже среднего	21,5	20,8	21,6	16,3	31,3
Низкое	5,3	5,0	7,4	4,4	5,4
Затруднились ответить	6,3	4,0	7,8	8,4	5,0
Всего	100	100	100	100	100
<i>Индекс оценок качества жизни</i>	40,1	44,3	34,2	50,3	21,6

Реализация основных государственных социально-экономических программ Республики Беларусь направлена на повышение уровня и качества жизни населения. Анализ факторов, влияющих на **здоровье** населения, свидетельствует о том, что 49–58 % составляют образ и условия жизни, 18–22 % – генетические и биологические факторы, 17–20 % – экологическая среда, 8–10 % – состояние здравоохранения. Поэтому, в европейских странах основным инструментом политики управления здравоохранением является изучение общественного мнения, в плане соответствия этой системы социальным ожиданиям населения. Реализация «принципа обратной связи» позволяет выявлять социальные потребности и ожидания населения относительно качества и доступности медицинского обслуживания, ориентации на здоровый образ жизни. Согласно данным государственной статистики, за период 2002–2009 гг. удалось разрешить социальные проблемы значительного разрыва в уровне жизни городских и сельских жителей. Однако доходы городских домашних хозяйств по-прежнему превышают доходы сельских домашних хозяйств более чем на 1/3. Уровень оплаты труда в организациях сельского хозяйства, на 1/3 ниже, чем в среднем по республике.

Результаты анализа общественного мнения о состоянии системы здравоохранения в Беларуси показали, что на протя-

жении исследуемого периода (2003–2009 гг.) наблюдалось улучшение оценки населением состояния медицинской помощи и доступности оплаты лечения и медикаментов. При этом, оценка состояния медицинской помощи городскими жителями повысилась в 2 раза, сельскими – в 3 раза. Динамика оценок свидетельствует о том, что меры, направленные на улучшение медицинского обслуживания граждан в Беларуси, воспринимаются положительно и соответствуют социальным ожиданиям людей. Вместе с тем, сохраняет свою актуальность проблема доступности лекарственного обеспечения, стоимости лечения и медикаментов как для городского, так и для сельского населения.

По данным республиканского социологического мониторинга, начиная с 2005 г. возрастает самосохранительная активность населения (около 1/3 белорусских граждан стали уделять больше внимания своему здоровью, у половины респондентов отношение к своему здоровью не изменилось). Процесс развития культуры здоровья происходит недостаточно динамично по многим важным позициям. Например, умеренность в потреблении продуктов питания и алкоголя отмечают лишь около 1/3 населения, тогда как, по мнению геронтологов, это является условием долголетия. В целом, интенсивность и разнообразие способов самосохранительной активности возрастают с повышением дохода и образования респондентов, т. е. с расширением возможности «заботы о себе». В целом население осознает значимость здоровья как ресурса и важнейшей составляющей их человеческого капитала, который стоит поддерживать и развивать, инвестируя в него средства. Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что государственная политика по повышению уровня и качества жизни должна сопровождаться формированием и возрастанием ответственности индивидов за свое здоровье. Если же здравоохранительные мероприятия государства не воспринимаются на индивидуальном уровне, они оказываются напрасными, а инвестиции в социальную сферу и человеческий капитал – утраченными.

Таким образом, проблемы формирования городского образа жизни, позволившие говорить о городе как социальной лаборатории «человеческой природы» в начале XX в., актуальны и в настоящее время. Проводимые исследования связаны с анализом старых и выявлением новых проблем, важнейшая из

которых – рассогласование уровня и качества жизни населения, что требует внимания к формам и принципам городского управления.

Литература

1. Park R. E. The City: Suggestions for the Study of Human Nature in the Urban Environment (with R. D. McKenzie & Ernest Burgess) / R. E. Park. – Chicago : University of Chicago Press, 1925.
2. Park R. E. On Social Control and Collective Behavior / R. E. Park. – Chicago : University of Chicago Press, 1927.
3. Burgess E. W. (ed.) The Urban Community / E. W. Burgess – Chicago : University of Chicago Press, 1925.
4. Wirth L. Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology. – 1938. – XLIV, 1. – P. 1–24.
5. Соколова Г. Н. Становление постиндустриального общества: белорусский феномен // Социология PoCA. – 2009. – № 4. – С. 81–89.
6. Соколова Г. Н. Уровень и качество жизни как предпосылки перехода к постиндустриальному обществу / Г. Н. Соколова, Н. Н. Сечко, Е. В. Таранова // Социология. – 2010. – № 4. – С. 42–52.
7. Доклад о развитии человека, 2009 / UNDP. – Минск, 2009. – С. 172.

Sokolova G. N.

Institute of Sociology,
Belarus National Academy of Sciences,
Republic of Belarus, Minsk

City as a Sociological Laboratory: from Classics to Modernity

The problems of forming the urban way of life are analyzed in the article. These problems allowed considering city as a sociological laboratory of “human nature” at the beginning of XX and XXI centuries. Sociological analysis of the problem of differentiation between level and quality of Belarusian society life as applied to “city-village” situation is realized on the basis of empirical research (November–December, 2009). The results of empirical research enable to make a conclusion that this problem is reproduced to a greater extent due to citizens’ orientation on maintaining the attained living standards, and to a smaller extent – because of their orientation on actualization of social innovations and on consuming the innovative types of services.

Keywords: city, modernization, social laboratory, social innovations.

Креативный город как условие кросскультурных взаимодействий

Развитие города зависит от выбора вектора интерпретации традиций и методики использования сохраняющегося человеческого потенциала. Нужна перспективная модель, которая «стянет» воедино исторические преимущества Иркутска как центра кросскультурных взаимодействий. Ею может стать модель креативного города.

Ключевые слова: кросскультурные взаимодействия, креативный город, культурный капитал, человеческий капитал, креативные общности, сетевые сообщества.

Интерпретация прошлого всегда имеет вариативный характер и зависит от субъективной позиции автора. В этом смысле история города, например, может быть единой и достоверной только в идеале. Богатство истории Иркутска позволяет выстраивать несколько интерпретационных подходов. Наш город был и форпостом освоения Сибири, крупным торговым центром, местом встречи западной и восточной цивилизаций, одним из оплотов индустриализации советского периода. Однако, заметим, сама возможность интерпретации истории легко порождают мифы, которые укрепляются, когда традиции автоматически протягиваются в настоящее.

Одним из типичных представлений полумифического характера является концепция современного Иркутска как посредника между Востоком и Западом, центра кросскультурных взаимодействий. Действительно, иркутская история готова предложить любознательному читателю немало фактов взаимного плодотворного влияния культур, например, России и Китая. Сам Иркутский регион может быть представлен метафорой и плавильного котла, где «сняты» и преобразованы традиции коренных народов, русских крестьян, ссыльных поселенцев. И не случайно находят все больше сторонников выделения в составе российского населения новой национальности – сибиряк.

Однако возникает и вопрос – в какой мере и как современный Иркутск сохраняет и развивает свое кроссцивилизационное наследие. Можно, конечно, указать на роль музеев, памятников

архитектуры, фестивалей и смотров этнографического характера. Однако все это сохраняемая потенциальная культура, а нас интересует живое взаимодействие. И этому, впрочем, есть примеры в форме торговых контактов, деятельности национальных обществ и землячеств, дипломатических представительств. Конечно же, проблема достаточности взаимодействий может быть темой отдельного социологического исследования. Тем не менее, можно выдвинуть предположение, что с годами феномен Иркутска как центра кросскультурных взаимодействий теряет свою реалистичность. Индикатором может быть количество и качество контрактов, заключаемых по итогам БЭФа.

Источником этого является слабая база для совместной кросскультурной деятельности, дефицит потенциальных совместных дел, что в свою очередь связано с деградацией производственной базы, которая нуждается в реиндустриализации. В то же время Иркутск имеет существенное преимущество перед соседями. Город все еще располагает филиалом Академии наук, инженерными кадрами, сформированной творческой интеллигенцией, учеными высших учебных заведений. Во многом это заслуга предшествующих поколений иркутян, усилия которых обеспечили действие мощной социокультурной инерции.

Осознаем ли мы ценность такой традиции? Как мы развиваем наследие прошлого? Можно привести позитивные примеры, например, молодежной политики, но в целом управление накопленным социокультурным потенциалом носит воспроизводственный характер. Это попытка удержать в трудных финансово-экономических условиях необходимый уровень существования деятельностной культуры. И эта работа, безусловно, нужна.

Однако для современного развития Иркутска как центра кросскультурных взаимодействий необходим выход в новое измерение. Одно из направлений обозначено развитием креативных (культурных) индустрий, под которыми чаще всего понимается деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант и которое несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности. В европейских странах и США креативные индустрии рассматриваются как ключевое условие экономического развития в целом.

Разрозненные мероприятия в этом отношении проводятся и в Иркутске. Но отсутствует система, становление которой которая зависит от общей направленности управленческих процессов. Ключевой проблемой здесь является понимание будущего города. Пока что городская администрация занята решением текущих и, безусловно, важных вопросов, связанных со строительством жилья и переселением населения из ветхих домов, с ремонтом систем канализации и водоснабжения, с освещением улиц, ликвидацией аварий и т. д. Будущее города видится в минимизации этих и других проблем, в создании комфортной среды обитания, т. е., будущее это просто улучшенное настоящее.

Есть более перспективные подходы. Одним из вариантов, который стоит обсудить, является модель креативного города.

Концепция креативного города, в том числе и как центра кросскультурных взаимодействий, является относительно новой. Частично она базировалась на различии социального капитала и креативного. Ричард Флорида в работе «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» в главе 15 «От социального капитала к креативному капиталу» рассмотрел социологически обоснованную позицию Роберта Кушинга, проверившего взаимоотношения между социальным капиталом, разнообразием и инновациями. Кушинг обнаружил, что теория социального капитала не дает адекватного объяснения регионального роста и инноваций. Подобный рост намного лучше объясняется теориями человеческого капитала и креативного капитала. Более того, он выяснил, что креативные сообщества и сообщества социального капитала (сильных связей) двигаются в противоположных направлениях. Креативные сообщества выступают центрами разнообразия, инноваций и экономического роста, а сообщества социального капитала – нет.

В связи с этим, нам бы хотелось подчеркнуть, что ключевое различие заключается в том, что социальный капитал (уровень образования населения, развитая система информирования и контактов, состояние здоровья и т. д.) является скорее предпосылкой для инноваций, это база для создания креативных индустрий.

Многие российские социологи согласились бы с мнением Р. Флориды о том, что существует реальная потребность в новой модели взаимосвязанного креативного и социального капитала, и ее осознает растущее число людей. Нужен баланс между ин-

дивидуализмом и принадлежностью к некоему сообществу нового, более открытого типа, сочетанием инноваций и экономического роста с аутентичным сообществом и более удачным гуманистическим образом жизни. Одним из выходов и является создание модели креативного города.

В России этот процесс только начинается. Его продвижение поддерживается Центром развития творческих индустрий в Санкт-Петербурге (создан в 2001 г.), Институтом культурной политики в г. Москве (с 2003 г.). Ведутся работы по созданию российской модели творческого кластера, осуществляется поддержка территориальных агентств по развитию творческих индустрий, ведутся семинары по бизнес – планированию в сфере культуры.

Возможно, некоторые новые подходы предлагаются современными информационными технологиями, превращающими человека в самостоятельный узел коммуникаций или портал. Сообщества становятся сетью межличностных связей, которые обеспечивают общение, взаимоподдержку, социальную идентичность. Признанный авторитет в сфере анализа социальных сетей Б. Уэллман писал: «Хотя люди смотрят на мир с позиций группы, действуют они в сетях. В обществах сетевой структуры границы проницаемы, взаимодействия различны, связи перебрасываются между многочисленными сетями, а иерархии могут сглаживаться и обращаться. Переход от групп к сетям можно наблюдать на различных уровнях. ...Большинство людей действуют в многочисленных, слабо связанных, неполных сообществах, когда имеют дело с сетями родных, соседей, друзей и сослуживцев. Вместо того, чтобы соответствовать одной группе, каждый человек обзаводится своими собственными «личными сообществами» [1, с. 94]. Человек обретает не только возможности расширения своего индивидуального мира, но и самостоятельного формирования собственной референтной группы, которая может включать в себя и ближних, и дальних. Свобода вхождения в группы базируется на доверии и репутации, системе взаимных услуг – словом, казалось бы, на малоосязаемых идеальных ценностях. Это открывает новые возможности для проявлений креативности и укрепляет кросскультурные взаимодействия.

Существует целый ряд других теоретических и методических предпосылок разработки концепции креативного города.

Однако их углубление и технологизация нуждаются в организационной поддержке.

Возможными предварительными шагами в исследовании поставленной проблемы могут быть:

1. Проведение исследования будущего города по методологии Форсайт.

2. Приобщение к формированию российской модели творческого кластера через целевой заказ конкретной группе ученых.

3. Исследование социального капитала и потенциала кросскультурных взаимодействий города, в особенности определение стартового индекса человеческого развития города.

4. Максимально широкое привлечение молодежи к проектированию и конструированию будущего.

5. Создание (преобразование) структуры в городской Администрации, способной выступить деловым посредником между наукой и производством в деле внедрения инноваций. Аналогичные структуры могут быть созданы в научных и учебных заведениях.

С нашей точки зрения, разработка модели креативного города как центра кросскультурных взаимодействий – может способствовать наполнению общего курса на модернизацию страны практическим содержанием.

Литература

1. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд. – М., 2006. – С. 94.

V. A. Reshetnikov

Irkutsk State University, Irkutsk

Creative town as a space of crosscultural connections

The development of our town depends of what kind of traditions we would choose and how we would use still remaining human capital. We should create the perspective model, which can help to bring together all historical advantages of Irkutsk as the center of crosscultural connections. It might be the model of the creative town.

Keywords: crosscultural interaction, creative city, cultural potential, human capital, creative entities, net communities.

Город как среда обитания человека и как социальный субъект

В статье привлекается внимание к специфике территориальной общности как пространственной социально-политической общности людей, взятой в единстве с социальными условиями ее жизни. Более подробно рассматриваются особенности города в отношении характера труда, экономики, социального состава и социальной организации, концентрации и др. Анализ реальных проблем позволяет автору сделать вывод, что городские социальные общности основаны на самоуправлении, являются важнейшими формами жизнедеятельности людей.

Ключевые слова: город, территориальная общность, городские общности, социальные общности, самоуправление.

Вся жизнь людей проходит, как известно, в пределах тех или иных территорий, вследствие чего они становятся важными условиями и формами их жизнедеятельности.

Территориальная общность в социологии понимается как совокупность людей, обладающих единством отношения к определенной хозяйственно освоенной территории. Важнейшими признаками такой общности являются устойчивые экономические, социальные, политические и духовные связи, образующие самостоятельную систему пространственного взаимодействия людей. Причем исходной в системе территориальных общностей является социальный организм, которая обладает функциональной целостностью и представляет единое административно-территориальное образование.

Стало быть, территориальная общность – это пространственная социально-политическая и экономическая общность людей, взятая в единстве с социальными условиями ее жизни. В этом смысле территориальная общность представляет собой воспроизводственную систему, в центре которой человек, преобразующий для удовлетворения своих потребностей природу и общество, а стало быть, и самого себя, свои общественные отношения. В социальных условиях жизни, формируемых трудовой деятельностью человека, опредмечены его потребности и

способности. Удовлетворение же потребностей происходит, в основном, в рамках определенной территории. Поэтому улучшение социальных условий жизни территориального образования означает в то же время возвышение потребностей людей и развитие их способностей.

В отличие от отрасли и экономико-географического района, которые специализируются в экономическом и географическом аспектах, территориальная общность имеет целостную характеристику. И критерием полновластия местных органов власти и управления является переориентация экономического роста на целостное воспроизводство и развитие человека. Целостность территории как социально-политической и экономической системе придает комплексное развитие. Комплексность – важнейшая характеристика социального развития территориального образования.

В ходе проведения реформы становится очевидным, что основополагающие ее принципы – демократизация собственности и власти, развитие рынка, децентрализация управления, социальная переориентация экономики возможны лишь при условии распространения самоорганизации и самоуправления на уровень территорий. Поэтому важнейшей особенностью предстоящего периода становится все большее перемещение экономической и социальной деятельности на местный уровень с учетом всех общественных затрат и выгод. Все, что может быть решено и произведено на местном уровне, должно быть в компетенции самоуправляемых территориальных единиц – от регионов до городов и сел.

Сейчас во всем мире формируются подходы к экономическому росту, предполагающие опору на локальные уровни хозяйствования, переход от тотальной специализации крупномасштабного производства к наращиванию социокультурных потенциалов самостоятельных территориальных общностей.

Показательной в этом плане территориальной общностью является город. Следует обратить внимание на то, что город обладает рядом особенностей по сравнению с деревней, регионом в отношении характера труда, экономики, социального состава и социальной организации, концентрации, архитектурного облика, типичного образа жизни.

Первая и главная характеристика города – это количественные параметры – численность населения. А вторая – тесно пере-

плетающаяся с первой – это пространственная характеристика – место и размеры поселения (плотность населения на единицу городской площади).

Город представляет интерес как среда обитания для человека. При этом необходимо уделить внимание воздействию стиля жизни в городе на формирование психологии личности, социальное поведение человека, его социальные связи и здоровье. В связи с этим важно подчеркнуть, что, как свидетельствуют социологические исследования, город не является благоприятной средой обитания для человека во всех отношениях. Напротив, он способствует обезличиванию человека, отчуждению, апатии к контактам с другими людьми. Город остается источником сильнейшего стресса, что ведет к отклонениям в социальном поведении индивида. Как отмечают социологи, уменьшению степени негативного отношения к человеку может содействовать понижение социальной активности, улучшение городской среды, а также культурно-национальные традиции, которые облегчают адаптацию к городским условиям жизни.

Так, стиль городской жизни отличается от сельской тем, что деревне соответствует замедленный темп, который поддерживается бессознательно и по привычке традиций, связанных с сельскохозяйственным трудом. В городе стиль жизни напряженный: под воздействием шумов, огней возрастает напряжение нервной системы человека. Чтобы справиться с нагрузками, человек усваивает сдержанное восприятие жизни. Им начинают руководить не столько сердце, сколько голова. Со всеми людьми он начинает соблюдать определенную дистанцию и избегать социальных связей. По мнению немецкого социолога Георга Зиммеля, в городе сформировался «метрополитенский» тип личности с позицией отсутствующего взгляда по отношению друг к другу.

Вследствие этого в городе неизбежно происходит ослабление родственных связей, исчезают отношения добрососедства и подрываются основы социальной солидарности. Появляется аномия – состояние, в котором обычные правила – регуляторы поведения теряют свое значение, наступает отчуждение человека от общества, а отсюда и всякие отклонения в его поведении.

Отчуждение – безразличие друг к другу – демонстрируют многочисленные факты об игнорировании просьб о помощи на улице, в общественных местах. Социологи объясняют такие факты влиянием города и дифференциацией ответственности,

т. е. в массе отдельный человек не чувствует ответственности: ответственны все, а, значит, никто. Объяснение психологов исходит из понятия «среды поведения». В любой ситуации непосредственными участниками действия может быть лишь строго определенное число людей, остальные превращаются в зрителей, которые ведут себя как посторонние.

Наряду с этим, есть и факты благородства. Но это скорее всего наблюдается в микросреде своего района, с которым человек чувствует свою близость и озабочен поддержания порядка в нем.

Стресс вызывают многие факторы в городе. Плохие условия жизни, перенаселенность обычно вызывают умственные перегрузки у людей. Дети при этом становятся обидчивыми и раздражительными, постоянно находятся в готовности отразить любые попытки вторгнуться в их жизнь. Повышенное количество раздражителей может часто вызывать познавательную перегрузку. Например, избыток впечатлений от излишней информации затрудняет ее восприятие. Шум, вибрация, загрязненность, запыленность, интенсивность транспорта – могут отрицательно повлиять на здоровье человека: повысить утомляемость, вызвать различные заболевания, в том числе и психические.

Чтобы уберечься от негативного воздействия городской среды есть много способов: понижение социальной активности, улучшение условий жизни, оздоровление экологии и т. д. Помогают адаптации человека к жизни в городе культурные традиции. Например, в Китае или Японии веками выработаны правила семейно-бытовой жизни, которые нейтрализуют последствия перенаселенности. Эти правила: непереносимое уважение любого человека, высокая вежливость при социальных контактах, в отношении внешних раздражителей – шума, огня – утвердилось восприятие их как нечто приятное либо как простое игнорирование. Такие традиции позволяют уменьшить число отклонений в поведении человека в условиях многолюдья. Это становится характерным не только для Юго-Восточной Азии, но и для жителей Европы и Америки.

Социологи особое внимание обращают на стрессы в многоэтажных домах. Жителей этих домов часто обвиняют в вандализме, жестокости, грабежах и др. преступлениях. Американский архитектор Ньюман выявил зависимость уровня преступности в высотных домах. Высокую преступность в «высотках» он объясняет тем, что люди отвечают только за свои квартиры.

За коридоры, лестницы, лоджии, лифты и т. д. ответственность они перекадывают на органы охраны порядка. Таким образом, чердаки, подвалы, холлы – доступны для всех, они и являются местом правонарушений.

Чтобы снизить уровень криминогенности в «высотках», Ньуман предлагает изменить внутреннюю планировку зданий так, чтобы жители могли контролировать пространство вокруг своих квартир, воспринимали бы его как свою территорию и взяли ее под свою защиту. Потенциальный преступник, попадая на нее, должен чувствовать, что он находится под жестким контролем жильцов.

Основными функциями, отражающими внутреннее содержание городской общности, является экономическое, социальное, культурное, политическое воспроизводство. Реализация этих функций обусловлена способом производства, характером и уровнем развития производительных сил, уровнем развития демократии.

На протяжении многих десятилетий наш отечественный город являлся государственной собственностью и понимался как придаток промышленности, в нем не было института городского самоуправления. Его развитие стало полностью определяться центром и исключительно в интересах центра. Территория, среда и деятельность населения оказались отчужденными друг от друга. Городская общность прекратила свое функционирование в качестве социального субъекта. В пореформенное время обозначилась тенденция к восстановлению общности, ослаблению зависимости от центра и партийно-бюрократических структур. Население снова должно слиться со средой, стать единым целым, человек должен стать при этом субъектом общности, восстановление которой возможно на основе возрождения самоуправления населения.

Городская общность должна располагать значительной законодательной властью относительно использования земли, жилищного строительства, транспорта, здравоохранения, образования и социальной защиты малообеспеченных слоев населения. Законодательные полномочия наших городов делают их в определенной степени автономными и жизнеспособными. К тому же, федеральные программы сегодня особое внимание уделяют жилищному строительству, развитию общественного транспорта, проблемам обездоленных. Реализация их поручается местным

городским властям. Это способствует повышению их влияния. Получив ресурсы и средства от центра, местные власти приобретают возможность улучшить условия жизни жителям. В ином случае им было бы трудно это сделать, ибо изыскивать средства на благоустройство становится все труднее.

Таким образом, городские социальные общности, основанные на самоуправлении, являются важнейшими формами жизнедеятельности людей.

Ts. Ts. Choiropov

Eastern Siberian State University
of Technologies and Management,
the Republic of Buryatia, Ulan-Ude

City as an environment and a social subject

The given article covers the special features of a territorial entity as a spatial socio-political entity of people, unified with the social conditions. The work provides a detailed analysis of urban labor practices, urban economics, the social composition and social organization of a city, the concentration etc. Such an analysis of real problems lets conclude that urban social entities are based upon self-government and are most important forms of vital activity of people.

Keywords: city, territorial entity, city entities, social entities, self-government.

К вопросу о Восточной столице России

В статье с позиции социального проектирования рассматривается идея формирования, строительства восточной столицы, которая в перспективе могла бы стать столицей России. В статье приводится анализ выполнения столичных функций в современной Москве. Автор статьи рассматривает и предлагает различные варианты формирования восточной столицы в иркутском регионе, приводит обоснованные аргументы в пользу такой идеи, показывает возможности социально-экономического развития Сибири в зависимости от реализации проекта восточной столицы России.

Ключевые слова: столица, регион, социальное проектирование, социальное развитие, экономическое развитие.

Солнце в России действительно восходит с Востока

Тема переноса или создания новой российской столицы последние несколько лет становится все более актуальной, она активно обсуждается в российском научном и политологическом сообществе. Данная тема становится не безразличной и в целом российскому обществу. Выразителем общественных настроений идеи переноса столицы стал, в том числе известный российский сатирик, представитель разговорного жанра нашей эстрады Михаил Задорнов. Им очень точно подмечено то, что подавляющее большинство мировых столиц имеют центральное или восточное месторасположение.

Кому интересно проверить, могут взглянуть на карту. Перечислю лишь несколько: Австралия, Аргентина, Бразилия, Канада, Китай, США, Япония и другие. Если посмотреть на старую Европу, то здесь те же тенденции: Германия, Великобритания, Норвегия, Польша, Румыния, Финляндия, Швеция. И, наверное, это правильно!

Анализируя публикации, научные дискуссии и публицистические материалы на эту тему, приходишь к выводу, что вопрос о переносе столицы поднимается в основном в целях формирования политического имиджа, узнаваемости, публичности. Очень редко авторы переноса или строительства новой столицы приводят научно обоснованные аргументы в пользу такой идеи.

Какие же планы и проекты переноса российской столицы предлагаются. Так, например, губернатор Московской области Б. Громов считает, что столицей должен стать Санкт-Петербург, бывший губернатор Красноярского края А. Хлопонин, считает, что столицей России должен стать непременно Красноярск. С. Вольский, В. Соловей, Г. Павловский предлагали перенести столицу России куда-нибудь в Сибирь или на Дальний Восток, называются и другие российские регионы.

Действительно проблема новой столицы России, что говорится, назрела. Современная Москва с ее перенаселенностью, неразвитостью транспортной системы, острой криминогенной обстановкой, тотальной коррупцией совершенно не приспособлена к выполнению столичных функций. Да и в духовном плане Москва перестала быть матерью городов русских – это в большей степени космополитичная агломерация, где перемешались этносы, языки, стили, культуры. По своему внешнему, да и внутреннему облику нынешняя Москва мало, чем напоминает русский город, которым она не так давно была.

Житель российской глубинки, впервые попав в современную Москву, скорее всего, ощущает себя не в «столице нашей Родины» и вообще не на Родине, а в другой стране, со своими особыми законами, деньгами, ценами, потребительскими стандартами, поведением, культурой и ценностями.

Исходя из вышесказанного Москву, да и Санкт-Петербург в перспективе можно было бы рассматривать как крупные деловые, историко-культурные и рекреационные центры России, но не столицы. Эти два города сыграли свою историческую роль. Можно сказать, что они столицы уходящей эпохи.

В данной статье хотелось бы представить другой, отличный от других авторов, взгляд на формирование, а не на механический перенос столицы России.

На мой взгляд, нашему государству крайне необходимо сформировать новую, в первую очередь объединяющую население России вокруг важной стратегической, социально значимой задачи, столицу на востоке страны. Именно на востоке страны, нужна мощная опорная точка, которая позволит России непосредственно влиять на события в странах АТР и способствовать развитию Севера, Сибири и Дальнего Востока. Эта опорная точка вначале должна стать столицей северо-востока России, в перспективе трансформироваться в столицу государства.

Геополитическая необходимость и объективные обстоятельства заставляют нас двигаться в восточном направлении, в нашем случае в Сибирь и на Дальний Восток. Социально-экономическое развитие северных территорий, Сибири и Дальнего Востока России в короткие сроки приведет к значительному росту экономики нашего государства, будет способствовать укреплению наших позиций в динамично развивающемся азиатско-тихоокеанском регионе, который в ближайшее время будет определять облик меняющегося глобального мира.

Известный новосибирский академик РАНн Влаиль Казначеев предсказывает: «Сибирь должна стать новым центром мировой цивилизации, источником величайших научных открытий в XXI в., новой философии устройства Мира и места Человека в нем, новейших образцов культуры» [1].

По прогнозам другого не менее известного российского социолога, члена-корреспондента РАН Ф. Шереги, «Европейская часть русских может сплотиться в этноцентрическое государство, которое в условиях жесткой борьбы за защиту своего национального рынка выродится в государство фашистского типа, а сибирские великороссы, ценностные ориентации которых в значительной степени отличаются от ориентации их европейских соотечественников, образуют собственное русское государство» [2].

Как один из вариантов формирования восточной столицы России можно было бы рассматривать город Иркутск, который исторически формировался как город-столица всей Сибири от Урала до Тихого океана. Если же ставить вопрос о строительстве новой столицы, города с нуля, то наиболее удобной территорией формирования опорной точки мог бы стать северо-восточный район Иркутской области, в верховьях реки Лена.

Данный район находится в наиболее устойчивой в сейсмическом отношении зоне, занимает срединное географическое положение, имеет геополитические преимущества (удален от границы с КНР, позволяя вместе с тем осуществлять непосредственный контроль над тихоокеанским побережьем), обеспечен природными ресурсами, запасами пресной воды, находится в непосредственной близости к крупным промышленным и научным центрам Сибири, что позволило бы обеспечить новую столицу профессиональными трудовыми ресурсами.

Если серьезно вести речь о формировании восточной столицы, то лучшим, желательным вариантом было бы строительство

города с нуля, по примеру новой столицы республики Казахстан города Астаны. Это бы позволило применить самые передовые градостроительные технологии, учесть последние мировые достижения и наработки в области социального проектирования.

Какой видится восточная столица России – это, прежде всего, компактный, небольшой город, оснащенный современным транспортным многофункциональным комплексом, скоростными коммуникациями. Город – удобный для жизни, с развитой социальной инфраструктурой. При строительстве должны использоваться только новейшие строительные технологии, учитывающие суровые климатические условия региона. Желательно строить город крытого типа, такие технологии уже существуют. Архитектурный ансамбль новой столицы должен включать в себя элементы русской народной культуры и народов Сибири.

Какие преимущества может получить российское государство и общество, если будет принято решение о формировании восточной столицы. Строительство восточной столицы в целом позитивно отразится на социальной интеграции нашего общества, даст толчок к реальному восстановлению и развитию промышленности в Сибири и на Дальнем Востоке, а в дальнейшем проведению модернизации, в первую очередь технологической, ускоренному внедрению инновационных технологий.

Фактически принятие решения о строительстве восточной столицы России может стать отправной точкой, началом реализации общенационального проекта по освоению Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Основными направлениями подобного проекта могли бы стать:

1. Целевая миграционная политика и целевое заселение регионов Сибири и Дальнего Востока России.

Социально-ориентированная стратегия развития России в качестве своей главной установки должна выдвинуть положение о необходимости целевого заселения Сибири и Дальнего Востока. Целевое заселение должно предусматривать выделение для переселенцев наиболее важных в стратегическом плане территорий.

Для эффективного заселения и развития территорий Сибири и Дальнего Востока необходимо привлечение в первую очередь экономически активных людей, социальных лидеров, которые

способны будут реализовать на осваиваемых территориях свой талант, профессиональный опыт и знания.

Целевое заселение должно быть соответствующим образом простимулировано государством. Основные стимулы могли бы быть следующие: наделение переселенцев земельными участками в собственность, льготное налогообложение и кредитование, предоставление временного жилья, предоставление гарантий безопасности, упрощенная схема получения гражданства для мигрантов. Государственную поддержку и стимулирование необходимо осуществлять при условии, что у переселенцев существует бизнес план, который прошел экономическую экспертизу, а также, если этот план корреспондирует с планом социально-экономического развития региона.

2. Формирование транспортной системы на основе модернизации действующих магистралей, таких как Транссиб, БАМ и др., и строительство новых, в том числе трансконтинентальных транспортных коридоров соединяющих западную и восточную части Евразии.

Целевое освоение и социально-экономическое развитие восточных регионов должно опираться на разумную систему расселения, в основе которой должна лежать разветвленная транспортная система. В формировании транспортной системы важную роль как альтернатива окружным океанским маршрутам между странами АТР и Европы должен играть Транссиб. Для этого его необходимо преобразовать в скоростную грузопассажирскую транзитную магистраль, способную принять на себя межрегиональные пассажирские перевозки и международный грузовой (контейнерный) поток.

В то же время сегодня для создания международной транспортной магистрали как никогда остро стоит вопрос стыковки транспортных систем Американского континента и Азии. Для создания благоприятных условий социально-экономического развития рассматриваемого пространства необходимо строительство нового многофункционального Трансконтинентального транспортного коридора. Идея строительства такого коридора или Беринговой межконтинентальной магистрали обсуждается более 100 лет. Сегодня эта идея может быть реализована, и новый транспортный путь мог бы пролегать в районе 60-й параллели, поскольку предлагаемый маршрут из Европы в Америку по данной широте самый короткий. В транспортном отноше-

нии это должен быть взаимодействующий с Транссибом мощный информационно-транспортный коридор.

Строительство такого транспортного коридора преследует, прежде всего, национальные интересы России – приумножение экономической и обороной мощи страны. Помимо транспортной функции данная система будет нести оборонную нагрузку, представляя собой вторую стратегическую линию военно-оборонительной инфраструктуры.

Он также позволил бы скоординировать работу различных видов транспорта с эксплуатацией Северного морского пути. Северный морской путь при этом мог бы обслуживать не только арктическую прибрежную зону, но и стать арктическим коридором массовых транзитных перевозок как это и сложилось в XX в. Для экономического развития Севера, Сибири и Дальнего Востока, налаживания межрегиональных связей особое значение будет иметь строительство меридиональных путей и формировании в связи с этим опорной транспортной решетки. Только в этом случае можно говорить о цивилизационном прорыве на Востоке страны и вступлении Сибири и Дальнего Востока в XXI в., когда главными факторами развития становятся коммуникации и человеческий капитал.

3. Создание вдоль траектории планируемой магистрали нескольких научно-производственных комплексов («точек роста») по типу наукоградов и формирование Восточной столицы России.

В настоящее время в системе мировой экономики интенсивно нарастают евразийские научные, торговые и экономические связи. Вдоль планируемого транспортного коридора может быть сформирован новый научный и экономический пояс, подобный созданному в XX в. вдоль Транссиба. Новый пояс должен формироваться на основе строительства новых городов как будущих центров научно-производственных комплексов. По нашему мнению будущие города необходимо строить по типу наукоградов с перспективой превращения их в центры развития науки и производства.

По сути своей такие города будут являться «точками роста» в социально-экономическом развитии Восточной Сибири и Дальнего Востока. Города-наукограды должны стать связующим звеном всей инфраструктуры нового Трансконтиненталь-

ного транспортного коридора и транспортной системы восточных территорий России в целом.

Одновременно города-наукограды должны стать центрами формирования ядра нового российского социума, с более качественными социальными и духовно-нравственными параметрами, а в долгосрочной перспективе основными центрами восточной цивилизации России.

Социальная система городов-наукоградов, организованная в соответствии с изложенными социальными параметрами, позволила бы привлечь на Северо-Восток России наиболее интеллектуальную и духовную часть населения Российской Федерации, а так же соотечественников, как из стран СНГ, так и из стран дальнего зарубежья.

В подтверждении идеи формирования восточной столицы хотелось бы привести слова А.Бутовской автора письма В.Путину в бытность его Президентом России «Работа над строительством столицы в Сибири, оживит, омолодит, вольтет, свежую струю в центр управления страной, ведь сибиряки и дальневосточники совсем особый народ, потому, что Сибирь имеет свою особую историю: в Сибири никогда не было крепостного права, сюда бежали от своих господ наиболее решительные и смелые крестьяне; сюда ссылались участники крестьянских восстаний, опальные вельможи и непокорные служители церкви, декабристы и революционеры – все, кто был способен протестовать, сопротивляться, бороться. Поэтому сибиряки и дальневосточники, крепки телом и духом, свободолюбивы и независимы, энергичны и мужественны, отважны и деловиты, самоотверженны и прямодушны, решительны и не суесловны. Там один человек выполняет работу, которой в Москве занимается целая группа; там сама жизнь, суровая и нелегкая, требует быстроты решения, скорости исполнения, личной ответственности» [3].

Приведенный в статье анализ социокультурных процессов происходящих в Москве показывает, что для придания поступательного развития России, возможно вновь наступило время для смены столицы. Этот анализ указывает, где желательно с точки зрения социального проектирования формировать новую столицу страны.

С геополитической точки зрения такой территорией мог бы вполне стать город Иркутск или северо-восточный район Иркутской области.

Какие возможны результаты в случае принятия решения о формировании и строительстве восточной столицы России, опорной точки сибирского региона:

- акцент цивилизационного развития переносится в восточные территории. Россия начинает более активно взаимодействовать со странами АТР и оперативно, и что самое главное более эффективно проводить внешнюю политику государства в этом регионе;

- создаются реальные условия для реализации крупномасштабного проекта освоения русского Севера, Сибири и Дальнего Востока;

- Сибирь и Дальний Восток становятся привлекательными регионами для живущего в этом регионе населения, и началом политики целевого заселения Сибири соотечественниками из стран дальнего и ближнего зарубежья;

- улучшается демографическая ситуация в регионе;

- создаются условия для ликвидации господства коррумпированной московской бюрократии, которая в Сибирь не поедет. Это позволит привлечь в органы государственной власти и управления в первую очередь местных жителей, людей обладающих государственным мышлением, высокопрофессиональных, подготовленных кадров, таким образом, в жилы государственной элиты вливается свежая дальневосточная и сибирская кровь;

- активизируется деятельность органов государственной власти по реализации действительно общенациональных, крупномасштабных проектов, выступающих общим делом для всего населения России;

- в политическом плане Россия заявляет, что эта территория наша, и мы не собираемся ее ни кому отдавать.

Конечно же, этот список можно продолжить. Завершая статью можно сказать только одно, тема восточной столицы дискуссионная. Ее можно и нужно обсуждать, но, ни в коем случае нельзя с ходу отвергать, какой бы фантастичной, футурологичной она не казалась.

Если подойти к строительству, формированию столицы на востоке страны с рациональных позиций, то эта идея должна

быть воплощена в жизнь, хотя бы только потому, что новая столица задаст импульс и будет способствовать воплощению в жизнь крупномасштабного проекта по освоению и социальному развитию Сибири и Дальнего Востока, которые составляют две трети территории Российской Федерации.

Реализация же такого проекта может дать смысл существования многим российским гражданам, стать тем общим делом, которое способно сплотить и консолидировать население страны, сформировать в нем мотивацию совершенствования, развития, модернизации, разрушить и нейтрализовать нарастающие негативные тенденции в нашем обществе связанные с одной стороны с социальной апатией, с другой немотивированной агрессией.

Примечания

1. Романов И. А., Забаев И. В., Чернов В. В. Геополитика России. Стратегия восточных территорий. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 148.
2. Шереги Ф. Э. Социология политики: прикладные исследования. М., 2003. С. 25.
3. Крупнов Ю. В. Россия между западом и востоком: Курс норд-ост. – СПб. : Нева, 2004. С. 369. Сер. Русский путь.

V. V. Chernov

Russian State University for The Humanities,
Moscow

On the issue of the Eastern Capital of Russia

In the article the idea of forming and building East capital which in prospect could be the capital of Russia is considered from a position of social projecting. The article provides the analysis of fulfillment of capital functions in modern Moscow. The author of the article considers and offers various variants of forming Eastern capital in Irkutsk region, and provides well-founded arguments in favor of such idea that show the possibilities of social and economic development of Siberia, which depends on realization of the project of Eastern capital of Russia.

Keywords: capital, region, social projecting, social development, economic development.

Роль городского сообщества в уникальности конструирования Концепции стратегии социально-экономического развития города Иркутска

В работе акцентируется внимание на уникальности конструирования Концепции стратегии социально-экономического развития города Иркутска. Освещаются особенности современных дискурсивных практик по ключевым проблемам развития города. Прослеживаются тенденции повышения роли городского сообщества в практике конструирования долгосрочных концепций городского развития.

Ключевые слова: город, городское сообщество, стратегия, социально-экономическое развитие.

Во второй половине 2000-х гг. российским государством был взят курс на долгосрочное социально-экономическое развитие, характеризующееся процессами модернизации и внедрением инноваций. На уровне регионов и муниципальных образований актуализировался вопрос о необходимости разработки новых концепций стратегий их социально-экономического развития. Новые тенденции и направления социально-экономического развития России нашли отражение в политике города Иркутска как крупного российского города. Впервые в современной истории города встал вопрос о конструировании Концепции стратегии социально-экономического развития города Иркутска с привлечением не только органов власти, научной общественности, но и представителей бизнеса, некоммерческого сектора, заинтересованных горожан.

В системе стратегического планирования Концепция стратегии является основополагающим документом, базой для общественного обсуждения, задающим философию развития города [1]. Концепция стратегии социально-экономического развития города Иркутска до 2025 г. разработана с учетом:

– Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р;

– Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 г. № 1120;

– Стратегии социально-экономического развития Дальнего востока и Байкальского региона до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р;

– Концепции социально-экономического развития Иркутской области, отраслевых стратегий и концепций развития.

По своей структуре Концепция состоит из 10 разделов, начиная от характеристики исторического контекста и анализа современной ситуации в городе, с учетом современных вызовов, до определения путей пространственного развития города. В качестве основных принципов, закладываемых в Концепцию стратегии, выступили:

– принцип ограниченности ресурсов и стратегических приоритетов;

– принцип приоритетов развития (принцип step-by-step);

– принцип смены критериев развития.

Развертывание стратегии согласно новой Концепции осуществляется по трем взаимосвязанным плоскостям, определяющим качество жизни человека:

– развитие городской среды;

– развитие социокультурной политики;

– развитие экономических процессов.

Важно обратить внимание на тот факт, что Концепцией предусмотрены работы по улучшению социального самочувствия в городе. В качестве основных принципов организации такого рода работ выступили:

– принцип последовательности и постепенности;

– принцип малых, но частых успехов;

– принцип публичности;

– принцип институциональной закреплённости;

– принцип взаимной информированности;

– принцип открытости.

Учитывая все базовые принципы и условия конструирования данной Концепции, мы со всей определенностью можем говорить об ее уникальности, как и об уникальности вектора исторического развития города Иркутска, который должен раз-

вернуться в будущее. Главный вопрос, который был поставлен перед населением и общественностью, различными структурами в процессе обсуждений, – за счет привлечения каких ресурсов и в каком направлении должно идти развитие города?

О характере и содержании обсуждений Концепции стратегии свидетельствует целый ряд конкретных мероприятий, посвященных разработке Стратегии социально-экономического развития города Иркутска до 2025 г. Прежде всего, была создана Экспертная группа по работе над Стратегией развития Иркутска до 2025 г. с участием Иркутского регионального объединения работодателей «Партнерство товаропроизводителей и предпринимателей», организованы и проведены различные экспертные площадки (в числе которых, площадки на базе клуба политического действия «4 ноября», Иркутской региональной организации «Союз Архитекторов России» и др.). Ярким событием для научной общественности стала организованная Институтом социальных наук ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет» совместно с Администрацией города Иркутска Международная научно-практическая Интернет-конференция «Иркутск: традиции и проектирование будущего», посвященная 350-летию города Иркутска (11–27 апреля 2011 г.), итогом которой явилось принятие резолюции, отражающей идеи социального партнерства в решении проблем сохранения и развития традиций города и проектирования будущего.

По мнению участников конференции, важным вектором развития Иркутска является поэтапное движение к формированию креативного города на основе активного использования социального капитала города и его выгодного географического положения как центра кросскультурных взаимодействий. Резолюция содержит тезис о том, что «устойчивое развитие местного сообщества города может реализоваться только в рамках системы социального партнерства, увязывающей воедино интересы основных действующих в нем сил – сообщества, местной власти и бизнеса». Основой такой системы является стратегия развития города, разработанная с вовлечением всех активных сил местного сообщества и принятая в качестве официальной программы действий местной власти.

Заявлено, что основные положения Концепции стратегии социально-экономического развития города в полной мере основаны на историческом контексте развития Иркутска и

учитывают современные вызовы, стоящие перед городом в современном мире. Поддержка инициатив и формирование доверия, совместно и действиями в области экономического развития, реконструкции городской среды, развитием систем городского транспорта и инженерных систем приведет к изменению социального самочувствия и настроения граждан. Одним из направлений формирования благоприятного климата для проживания иркутян следует считать восстановление традиционных садов и парков, сохранение имеющегося лесного массива города, развитие Ботанического сада ИГУ. Серьезным шагом является и создание инновационно-внедренческих центров при органах управления, в высших учебных заведениях, научных центрах, расширение объема международных услуг в области образования.

Проведение экспертных семинаров, стратегических сессий с привлечением к обсуждению федеральных экспертов, и других мероприятий свидетельствует о переходе дискуссий, связанных с будущим города, в практическую плоскость. В этой связи возросла и роль городского сообщества, которое выступило активным участником конструирования Концепции стратегии социально-экономического развития города Иркутска.

В ходе дискуссий участники были единодушны в том, что в условиях, когда идет конкуренция городов за человеческие, финансовые и организационные ресурсы, развитие Иркутска должно осуществляться по двум направлениям: во-первых, за счет сохранения уникальности города; во-вторых, посредством встраиваемости Иркутска в мировые глобальные процессы. Будущее Иркутска как культурно-исторического центра и административной столицы региона напрямую связано с сохранением и развитием его человеческих и социальных ресурсов. В первую очередь необходимо развитие пространственной инфраструктуры города, создание специальной промышленной зоны, развитие сфер малого и среднего бизнеса. Серьезное значение имеет агломерационный ресурс города за статус столицы как ответ на вызов укрупнения территорий. Больше внимания следует уделять культурной политике города. Речь идет о сохранении исторического наследия как пути отстаивания собственной идентичности в условиях глобализации, возможностях Иркутска стать культурной столицей на пересечении Европы и Азии посредством вовлеченности граждан в жизнь города. В соответствии с

целью стратегии Иркутск призван стать крупным деловым и креативным центром: «Стратегическая цель – стать неформальной столицей Байкальского региона, привлекающей и удерживающей «креативный» класс, который в свою очередь становится генератором и проводником изменений города к лучшему».

Литература

1. Концепция стратегии социально-экономического развития города Иркутска (проект для обсуждения). – Иркутск : Администрация города Иркутска, 2011. – 20 с.

Almukhamedov A. A.

Irkutsk City Administration, Irkutsk

The role of municipal community in the uniqueness of the construction of the Conception of the strategy for Irkutsk social-economic development

The article discusses the uniqueness of the construction of the Conception of the strategy for Irkutsk social-economic development. The peculiarities of modern discourse practices for the key problems of city development are presented. The tendency for the rising role of city community in the practice of constructing long-term conceptions of city development is emphasized in the given article.

Keywords: city, municipal community, strategy, social-economic development.

Качество жизни в городах как приоритетное направление социально-экономического развития

На основе данных эмпирического исследования «Социальные проблемы становления постиндустриального общества: Беларусь – Россия» определены основные направления повышения качества жизни населения в городах: уровня благосостояния населения, качества социальной среды, социального самочувствия (оптимизма) в обществе, качества экологии и доступности медицинского обслуживания. Выявлены направления оптимизации социальных механизмов постиндустриальных преобразований в городах, компенсирующие возможные негативные социальные тенденции и последствия.

Ключевые слова: город, городское сообщество, качество жизни, социально-экономическое развитие.

В современных условиях социально-экономическое развитие постсоветских стран и регионов ориентировано на обеспечение высокого уровня и качества жизни населения. В условиях глобальной ограниченности материальных и энергетических ресурсов город выступает основной социально-пространственной формой существования общества, которая отличается высокой степенью организации среды жизнедеятельности, и к которой население предъявляет высокие ожидания в плане обеспечения достойного уровня и качества жизни. Своевременность и эффективность социального планирования развития городов, социальной инфраструктуры города, степень их соответствия ожиданиям населения, во многом определяют общественное мнение о качестве жизни в городах. Возникновение и развитие социальной инфраструктуры города – объективный социально-экономический процесс, протекающий в русле развития общего механизма городского устройства. При переходе от индустриального к постиндустриальному обществу происходит рост уровня жизни населения, обуславливающий рост требований к качеству жизни, в связи с чем самостоятельное значение социальной инфраструктуры города возрастает, а организация её оптимального функционирования и соответствия социальным

стандартам становится одной из основных задач социально-экономического развития городов.

Исходя из концепции социальных показателей и стандартов, мы рассматриваем уровень жизни как социально-экономическую категорию, выражающую обеспеченность населения потребительскими благами, которые характеризуются количественными показателями, абстрагированными от их качественных значений, а качество жизни – как социологическую категорию, выражающую степень удовлетворенности разных групп населения условиями своей жизнедеятельности, а также степень самореализации в трудовой деятельности и степень потребления инновационных видов услуг [1, с. 41–52]. Категория «качество жизни» является интегральной характеристикой удовлетворенности разных групп населения условиями своей жизнедеятельности с точки зрения не только уровня доходов и потребления, но и медицинского обслуживания (здравоохранения), доступности образования, пенсионного обеспечения, жилищных условий, условий труда и отдыха и т. д.

Социологический анализ проблем качества жизни основан на данных республиканского социологического исследования «Уровень и качество жизни белорусского населения», проведенного Отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси в 2009 г. при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант РГНФ–БРФФИ «Социальные проблемы становления постиндустриального общества: Беларусь–Россия», 2009–2011 гг. (№ госрегистрации 20091752). Руководитель проекта – д-р филос. наук, профессор Г. Н. Соколова, исполнители – канд. соц. наук. Н. Н. Сечко, канд. соц. наук. Е. В. Таранова). В контексте данного исследования при оценке качества жизни населения изучались следующие компоненты: 1. Уровень жизни (благосостояние). Он характеризуется такими частными индексами как индекс материального уровня жизни, индекс удовлетворенности жильем, индекс доступности медицинской помощи, индекс доступности образования – позволяют отслеживать обеспеченность социальными стандартами качества жизни всех жителей страны. 2. Качество социальной среды. Он характеризуется такими частными индексами как индекс самоидентификации с жителями своего поселения – формируется такой уровень самоидентификации с данным обществом, когда

жители испытывают чувство гордости и желание жить в своей стране и своем регионе; индекс защищенности от преступности, индекс защищенности от бедности, индекс защищенности от произвола чиновников, индекс защищенности от произвола правоохранительных органов – характеризует отношение граждан к государству как эффективному защитнику своих жизненных интересов, доверие к органам власти на всех уровнях – от руководства страны до органов местного управления и к правоохранительной системе. 3. Качество природной среды. Характеризуется такими частными индексами как индекс защищенности от экологической угрозы (радиационной, токсических загрязнений и т. д.), индекс чистоты воздуха, индекс чистоты воды. 4. Социальное самочувствие населения. Характеризуется такими частными индексами как индекс уверенности в будущем, индекс удовлетворенности жизнью, индекс психологического самочувствия. Социальное самочувствие является обобщенным индикатором оценки населением социально-экономической ситуации в стране и индикатором реакции на происходящие в обществе преобразования. Социальное самочувствие человека определяется степенью удовлетворения его основных социальных потребностей. Компонент политической стабильности и демократии в современных условиях российскими и белорусскими исследователями не изучается в связи с малым влиянием этого компонента на качество жизни в восприятии населения.

Результаты исследования выявили, что для большинства белорусского населения понятие «высокое качество жизни» означает, прежде всего, достаток в семье (80,5 %), хорошее здоровье (66,7 %), хорошие жилищные условия (59,2 %), уверенность в завтрашнем дне (49,8 %) и возможность не экономить на элементарном и не отказывать себе в самом необходимом (46,3 %). Однако сравнение характеристик социально-экономического развития городов и регионов показало, что у населения городов, и особенно столичного региона, сформировались более высокие требования и критерии оценки уровня и качества своей жизни. Согласно статистическим данным, социальные проблемы малообеспеченности более остро стоят в регионах Беларуси, особенно для жителей сельской местности: доходы городских домашних хозяйств в 2008 г. превышали доходы сельских домашних хозяйств на 37,2 % (в 2007 г. – на 44,3 %); наиболее низкий уровень малообеспеченности населения, на начало 2010 г., наблю-

даемый в г. Минске, составил – 0,8 %. Однако при оценке качества своей жизни и жизненной ситуации в целом полагают, что «все более чем нормально» 8,6 % жителей регионов и только 4,5 % минчан. При оценке качества своей жизни наиболее высокие оценки дали жители малых и средних городов и проживающие в сельской местности, более низкие оценки характерны для респондентов в областных центрах (Брест, Могилев, Гомель, Витебск, Гродно) и столице (г. Минск), что свидетельствует о более высоких притязаниях и уровне запросов проживающих в них категорий граждан, так как по отдельным компонентам качества жизни (уровень доходов, доступность медицинской помощи, образования и иных видов услуг) жители столичного региона и областных центров характеризуются большей обеспеченностью (табл. 1).

Таблица 1

Оценка белорусским населением их качества жизни, региональная специфика, %

<i>Варианты ответов</i>	В целом по выборке	Село	Областные центры	Малые и средние города	Минск
Высокое	0,9	0,9	1,1	1,5	0,0
Выше среднего	6,2	3,5	8,9	7,3	5,4
Среднее	59,8	65,7	53,2	62,2	52,9
Ниже среднего	21,5	20,8	21,6	16,3	31,3
Низкое	5,3	5,0	7,4	4,4	5,4
Затруднились ответить	6,3	4,0	7,8	8,4	5,0
Всего	100	100	100	100	100
<i>Индекс оценок качества жизни</i>	40,1	44,3	34,2	50,3	21,6

У жителей белорусских городов, по сравнению с регионами, сформировались более высокие требования к уровню обеспеченности в городах социальными стандартами потребления, комфорта и социального обслуживания. Например, для минчан более важно иметь хорошие жилищные условия (Минск – 69,6 % респондентов, регионы – 55,8 %), возможность не экономить на элементарном и не отказывать себе в самом необходимом (Минск – 51,0 % респондентов, регионы – 44,7 %), отдыхать, проводить отпуск так, как хочется (Минск – 42,9 % респондентов, регионы – 34,9 %), а также возможность получать доступ-

ное и качественное медицинское обслуживание по месту проживания.

Результаты исследования выявили, что проблемы качества и доступности медицинского обслуживания являются одними из наиболее актуальных в социально-экономическом развитии городов. Согласно общественному мнению категория «здоровья» стоит на втором месте в рейтинге компонентов высокого качества жизни населения, и наличие возможностей его поддерживать и сохранять существенно влияет на интегральные оценки населением их уровня и качества жизни. Здоровье является одной из базисных ценностей белорусского населения, значимость здоровья как ресурса и капитала возрастает в ситуациях социально-экономической нестабильности, когда многие другие ресурсы (накопленные ранее сбережения, профессиональный статус, позиция на рынке труда) начинают обесцениваться или становятся неустойчивыми, и людям приходится активизировать свою трудовую и экономическую активность для сохранения и поддержания достигнутого уровня и качества жизни (а для этого, как минимум, необходимо быть здоровым и трудоспособным). В ходе трансформационных процессов в экономике Беларуси в 2003–2004 гг. здоровье как основную жизненную ценность отмечали практически 9/10 белорусов, по мере стабилизации экономической ситуации и роста уровня жизни в 2001–2007 гг. оценки снижаются (46,8 – 53,3 %), однако в 2008 – 2010 гг. в ситуации нарастания напряженности в связи с финансово-экономическим кризисом осознание значимости здоровья вновь начинает возрастать (до 55,9 %). Население Беларуси сдержанно оценивает уровень своего здоровья: за период 2002–2007 гг. оценивают состояние своего здоровья как «хорошее» 15 % респондентов, наблюдается уменьшение до 1/5 численности населения, оценивающего свое здоровье как «плохое», однако это происходит за счет улучшения показателей здоровья до «удовлетворительного» уровня, а не за счет роста групп с хорошим здоровьем.

В Беларуси сформирована система социальных стандартов (основание – Закон РБ «О государственных минимальных социальных стандартах»), определяющая минимальный уровень гарантий для жителей Беларуси и задающая минимальную «планку» *уровня и качества жизни*, относительно которой недопустимо снижать объем и качество предоставляемых населению

услуг. Значительное внимание уделяется показателям состояния и охраны здоровья, развитию сферы здравоохранения в городах и регионах страны. Координаторами по данному направлению выступают Министерство труда и социальной защиты (осуществление контроля за реализацией программы) и Министерство здравоохранения. Одна из отличительных особенностей белорусской модели здравоохранения – сформированная система социальных стандартов, к которым в сфере здравоохранения относятся и выполняются: норматив обеспеченности врачами первичного звена (1 врач на 1223 жителей при плановом – 1300); норматив обеспеченности койками стационаров с круглосуточным пребыванием (10 коек на 1 тыс. жителей при плановом: 9 – для областей и 8 – для г. Минска); норматив обеспеченности аптеками (1 аптека на 5800 жителей, при плановом – на 8 тыс. жителей); норматив обеспеченности бригадами скорой медицинской помощи (1 бригада на 11360 жителей, при плане 12 000 / 12 500 для областей / г. Минска, согласно данным 2009 г. По инициативе Министерства здравоохранения РБ в 2007 г. данный перечень был дополнен следующими нормативами: санитарно-технического обеспечения организаций здравоохранения, наличия медицинских транспортных средств, наличие аптечной организации (для агрогородков). Одной из основных неразрешенных на сегодняшний день *социальных проблем* остается нехватка медицинских специалистов узкого профиля, и особенно в медицинских учреждениях сельской местности.

Результаты проведенного исследования выявили, что существует ряд социальных проблем при оценке качества и доступности медицинской помощи: индекс доступности медицинской помощи в целом характеризуется отрицательной величиной и составляет – 3,4 пункта, более высокие оценки респонденты дали амбулаторно-поликлинической помощи – индекс доступности амбулаторно-поликлинической помощи составляет 13,9 пунктов, индекс доступности стоматологического обслуживания составил 23,9 пункта, наиболее высоко в Республике Беларусь население оценивает доступность скорой медицинской помощи – индекс доступности скорой медицинской помощи составил 41,2 пункта, 66,2 % респондентов «удовлетворены и скорее удовлетворены» услугами скорой медицинской помощи (табл. 2).

**Удовлетворенность населения Беларуси качеством
и доступностью медицинского обслуживания, %**

<i>Варианты ответов</i>	Удовле- творены	Скорее удовле- творены	Скорее не удовлетво- рены	Не удов- летворе- ны	Затруд- няюсь ответить
Качеством, дос- тупностью меди- цинского обслу- живания в целом	14,3	31,4	28,0	21,1	5,2
Доступностью амбулаторно- поликлинической помощи	16,1	37,0	23,5	15,7	7,7
Доступностью скорой медицин- ской помощи	24,4	41,8	17,0	8,0	8,8
Доступностью стоматологическо- го обслуживания	21,3	36,6	18,9	15,1	8,1
<i>Индекс доступности медицинской помощи в це- лом</i>					– 3,4
<i>Индекс доступности амбулаторно- поликлинической помощи</i>					13,9
<i>Индекс доступности скорой медицинской помощи</i>					41,2
<i>Индекс доступности стоматологического об- служивания</i>					23,9

Результаты республиканских социологических мониторингов свидетельствуют, что качество и доступность медицинского обслуживания на протяжении ряда лет имеют столь же высокий уровень в рейтинге проблем, волнующих белорусское население, как и проблемы «здоровья» (табл. 3). Состояние системы здравоохранения в равной мере беспокоит как городское, так и сельское население. С 2002 по 2005 гг. население Беларуси отмечало существенное ухудшение состояния медицинской помощи: в 2002 г. доля населения, отметившего ухудшение («скорее ухудшилось» и «ухудшилось») составила 56,2 %, в 2004 г. – 37,8 %. В 2006 г. наступил перелом в оценках населения, и численность тех, кто отметил улучшение состояния медицинской помощи за последние 5 лет («улучшилось», «скорее улучшилось») составила 37,5 %, превысив практически в 4 раза числен-

ность тех, кто отмечал ухудшение (9,7 %). В то же время ситуация на данный момент еще далека от идеальной: 17,8 % сельского населения (каждый шестой житель) отмечает ухудшение состояния медицинской помощи за последние 5 лет, а каждый пятый – затрудняется дать оценку происходящим в системе здравоохранения изменениям. Отметим, что в целом на протяжении исследуемого периода улучшение данного показателя у жителей села является несколько более выраженным, чем у жителей города. В 2003–2010 гг. произошел рост численности респондентов, у которых хватало средств на оплату лечения и медикаментов с 40,8 до 53,3 %, численность тех, у кого не хватало на это средств, снизилась с 43,2 до 31,1 % населения.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос:
«Какие проблемы волнуют Вас больше всего?», %**

Варианты ответа	2007 г.		2008 г.		2009 г.	
	<i>город</i>	<i>село</i>	<i>город</i>	<i>село</i>	<i>город</i>	<i>село</i>
<i>Качество и доступность медицинского обслуживания в целом</i>						
Волнует	40,7	40,7	46,9	49,6	58,3	60,3
Не волнует	59,3	59,3	53,1	50,4	41,7	39,7
Итого	100	100	100	100	100	100

В целом результаты исследования выявили, что «здоровье» является значимым компонентом качества жизни: среди респондентов, оценивающих качество своей жизни как «высокое» состояние своего здоровья как «хорошее» оценивают 61,5 %, «удовлетворительное» – 30,8 %, а как «плохое» – 7,7 %, в то же время среди респондентов, оценивающих качество своей жизни как «низкое» состояние своего здоровья как «хорошее» оценивают всего 3,8 %, «удовлетворительное» – 47,4 %, а как «плохое» – 39,7 %. Результаты анализа общественного мнения о состоянии системы здравоохранения в Беларуси показали, что на протяжении исследуемого периода (2003–2009 гг.) наблюдалось улучшение оценки населением состояния медицинской помощи и доступности оплаты лечения и медикаментов. При этом, оценка состояния медицинской помощи городскими жителями повысилась в 2 раза, сельскими – в 3 раза. Динамика оценок свидетельствует о том, что меры, направленные на улучшение медицинского обслуживания граждан в Беларуси, воспринимаются положительно и соответствуют социальным ожиданиям людей.

Вместе с тем, сохраняет свою актуальность проблема доступности лекарственного обеспечения, стоимости лечения и медикаментов как для городского, так и для сельского населения. В данной связи в рамках социальной политики государства должны осуществляться масштабные меры, направленные на преодоление социального неравенства в вопросах здоровья и повышение доступности медицинского обслуживания для всех категорий населения. Программы социально-экономического развития городов должны быть ориентированы на повышение качества и доступности медицинского обслуживания, улучшение показателей здоровья населения как одной из важнейших составляющих повышения качества жизни в стране.

Литература

1. Соколова Г. Н. Уровень и качество жизни как предпосылки перехода к постиндустриальному обществу / Г. Н. Соколова, Н. Н. Сечко, Е. В. Таранова // Социология. – 2010. – № 4. – С. 42–52.

2. Сечко Н. Н. Здоровье как компонент качества жизни населения / Н. Н. Сечко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/uploaded/400/10937_4cfc.pdf, свободный.

N. N. Sechko

Institute of Sociology, Belarus National Academy of Sciences,
Republic of Belarus, Minsk

Quality of Life in Cities as Main Direction of Socio-economic Development

On the basis of the results of empirical research “The Social Problems of Postindustrial Society Forming: Belarus–Russia” the main directions of rising of quality of life in the cities are defined: level of people welfare, social environment quality, social optimism in society, ecology and health protection. The main directions of optimization of social mechanisms for postindustrial transformations in cities in order to compensate the negative social tendencies are discovered.

Keywords: city, municipal community, quality of life, social-economic development.

Сравнительный ретроспективный и социально-экономический анализ г. Иркутска в среде однотипных городов

В статье дан ретроспективный анализ изменения численности населения г. Иркутска на фоне российских городов имеющих примерно одинаковую дату основания и численность населения в интервале 561–610 тыс. чел. Для последних был проведен социально-экономический анализ по выбранному ряду показателей с целью сравнения г. Иркутска с типичным городом в выбранном интервале численности населения.

Ключевые слова: город, городское сообщество, социально-экономическое развитие, историческое развитие, ретроспективный анализ, социально-экономический анализ.

Понятие «город» имеет много ракурсов рассмотрения: с географической, административной, экономической, социальной, исторической, информационной, технической и др. позиций. В результате чего мы можем дать ему множество определений и установить специфику города в данном аспекте рассмотрения (табл. 1).

Иркутск входит в плеяду многих городов берущих начало во второй половине XVII в.: Томск 1604 г., Новокузнецк 1618 г., Красноярск 1628 г., Якутск 1631 г., Тамбов 1636 г., Саранск 1641 г., г. Чита 1653 г., Иркутск 1661, Курган 1662 г., Пенза 1663 г., Улан-Удэ 1666 г., Сызрань 1683 г., Таганрог 1698 г. и др. Каждый из этих городов, возникших в XVII в. в будущем ждала своя уникальная судьба и история, которая в первую очередь связана с живущими в них людьми. Города, возникшие в одно время, развивались по-разному. Это, прежде всего, видно по динамике их численности за последние более чем 100 лет (рис. 1.). Находясь примерно в одинаковом положении по численности населения на конец XIX в. и имея одинаковую более чем вековую историю начиная с 20-х гг. XX в. эти города увеличивают между собой отрыв в развитии, тем самым каждый попадает в свою социально-экономическую, административную и др. нишу.

Определение города и комментарии в отношении г. Иркутска

Определение	Комментарии в отношении места г. Иркутска в этой категории понимания
Город – это место совместного проживания и жизнедеятельности большой группы людей (для РФ более 12 тыс. чел.) и занимающихся несельским хозяйством	Иркутск относится к категории больших и крупных городов с населением от 150 тыс. до 1 млн.
Город – это зона компактного расположения технических и инфраструктурных объектов	Площадь города Иркутска составляет более 432 км ²
Город – это объект территориально-административного деления страны	Иркутск является административным центром Иркутской области РФ
Город – это уникальное историческое поселение	Иркутск признан одним из 41 исторических поселений России ³ .
Город – это уникальная социокультурная среда общества и др.	В Иркутске жили и работали: русский публицист и революционер Виктор Мандельберг, русский советский ученый и писатель-фантаст Владимир Обручев, вертолетные конструкторы Камов и Миль, драматург Александр Вампилов, писатели Константин Седых, Георгий Марков, Геннадий Машкин, режиссёр Леонид Гайдай, поэт Марк Сергеев и многие другие деятели культуры и искусства.

³ Министерство культуры РФ опубликовало приказ № 418/339, от 29 июля 2010 г. в котором утверждён список поселений, получивших статус «исторические». По сравнению со списком 2002 года количество поселений в нём сокращено более чем в 10 раз — теперь в списке всего 41 населённый пункт: Азов, Арзамас, Астрахань, Белозерск, Великий Устюг, Верхотурье, Владимир, Вольск, Выборг, Галич, Гороховец, Дербент, Елабуга, Елец, Енисейск, Зарайск, Иркутск, Касимов, Каргополь, Кинешма, Коломна, Кострома, Крапивна, Кяхта, Осташков, Плёс, Ростов, Санкт-Петербург, Смоленск, Сольвычегодск, Старочеркасская, Суздаль, Таганрог, Томск, Торжок, Торопец, Тотма, Тутаев, Чистополь, Шуя, Ярославль.

В то же время города, возникшие в разное время, но имеющие на текущий момент схожую с Иркутском численность населения (в интервале 561–610 тыс. чел.) показывают весьма однотипные варианты своего развития за последние 100 лет. Кроме того, современная динамика наглядно демонстрирует последовательное сближение уровней численности населения городов низким уровнем их вариации (рис. 2). Происходящее явное сближение городов по численности населения объективно рождает гипотезу о наличии общих черт, условий их развития формирующих однотипные характеристики внутреннего текущего состояния. Последнее нами было изучено на основе простого ряда показателей, характеризующих 9 основных атрибутов жизни населения: рождение, учеба, работа, потребление, отдых, развлечение, преступления, здоровье, смерти. Безусловно, число и состав показателей упрощен и произволен, что с одной стороны связано с отсутствием реального статистического анализа жизнедеятельности населения, с другой стороны, при наличии достаточно узкого текущего статистического учета объектов жизнедеятельности, выбор даже этих параметров просто технически ограничен. Тем не менее, взяв за основу 14 показателей из различных этапов и сфер жизни городских сообществ за 2009 г. (табл. 2), был произведен расчет средних показателей по городам и установлен размер отклонений от этих средних для г. Иркутска. В результате выявлены размеры превышения установленных социально-экономических параметров для г. Иркутска от средних значений в группе однотипных городов (рис. 3), что позволило произвести сравнительную оценку характеристик развития г. Иркутска на фоне среднестатистического города РФ с численностью 561–610 тыс. чел.

Изучая характер отклонений г. Иркутска от средних значений по социально-экономическому развитию однотипных по численности городов, можно установить что, во-первых, наиболее слабые места его развития на фоне типичных городов. К таким местам следует отнести следующие атрибуты жизни населения: работа (среднесписочный состав работников организаций (-12 %) и объем собственной отгруженной продукции (-29,9 %)); потребление (объем расходов городского бюджета (-19,2 %)), а также развлечение (низкое число культурно-досуговых мест) и здоровье (численность врачей).

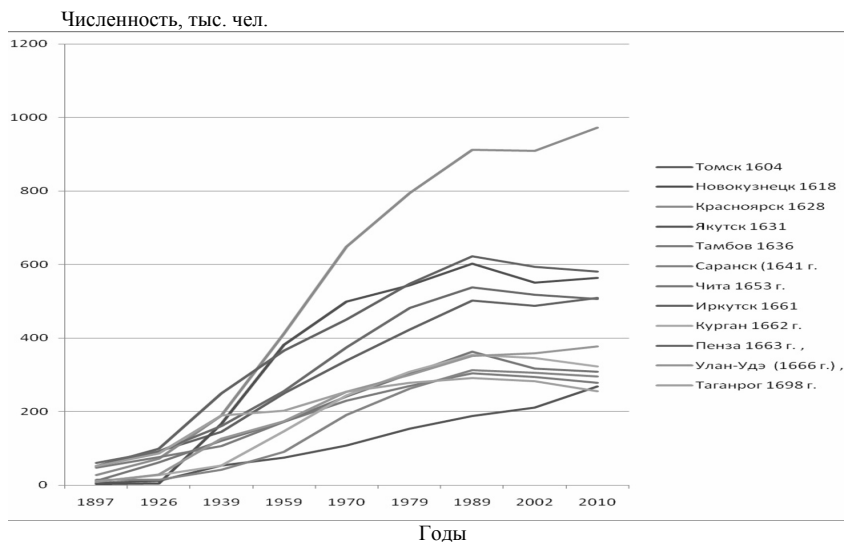

Рис. 1. Динамика численности населения одностипных городов по дате основания

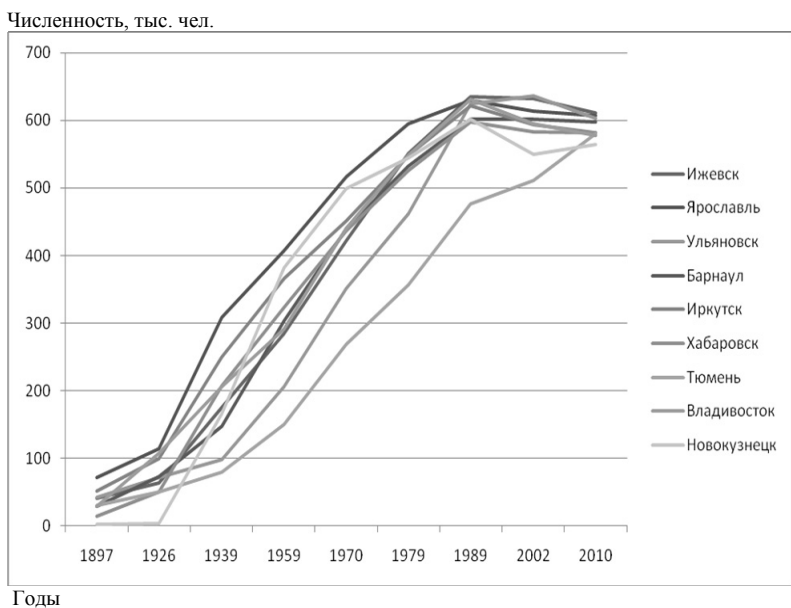

Рис. 2. Динамика численности населения одностипных городов по численности

Таблица 2

Социально-экономические показатели развития однотипных по численности городов за 2009 г.¹

	Новокузнецк 1618 г.	Владивосток 1860 г.	Тюмень 1583 г.	Иркутск 1661 г.	Хабаровск 1838 г.	Барнаул 1846 г.	Ульяновск 1648 г.	Ярославль 1010 г.	Ижевск 1760 г.
Численность населения, тыс. чел.	564	578	580	581	581	598	603	607	610
Рождение									
Коэффициент рождаемости (число родившихся на 1000 населения), чел.	10,6	9,2	12,2	12	10,5	10,6	8,8	9,1	10,8
Учеба									
Численность учащихся в государственных дневных общеобразовательных учреждениях (на начало учебного года) чел.	50187	49149	58000	61212	48100	54908	56459	51000	57429
Численность детей в дошкольных учреждениях, чел.	22443	18693	21300	25735	19621	27229	20383	26114	33884
Работа									
Среднесписочная численность работников организации, чел.	169240	238000	183896	181000	244300	233800	187516	193941	219498
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по основным видам деятельности, млн. рублей	103704,69	35704,9	50993,815	54911,634	45887,6	47707,1	59302,3	91804,384	215255,63

¹ По данным Госкомстата РФ, взятым на сайте <http://www.gks.ru>.

	Новокузнецк 1618 г.	Владивосток 1860 г.	Тюмень 1583 г.	Иркутск 1661 г.	Хабаровск 1858 г.	Барнаул 1846 г.	Ульяновск 1648 г.	Ярославль 1010 г.	Ижевск 1760 г.
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организации, руб.	16127,4	21513	21064	25973	23207	15108	15668,3	17934	17834,3
Потребление (проживание)									
Объем розничной торговли, млрд. рублей	71,4	90,483	94,5	89,9	80,94	89	64,7	78,8	81,8
Объем жилья, млн. м ²	12,3	11,38	14,38	12,06	11,2	12,67	11,9	12,98	11,73
Число жилых квартир в расчете на 1 000 человек населения, единиц	415	425,6	462,35	408,93	394	405	401	416,04	378,7
Общий объем расходов бюджета муниципального образования, млн. руб.	14922,411	7853,531	16350,770	8716,932	13 666,7	7313,349	6770,949	15915,596	8465,812
Отдых/ Развлечение									
Число учреждений культурно-досугового типа (на конец года)	14	10	7	8	9	16	10	15	9
Преступления									
Число зарегистрированных преступлений	12638	23100	31385	25385	20529	25172	13698	13291	26527
Здоровье									
Численность врачей, чел.	2638	5544	4789	4349	5540	4876	4957	5401	4729
Смерти									
Коэффициент смертности (число родившихся на 1000 населения), чел.	17,6	13	11,4	15,2	15,5	14	13,6	17,1	13,7

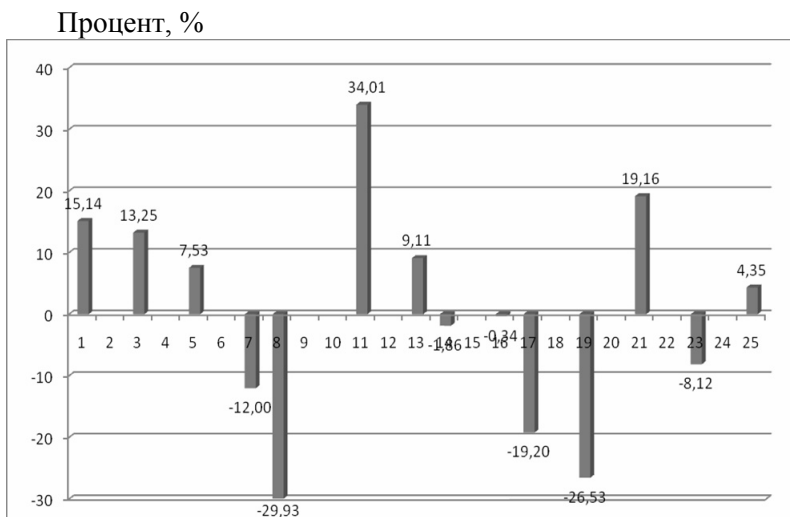

Рис. 3. Анализ процентных отклонений социально-экономических параметров развития г. Иркутска от средних их значений по 9 однотипным городам за 2009 г.

Условные обозначения рисунка

- 15,14 % - превышение над средними значениями по уровню рождаемости;
- 13,25 % - превышение над средними значениями по численности учащихся в государственных дневных общеобразовательных учреждениях;
- 7,53 % - превышение над средними значениями по численности детей в дошкольных учреждениях;
- 12 % - отклонение от средних значений по среднесписочной численности работников организации;
- 29,93 % - отклонение от средних значений по объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по основным видам деятельности;
- 34,01 % - превышение над средними значениями по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников организации;
- 9,11 % - превышение над средними значениями по объему розничной торговли;
- 1,83 % - отклонение от средних значений по объему жилого фонда;
- 0,34 % - отклонение от средних значений по числу жилых квартир в расчете на 1 000 человек населения;
- 19,20 % - отклонение от средних значений по общему объему расходов бюджета муниципального образования;
- 26,53 % - отклонение от средних значений по числу учреждений культурно-досугового типа;
- 19,16 % - превышение над средними значениями по числу зарегистрированных преступлений;
- 8,12 % - отклонение от средних значений по численности врачей;
- 4,35 % - превышение над средними значениями по уровню смертности.

Во-вторых, установить степень или уровень типичности нашего города в среде подобных по численности городов по установленным социально-экономическим характеристикам. Интересным фактом может служить то, что с учетом разности отклонений г. Иркутск на 100 % соответствует средним тенденциям развития городов с численностью от 561–610 тыс. чел.

S. V. Belousova

Department for regional economic and social problems
Irkutsk Scientific Centre
Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Irkutsk

The comparative retrospective and socio-economic analysis of the town of Irkutsk among other towns of the same type

This article provides the retrospective analysis of change in population number in Irkutsk against the towns of approximately same age and number of population in the range of 561–610 thousand people. The chosen number of indicators in the towns was analyzed from socio-economic point of view in order to compare Irkutsk with a typical town of the above-mentioned number of population.

Keywords: city, municipal community, social-economic development, historical development.

Антонова Л. Л.

Экспертное управление Губернатора
Иркутской области
и Правительства Иркутской области, г. Иркутск

Новые стили и традиции взаимодействия Администрации города Иркутска с населением, органами местного самоуправления и бизнесом

Представлена попытка обоснования роли муниципального Управления по информационной политике в формировании институционального характера взаимодействия органов МСУ, хозяйствующих и социальных субъектов на примере г. Иркутска. Утверждается, что целью подобного взаимодействия оказывается не только аналитическая поддержка принятия решений в практической деятельности Администрации города, но и актуализация конституционной формулы публичности городского сообщества, как важнейшего признака модернизации общества, превращающего самостоятельного индивида в «меру всех вещей».

Ключевые слова: местное самоуправление, городская администрация, взаимодействие.

В настоящий момент взаимодействие администраций крупных городов с органами местного самоуправления, населением и бизнесом представляет собой определенную проблему и, как правило, характеризуется низкой эффективностью.

Если обратиться к опыту взаимодействия администраций городов Российской Федерации с населением, бизнесом и органами МСУ, то целью подобного взаимодействия оказывается, прежде всего, на наш взгляд, аналитическая поддержка принятия решений в практической деятельности администраций, которая начинается с утверждения перечня целевых ориентиров и пороговых значений показателей жизнедеятельности городов.

Для выполнения этой работы, обеспечивающей системным анализом разные сферы жизнедеятельности (социально-экономическую, социально-демографическую, социально-политическую, финансовую, производственно-экономическую и т. д.) в городах, как правило, создаются Управления (Комитеты) по информационной политике (например, в городах Барнаул, Вологда, Томск, Тамбов, Иркутск и др.). Наиболее «продвинутые» из них используют элементы системного проекта «Интегрированная система информационно-аналитического обеспече-

ния деятельности руководства администрации города», (разработанный в г. Санкт-Петербург).

Однако из изученных нами стилей взаимодействия, мы не увидели комплексного подхода к осуществлению стоящих перед подобными Управлениями задач: либо планирование ведется от «достигнутого», либо силы распределяются на решение «текущих задач», либо нет четкости в представлениях о роли и миссии самого созданного Управления по информационной политике.

«Общей проблемой и регионального, и местного уровней власти является достаточно низкая в среднем степень активности в поиске и восприятии прогрессивных управленческих и социальных технологий. Преобладает подход к организации работы «как есть», «как всегда», а не «как эффективно и результативно», а также финансирование не результата, а инфраструктуры (в большинстве случаев бюджетирование по результату, элементы которого внедрялись, имело черты не реального творческого подхода, а выполнения «обязательной программы») [1, с. 59].

В связи с важностью роли подобного Управления в составе структурных подразделений администраций городов, обратимся к некоторым, на наш взгляд, наиболее существенным моментам.

Как нам представляется, Управление по информационной политике (далее – Управление, УИП) Администрации города (далее – АГ), в состав которого, скорее всего, должны входить отделы по связям со СМИ и общественностью и отделы информационно-аналитического обеспечения, призван отвечать за разработку и проведение политики АГ в сфере формирования единого управляемого информационного пространства и диалога органов АГ, МСУ, хозяйствующих и социальных субъектов города в целях эффективного решения проблем социально-экономического, социально-политического и культурного развития города Иркутска.

Формирование единого информационного пространства для АГ должно включать сбор, обработку, анализ информации, подготовку информационно-аналитических материалов для Главы города, органов АГ, СМИ, МСУ, представителей целевых групп города, других муниципальных образований Иркутской области, пользователей системы Интернет и т. д., поскольку тот, кто владеет информацией, владеет всем.

Основной задачей УИП, на наш взгляд, является целевое использование информации в решении узловых проблем политического, экономического, экологического, социального и нравственно-культурного развития города путем:

- предоставления Главе города вариантов возможных решений социально-экономических, общественно-политических и других проблем;
- формирования правдивого облика городского самоуправления (реал-имиджа), показ его разноплановой позитивной деятельности, прежде всего, для населения муниципалитета;
- формирование публичности городского сообщества как важнейший признак модернизации общества.

Решение последней задачи, на наш взгляд, является непосредственным смыслом существования самого Управления по информационной политике, поскольку, в свою очередь, прикладным смыслом конституционной формулы муниципальности является именно самостоятельность. Центр тяжести, таким образом, падает на самостоятельного индивида, превращающегося в этом случае в «меру всех вещей». Свободная рыночная экономика, современная наука, право исторически возникают одновременно с эмансипацией индивида в усложняющемся обществе с выделением институтов из единого целого – простого сообщества людей. Социолог Лев Гудков такие явления структурно-функциональной дифференциации общества назвал явлением модернизации [2].

Однако в условиях современной России – на очередном этапе разложения тоталитаризма, узурпации экономической и политической власти, атомизации человека, отсутствия «демократии участия» в связи с «борьбой» большей части (4/5) населения за выживание и т. п. – говорить о самостоятельном формировании «самостоятельного» человека для осуществления формулы муниципальности в необходимых масштабах – не приходится.

Именно поэтому, на наш взгляд, Управление по информационной политике должно способствовать развитию «институтов самостоятельности» в соответствии с их собственной логикой, стимулировать появление внутри этих сфер собственных способов регуляции, способствовать развитию «многообразного единства» целевых групп, создавать условия существования их в «замиренном пространстве» муниципалитета, стать одним из коммуникативных посредников между этими институтами. И,

пожалуй, главное его кредо – служить образцом морали в противовес цинизму, потому что понятие «модерности» связано с понятием «субъективности» и этикой ответственности человека за свои действия в условиях реализуемых правовых норм и гарантий.

Эта миссия Управления по информационной политике – быть «центром» публичности, связующим звеном во взаимосвязях между целевыми группами местного сообщества, координатором «общих дел», «честью и совестью» в осуществлении системы жизнеобеспечения ограниченной территории – превращает Управление из «чистого функционала» в ядро совместного местного творчества. На наш взгляд, без этой роли Управление по информационной политике не сможет справиться с определенным слоем публичных задач – вопросами местного значения, и справиться лучше, чем региональная или федеральная власть, подтвердив жизненность 12 статьи Конституции РФ [3, с. 6].

Способами решения поставленных задач, на наш взгляд, являются разного рода мониторинги жизни городского сообщества, краткосрочный и долгосрочный анализ ситуации, разработка комплексных программ социально-экономического развития МО, расчет обеспеченности их ресурсами, а главное – диалог органов МСУ и разнообразных целевых групп муниципалитета, включая бизнес-структуры, малое предпринимательство, ТОСы, НКО и др.

К мониторингам, как нам представляется, можно отнести мониторинг жизни городского сообщества в целом и по отдельным направлениям (экономика, экология, социальная сфера, политика, нравственно-культурная сфера), включающего:

- мониторинг состояния и тенденций работы целевых социальных групп города (политических партий, национально-культурных обществ, религиозных конфессий, профсоюзов, групп предпринимателей, ТОСов, других целевых общественных групп);
- мониторинг общественного мнения горожан;
- мониторинг информации СМИ;
- мониторинг сферы деятельности АГ, связанный с обеспечением консенсуса между городским самоуправлением, населением и предпринимательскими структурами города (отработка технологий социального партнерства в городе);

▪ мониторинг деятельности самих органов МСУ. Здесь следует сказать два слова о модификации кибернетической модели Д.Истона [4, с. 182], согласно которой «черный ящик» (система интересов), с одной стороны имеет «входы» – требования к власти со стороны различных групп и поддержку, оказываемую ей, а с другой, – «выходы», или решения и действия власти. Модификация должна состоять, на наш взгляд, в том, что «ящик» является не «черным», а прозрачным для муниципального сообщества, которое, благодаря УИП, сможет контролировать все решения и ресурсы, расходование собранных с территории налогов, претворение в жизнь принятых планов и т. д.

Что касается анализа общественно-политической и социально-экономической ситуации в городе, выработке на этой основе прогнозов и конкретных предложений по ее стабилизации и снижению социальной напряженности, то городское сообщество должно непременно быть в курсе происходящих событий и реагировать на них своими предложениями и замечаниями. И, естественно, участвовать в формировании стратегического и тактических планов комплексного развития муниципального образования на основе предоставляемых УИП информационно-аналитических материалов. То есть, граждане должны собираться не на конечном этапе «слушаний», а на этапе самого «замысла» новшеств, инициаторами которых они сами смогут выступить.

Совместно с органами АГ Управление должно готовить предложения по оптимальной сбалансированности направлений функционирования местного сообщества (экономических, экологических, социальных, политических, нравственно-культурных), но еще важнее – знакомить с этими предложениями самих «потребителей» местного сообщества, воспитывая из них участников в сопряжении с «общими делами».

Для полноценного развития «демократии участия» граждан в судьбе родного для них г.Иркутска информация, подготовленная УИП совместно с органами АГ, – о формировании ресурсной базы данного МО, как совокупности материальных и нематериальных возможностей территории города, распоряжение которыми отнесено законом к муниципальной компетенции (территориально-географический ресурс; транспортная и инженерная инфраструктура; трудовые ресурсы и их квалификация;

предпринимательский потенциал хозяйствующих субъектов; природные ресурсы города; информационный ресурс; интеллектуальный ресурс; правовой ресурс; собственность муниципального образования; бюджет города; кадровый потенциал муниципальных служащих МО; муниципальный менеджмент и т. п.), должна быть не закрытой, а доступной для широкого пользования. Только в этом случае каждый горожанин смог бы внести свое личное «рационализаторское предложение» по разумному использованию этих ресурсов.

Осуществление внешних взаимодействий, например, с информационно-аналитическими центрами ФАПСИ, аналитическими центрами муниципальных образований других территорий, органов государственной власти (в том числе других регионов) и территориальных федеральных органов исполнительной власти, УИП, как нам представляется, должен взять «на себя». Однако главной его целью должно стать последующее знакомство горожан с опытом других территорий и привлечение их к участию, в том числе, и во внешних взаимодействиях, чтобы избежать, таким образом, превращения МО в «институциональный кокон».

На наш взгляд, одним из поручений Управлению со стороны горожан может стать осуществление им деловых связей с корреспондентами муниципальных, региональных, центральных газет и информационных агентств, редакциями газет муниципальных образований, государственными и коммерческими теле-, радио компаниями и каналами, издательствами, информационно-рекламными агентствами с целью освещения муниципальной политики МО г. Иркутска.

Однако главной и отдельной задачей УИП должен стать диалог органов местного самоуправления с населением города и бизнес-структурами, который включал бы установление прямой и обратной связи между органами МСУ и целевыми группами иркутян, а также отдельными гражданами. Целью диалога должно стать установление состояния консенсуса, а не отчужденности населения от деятельности местной власти, превращение граждан из потребителей в участников местного самоуправления.

Индикаторами прямой связи могут служить, в том числе, повышение удовлетворенности граждан уровнем жизни и комфортностью среды обитания в г.Иркутске, увеличение числа

участвующих в общественных объединениях, повышение удовлетворенности получением услуг, предоставляемых муниципалитетом, разрешение проблем для тех граждан, которые обратились к местному сообществу за поддержкой, развитие малого бизнеса и т. д.

Индикаторами обратной связи могут служить, в том числе, одобрительная реакция населения на происходящие в городе события, положительная оценка деятельности органов МСУ, укрепление солидарности и поддержка начинаний органов МСУ.

Для полноты картины несколько слов необходимо сказать об аналитической работе УИП, которая заключается в том, что, прежде всего, в Управлении должны быть созданы информационные ресурсы (в том числе, на основе портала единой комплексной информационной системы города; портала муниципальных услуг города; территориальных банков данных социально-экономической информации типа «Адресная социальная поддержка населения города Иркутска», «Архив социально-экономической информации», а также территориальных банков данных имущества и инфраструктуры типа «Реестр картографической продукции города Иркутска», «Регистр объектов культурного наследия города Иркутска», «Регистр строящихся жилых домов...», «Реестр автодорог...», «Реестр объектов муниципальной собственности ...», «Сведения государственного земельного кадастра...», «Единый реестр адресов города Иркутска», «Регистр информационных ресурсов и систем на территории города Иркутска» и т. д.; баз данных о ресурсах муниципального образования, как совокупности материальных и нематериальных возможностей территории города). Указанные ресурсы могут использоваться для задач компьютерного моделирования текущей и перспективной ситуации, визуализации анализируемой или запрашиваемой информации. При этом электронные базы данных (в том числе, справочников телефонов и схем структур органов МСУ) должны постоянно поддерживаться в актуальном состоянии.

На наш взгляд, УИП должен систематически обновлять и расширять номенклатуру информационных ресурсов с добавлением к существующим видам информации оценочных экономических, аналитических и других данных, реализовывать комплекс мероприятий, обеспечивающих единый авторизованный

персонифицированный доступ к информационным ресурсам, обобщать и анализировать статистические данные о наиболее важных процессах развития города по сферам жизнедеятельности. К наиболее важным сферам деятельности, скорее всего, можно отнести следующие:

- воспроизводство населения – семейные отношения, здравоохранение, охрана материнства и детства и т. п.;
- экономические отношения – производство (в том числе, анализ деятельности отраслей экономики и малый бизнес), распределение, потребление, оказание услуг населению и т. п.;
- экологические отношения – экологическая ситуация в городе, утилизация отходов, утилизация вредных выбросов в атмосферу и т. п.;
- социальные отношения – социальные общности (целевые группы), культура, образование, наука, социальная помощь и т. п.;
- политические отношения – состоятельность интересов целевых групп в использовании среды обитания и информационного пространства города (претензии на лидерство, слабость отдельных институтов власти и т. п., в том числе, с помощью контент-анализа и метода экспертных оценок);
- идеологические отношения – выявление полноты синхронизации воспроизводства параметров жизнедеятельности с целью выживания и развития города.

По заданию руководства АГ с привлечением специалистов-экспертов УИП, на наш взгляд, должен обобщать практику применения федерального, регионального и муниципального законодательства в части проведения анализа и разработки предложений по совершенствованию муниципального управления и реализации политики органов МСУ в указанных выше сферах деятельности, анализировать предложения граждан, выступивших с законодательской инициативой в вопросах местного значения.

Кроме того, УИП должен осуществлять контроль над ходом исполнения законов городской Думы, проводить социологические исследования, анализировать общественное мнение населения города по важнейшим вопросам политики органов местного самоуправления, изучать общественное мнение о деятельности АГ, ее структурных подразделениях, осуществлять мониторинг социального самочувствия граждан города, готовить предложения Главе города на основе полученных ре-

зультатов, вырабатывать предложения по размещению заказов на проведение исследований социологическими центрами города, организовывать мониторинг удовлетворенности населения деятельностью АГ, в том числе ее информационной открытостью и т. п.

Но этого мало, УИП должен анализировать деятельность самой АГ и органов АГ: например, осуществлять мониторинг сферы деятельности АГ, подготавливать предложения по оптимальной сбалансированности направлений функционирования местного сообщества (экономических, экологических, социальных, политических, нравственно-культурных), проводить анализ выполнения решений Главы города по осуществлению политики АГ в целом и по направлениям (социальное, экономическое, экологическое, политическое, нравственно-культурное); подготавливать предложения Главе города о повышении эффективности деятельности органов АГ с точки зрения их деятельности в общегородском пространстве с учетом мнения населения. А также предоставлять информационно-аналитические материалы для формирования стратегического и тактических планов комплексного развития муниципального образования; подготавливать и представлять в установленном порядке информацию для формирования системы отчетности о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности структурных подразделений АГ в указанных сферах деятельности, проводить контент-анализ отчетности структурных подразделений АГ по установленному кругу параметров и т. п.

УИП, на наш взгляд, должен проводить комплексный анализ ситуации в целом по г. Иркутску и в отдельных округах по всему спектру задач, стоящих перед городом, и по отдельным направлениям, входящим в компетенцию Управления; подготавливать и представлять в установленном порядке отчеты о формировании, резервах и достижениях информационной политики города.

В данной статье мы лишь в самом общем виде коснулись очень важной, на наш взгляд, проблемы необходимости создания новых стилей и формирования традиций взаимодействия Администрации города Иркутска с населением, органами местного самоуправления и бизнесом с помощью такого важного составного звена Администрации города, как Управление по информационной политике.

Литература

1. Сивицкий В. А. Некоторые рассуждения частного лица о тактике и практике местного самоуправления на современном этапе // Муниципальная Россия. – 2010. – № 2. – С. 51–64.
2. Гудков Л. Проблемы абортивной модернизации и мораль : лекция [Электронный ресурс] // Полит.ру. – Режим доступа: <http://www.polit.ru>, свободный.
3. Конституция Российской Федерации : официальный текст. – Гарболово: Издательский Дом А. Громова, 2003. – 48 с.
4. Easton D. Analyse du systeme politique / D. Easton // Political System. – N. Y., 1971. – 653 p.

Antonova L. L.

Expert Department of Governor's Office
and Administration of Irkutsk region, Irkutsk

New styles and traditions of Irkutsk Administration's interaction with the citizens, local authorities and businesses

This article attempts to ground the role that the municipal Information Policy Department plays in the forming of the institutional interaction of local authorities with economical and social players as it takes place in Irkutsk. The authors state that the goal of such interaction is not only analytical support in decision-making concerning the practical activity of City Administration. It is also aimed to update the constitutional formula of publicity in the local community. The publicity in the town is the most important sign of society modernization, and concentrates on each citizen's needs.

Keywords: local self-government, municipal administration, interaction.

Стратегические направления развития системы социальной защиты населения и роль крупного города в их реализации

Рассмотрены особенности крупного города как уровня реализации важнейших функций в области социальной защиты населения. Выделены проблемы функционирования системы социальной защиты населения в современной России. Определены возможные стратегические направления усовершенствования деятельности системы социальной защиты населения, в том числе на уровне крупного города. Показана роль в этом процессе других уровней управления социальной политикой и социальной защитой.

Ключевые слова: стратегия, развитие, город, социальная защита, социальное благополучие.

С точки зрения традиционного рассмотрения трех уровней управления и реализации деятельности в области социальной защиты населения (федерального, регионального и муниципального) крупный город, очевидно, относится к муниципальному уровню. Соответственно, для него характерно выполнение тех функций, которые в концепции реализации социальной защиты относятся к местному уровню управления. В их число входят координационные и организационные функции по обеспечению непосредственной социальной помощи населению и оказанию необходимых социальных услуг, предоставляемых учреждениями и организациями социальной сферы (образования, здравоохранения, социального обеспечения и социального обслуживания). Таким образом, на уровне муниципалитетов формируется тактика решения конкретных социальных проблем и задач текущего характера.

В то же время мы не можем не считаться с тем обстоятельством, что крупный город занимает особое место в системе управления социальными процессами на муниципальном уровне. Как правило, это касается возможностей ресурсного обеспечения и объема социальных услуг (в сферах социального обеспечения, образования, здравоохранения и др.), которыми располагают крупные города. Кроме того, крупные города в своем большинстве являются центрами соответствующих регионов,

что значительно сближает функциональные задачи в области социальной политики и социальной защиты, решаемыми на уровне крупного города и региональном уровне.

В связи с этим необходимо отметить, какие основные функции в сфере социальной защиты, реализуются на региональном уровне:

- аналитическая и научно-методическая (анализ потребностей населения и разработка конкретных методик работы);
- организационная (создание и развитие необходимых управленческих структур и организаций для реализации направлений социальной защиты);
- финансовая (аккумуляция и распределение средств на реализацию мероприятий социальной защиты в регионе).

Определение содержания данных функций дает все основания полагать, что немаловажная роль в их реализации принадлежит крупным городам, являющимся региональными центрами. Так, например, учреждения социальной сферы крупных городов характеризуются значительным разнообразием предоставляемых услуг в сфере социального обеспечения и социального страхования, социального обслуживания, здравоохранения, образования, что делает актуальным решение проблемы научного анализа и методического обеспечения их деятельности по самым разным направлениям. В то же время, крупный город является центром сосредоточения научных сил, что обуславливает его ведущую роль в реализации научного и экспертного обеспечения мероприятий в рамках социальной политики и социальной защиты.

На уровне крупного города наблюдается также сосредоточение и активная деятельность всех известных субъектов социальной политики: региональных и муниципальных властей, бизнес-структур, некоммерческих (общественных, неправительственных) организаций. Данное обстоятельство делает актуальной необходимость решения вопросов о согласовании ролей, оптимизации полномочий и ответственности между всеми субъектами социальной политики на данном уровне.

Наконец, крупный город играет важную роль в реализации финансового аспекта социальной политики и социальной защиты. С одной стороны, он аккумулирует собственные финансовые ресурсы и ресурсы вышестоящих уровней управления (преимущественно, регионального). С другой стороны, на террито-

рии крупных городов сосредоточено значительное количество учреждений и организаций социальной сферы различного уровня подчиненности, отличающихся источниками финансирования, реализуется огромное количество мероприятий в области управления социальными процессами. Все это позволяет говорить о крупном городе как активном финансовом субъекте в сфере социальной защиты.

Таким образом, среди субъектов социальной защиты на местном уровне управления крупный город занимает особое место как с точки зрения повышенной потребности в управлении социальными процессами, так и в связи с большими возможностями организации практической деятельности по реализации всех направлений социальной защиты.

Определим стратегические направления в области социальной защиты населения, которые и будут далее предметом всестороннего рассмотрения. 1. Усиление адресного характера социальной защиты. 2. Развитие качественных аспектов системы социального обслуживания и оказания социальных услуг населению. 3. Расширение участия в решении проблемы повышения социальной защищенности населения негосударственных субъектов – бизнеса и некоммерческого сектора.

Прежде чем приступить к рассмотрению указанных стратегических направлений, сделаем одно немаловажное замечание, которое касается разделения функций и полномочий уровней управления в обеспечении деятельности системы социальной защиты. Проведенный нами анализ показал, что региональный уровень управления играет основную роль в организации социальной защиты не только для региона как такового, но и для крупного города, являющегося центром данного региона. Кроме того, в настоящее время все громче звучит мнение исследователей и практиков об изменении роли и функций федерального центра в организации деятельности по социальной защите населения.

Говоря о необходимости укрепления принципа адресности в качестве стратегической задачи в области социальной защиты населения, отметим, что укрепление адресного характера выплат и льгот не означает полного отказа от принципа категориальности. Выделение категорий населения, имеющих право на определенные виды помощи, сохранится по следующим причинам: должны быть сохранены в качестве получателей льгот и выплат некоторые категории льготников, имеющих особые за-

слуги перед государством (ветераны войн, боевых действий, ликвидаторы техногенных катастроф и т. п.), независимо от уровня их материальной обеспеченности; существуют определенные категории населения, которые не смогут выжить без помощи государства (например, тяжелобольные, нуждающиеся в постоянном обеспечении дорогостоящими препаратами).

Данная практика не противоречит международному опыту, который наглядно демонстрирует возможность грамотного сочетания категориального и адресного подходов в практике социальной защиты населения.

В то же время, возвращаясь к российской действительности, отметим, что стремление к повышению адресного характера социальной помощи на практике означает постепенное, но неуклонное сокращение количества категорий льготников, получающих на сегодняшний день выплаты фиксированного размера, не связанного с уровнем их дохода и степенью нуждаемости. Так у специалистов и исследователей вызывает все большее недоумение существование, например, такой многочисленной категории льготников, как ветераны труда, трудовой вклад которых уже оценен посредством пенсионного обеспечения, а размер выплат взамен утраченных в ходе монетизации льгот для каждого получателя не играет значительной роли в повышении его благосостояния, но ложится значительным бременем на региональные бюджеты социальной защиты.

Поэтому подобные категории льготников должны постепенно выводиться из числа получающих социальную помощь по категориальному признаку, а в случае необходимости становиться получателями помощи на основе адресного подхода – в зависимости от степени нуждаемости. Однако реализация на практике подобного подхода сталкивается со значительным количеством проблемы, среди которых, по единодушному признанию многих специалистов, на первое место выдвигается проблема полноценного информационного обеспечения.

Для обеспечения адресности социальной помощи необходимо иметь точную и полную информацию о нуждающихся и степени нуждаемости. В качестве критериев нуждаемости, позволяющих претендовать на получение помощи, в первую очередь признается низкий доход, затем – плохие жилищные условия, одинокое проживание, плохое состояние здоровья. Проверка нуждаемости в российской практике социальной защиты

является обязательной процедурой при оказании социальной поддержки, при этом в качестве главных способов оценки применяется сбор данных о доходах и оценка условий жизни клиента с выездом по месту жительства. Однако способы проведения проверки и возможности сбора персонифицированной информации далеки от совершенства. К наиболее острым проблемам в области проверки нуждаемости относятся:

1) трудности получения информации о доходах от личного подсобного хозяйства и других доходах от неформальной занятости, иногда – об имущественном положении;

2) определенные трудности также существуют в получении информации об официальных доходах нуждающихся, при этом взаимодействие с государственными структурами (Пенсионный фонд, Фонд социального страхования, службы занятости, налоговые органы) в какой-то степени отлажено, а вот информация от работодателей зачастую недоступна, поскольку не отработан официальный механизм получения такой информации;

3) собранная информация слабо систематизирована, имеющиеся базы данных разрознены, отсутствует мониторинговый характер сбора информации, что делает невозможным оценку изменения материального положения получателей выплат, а также затрудняет оценку эффективности программ социальной помощи.

Указанные трудности во многом объясняют, почему в рамках региональных систем социальной защиты сохраняется предпочтение категориальному принципу в ущерб адресности – отсутствие необходимой информации и проблемы ее получения не оставляют выбора для специалистов, организующих оказание социальной помощи.

Предпочтение категориальному признаку в системе социальной защиты делает невыполнимым еще одно важнейшее требование к адресной социальной помощи – дифференциацию размера выплат в зависимости от уровня обеспеченности домохозяйства. Выполнение данного требования на практике может быть реализовано только одним способом – путем перехода от многочисленных выплат к единому пособию по малообеспеченности, размер которого будет дифференцирован в зависимости от степени нуждаемости.

О необходимости такого шага говорится достаточно давно, имеется опыт внедрения конкретных методик в ряде российских регионов, который анализируется, обобщается специалистами,

некоторые образцы признаны удачными. Необходимость развития системы социальной помощи в указанном направлении, позволяющем повысить ее эффективность с точки зрения снижения бедности, становится все более очевидной.

Мнение специалистов социальной защиты, работающих в г. Иркутске, экспертный опрос которых был проведен в 2001–2009 гг., также склоняется в пользу замены множества категориальных выплат в системе социальной защиты на единое пособие по малообеспеченности. Однако главным условием реализации такого шага называется необходимость серьезной организационной и финансовой помощи со стороны федерального центра. Таким образом, мы выходим на еще один чрезвычайно важный аспект развития адресного подхода социальной защиты населения – необходимость усиления роли федерального уровня управления в данном процессе.

Постепенная передача с федерального на региональный уровень функций социальной защиты в период начала реформ носила как вынужденный, так и оправданный характер. Вынужденность состояла в экономической и институциональной слабости государства в тот период, оправданность – в общепринятых нормах государств с развитой социальной политикой, одним из принципов которой является максимальная приближенность субъектов социальной помощи к ее потребителям – населению.

В итоге на сегодняшний день в компетенции федерального уровня управления находится разработка нормативно-правовой базы социальной защиты и финансирование ряда социальных обязательств государства. В последние годы также активизировалась методическая функция, в рамках которой на федеральном уровне обобщается передовой опыт регионов в области организации адресной социальной защиты и распространяется на все субъекты федерации.

На наш взгляд, сложившийся на сегодняшний день характер взаимоотношений федерального центра и регионов в области становления адресного характера социальной защиты нельзя признать оптимальным. Назрела ситуация расширения вмешательства и помощи федерального центра регионам по ряду вопросов социальной защиты, по которым сегодня взаимодействие между ними носит рамочный характер. Определим возможные конкретные направления активизации усилий, необходимость

которых высказывается специалистами в области социальной защиты.

1. Разработка и усовершенствование законодательных актов, позволяющих обеспечить региональным органам социальной защиты беспрепятственное получение информации из различных официальных источников для создания персонализированных баз данных фактических и потенциальных участников программ адресной помощи.

2. Переход от методов обобщения и распространения опыта передовых регионов, носящих рекомендательный характер, к созданию законопроектов и нормативных документов, имеющих обязательный характер для регионов. На наш взгляд, первоочередными объектами внимания могут стать методы оценки нуждаемости, внедрение практики пособий по малообеспеченности, создание унифицированных форм представления и хранения информации о клиентах социальной защиты. При этом необходимо предусмотреть в создаваемых нормативных документах вариативность, предусматривающую возможность внедрения в регионах методов, учитывающих их специфику.

3. Участие в финансировании программ выплаты пособий по малообеспеченности при определенных условиях (например, обеспечении региональным уровнем управления социальной защитой полной и достоверной информации о нуждающихся, обосновании необходимых объемов финансирования и др.).

Расширение возможных функций федерального центра в становлении адресного подхода вызвано не только логикой проведения реформ в области социальной защиты. На наш взгляд, уровень компетенции и активности специалистов и исполнителей реформ социальной защиты на местах (на региональном и местном уровнях управления) недостаточен. Попросту говоря, во многих регионах для продвижения реформ нужны четкие указания сверху, а не просто рекомендации по использованию опыта тех регионов, которые проявляют активность в разработке собственных подходов, или передового зарубежного опыта. Параллельно необходимо заниматься предметным повышением квалификации специалистов и руководителей, действующих в области рассматриваемых нами вопросов, а также активно внедрять специальные курсы по адресности социальной защиты в подготовку будущих специалистов государственного управления и социальных работников.

Период становления в нашей стране системы социальной защиты характеризовался быстрым ростом сферы социального обслуживания населения. Пришло время «ревизии» достигнутых результатов и определения новых стратегических задач отрасли, которые знаменуют собой переход от количественного роста к качественному развитию.

Во-первых, на фоне насыщения учреждениями социального обслуживания на повестку дня все более остро встает вопрос качества предоставляемых населению социальных услуг. Решение этого вопроса включает в себя необходимость разработки стандартов качества предоставляемых услуг, которые на сегодняшний день практически отсутствуют на всех уровнях социального управления – от федерального до муниципального. Речь идет, прежде всего, о разработке законодательных основ для формирования и применения стандартов качества услуг на федеральном уровне.

Роль регионального и муниципального уровней в этом процессе определяется следующим образом: внесение методических и практических предложений по оценке и повышению качества услуг, основанных на анализе опыта работы учреждений социального обслуживания на местах; внедрение, апробация и оценка предложенных федеральным уровнем управления методик и стандартов качества; увеличение финансирования учреждений социального обслуживания с целью укрепления материальной базы, повышения уровня материальной заинтересованности и материальной ответственности специалистов сферы социального обслуживания.

Во-вторых, становится все более заметным отсутствие какой-либо конкуренции в сфере оказания социальных услуг населению, поскольку основным и практически монопольным их поставщиком остаются муниципалитеты и региональные органы управления. В начальный период становления системы социального обслуживания необходимость подобной монополии была очевидна.

Однако условия меняются, и возникают предпосылки возникновения на этом «поле» новых действующих лиц, а именно: медленное, но неуклонное повышение уровня и качества жизни во всех слоях населения, в том числе среди категорий, считающихся социально уязвимыми; количественный и качественный рост сектора некоммерческих (общественных) организаций, которые вполне могут составить конкуренцию в сфере оказания

социальных услуг отдельным категориям населения; рост доходов в сфере бизнеса и распространение западных норм и стандартов участия бизнеса в социальных акциях и благотворительной деятельности в целях формирования благоприятного имиджа компаний; изменения в современном законодательстве, направленные на внедрение новых организационно-правовых форм и повышение экономической самостоятельности нынешних бюджетных учреждений социального обслуживания.

Таким образом, в ближайшие годы в качестве стратегического направления развития выдвигается вовлечение в сферу оказания социальных услуг организаций как некоммерческого, так и коммерческого сектора, повышение самостоятельности действующих учреждений. Это, в свою очередь, потребует активизации работы муниципальных и региональных структур управления по формированию нормативной базы и стандартов деятельности учреждений социального обслуживания, реализации системы мероприятий в сфере организации их деятельности и контроля их работы.

Наконец со всей очевидностью встает проблема насыщения отрасли высококвалифицированными кадрами, получившими профильное образование (прежде всего, в области социальной работы, педагогики, медицины, экономики и менеджмента). Период формирования отрасли кадрами по принципу привлечения всех желающих, независимо от образования и специальности, характерный для этапа количественного развития сферы социального обслуживания, безвозвратно уходит в прошлое. Для обеспечения высокого качества работы и реализации организационных преобразований сферы необходим высококвалифицированный персонал, формирование и совершенствование которого также становится стратегической задачей развития сферы социальной защиты.

Необходима активизация усилий местных органов управления по вовлечению в финансирование мероприятий социальной защиты населения представителей бизнес-сообщества. Повышение их вклада в решение социальных проблем территорий возможно за счет более активного продвижения идеологии социальной ответственности бизнеса и создания экономических условий для расширения благотворительной деятельности коммерческих структур.

Значительным и пока малоосвоенным ресурсом на уровне местного самоуправления остается деятельность НКО в сфере

социальной защиты населения. В то же время роль некоммерческого сектора в решении социальных проблем будет только возрастать. С одной стороны, это связано с логикой формирования гражданского общества, с другой – сектор НКО на сегодняшний день объединяет наиболее активных представителей населения, являющихся одновременно носителями определенных социальных проблем и участниками их разрешения. В сфере некоммерческих организаций формируется «социальный заказ» в виде обозначения и декларирования болевых точек в социальной сфере.

В то же время, как показывает мировой опыт, развитие НКО невозможно без поддержки системы государственного управления, некоммерческий сектор не только выступает инициатором социальных инициатив, но и сам нуждается в помощи. Поэтому ближайшими перспективными направлениями работы в этом направлении можно назвать:

- активизацию усилий гражданского общества по расширению сектора НКО;
- формирование механизмов оказания организационной и финансовой поддержки структур НКО, в особенности на уровне местного самоуправления, например, возможно создать на уровне города фонд поддержки общественных (некоммерческих) организаций, формируемый за счет бюджетных и привлеченных средств, разработать положение о правилах и условиях предоставления финансовой поддержки из средств данного фонда.

Karpikova I. S.

Baikal State University of Economics and Law,
Irkutsk

The strategic directions for social services system development and the role played by a city in the implementation of these

The features of a big city as a level of realization of important functions in the sphere of social protection of the city population are distinguished. The contemporary Russian problems of social protection system functioning are considered. The strategic directions of social protection system modernization at the level of a big city are determined. The role of other levels of social policy and social protection management during modernization processes is demonstrated.

Keywords: strategy, development, city, social aid, social welfare.

Стратегические направления социальной защиты безработных граждан на региональном уровне¹

Рассматривается концепция социальной поддержки безработных граждан на региональном уровне. Предлагаются стратегические меры по регулированию регионального рынка труда. Проанализирована динамика отдельных показателей рынка труда г. Иркутска и Иркутской области за 11 лет. На ее основе методом трендовой экстраполяции разработан прогноз развития регионального и городского рынка труда до 2014 г.

Ключевые слова: стратегия, регион, безработица, социальная защита.

В ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию говорится: «Очевидно, что усилия государства и бизнеса должны быть направлены на дальнейшее увеличение занятости – особенно в регионах с застойной безработицей». Занятость является одним из приоритетов государственной политики. Главная стратегическая цель социальной защиты незанятых категорий граждан – определение направлений действий, которые позволят смягчить социальные, психологические последствия безработицы, будут содействовать трудоустройству населения, расширению спроса на рабочую силу и обеспечению поддержки ее эффективного использования в соответствии с требованиями рынка труда. Концептуальные задачи и направления социальной поддержки безработных определяются федеральной и региональной политикой занятости, а также общей ситуацией в сфере занятости населения на уровне территорий.

Для выполнения прогноза некоторых показателей развития рынка труда г. Иркутска и Иркутской области выберем данные с 1999 г. по 2010 г. и представим линейный прогноз до 2014 г. методом трендовой экстраполяции [1].

---

¹ * Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Стратегические направления регулирования качества жизни населения крупного сибирского города» (Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы», гос. контракт с Минобрнауки РФ № 14.740.11.0564).

Уровень безработицы является основным показателем развития рынка труда, отражающим противоречия в сфере занятости населения и остроту проблемы безработицы. Рассмотрим динамику уровня безработицы по региону и в г. Иркутске за последние 11 лет, в том числе за период времени, затрагивающий две волны экономического кризиса. Тенденции изменения уровня безработицы по городу и региону схожие, но с разницей в значении данного показателя. Уровень безработицы по Иркутской области в среднем выше, чем в г. Иркутске – его областном центре.

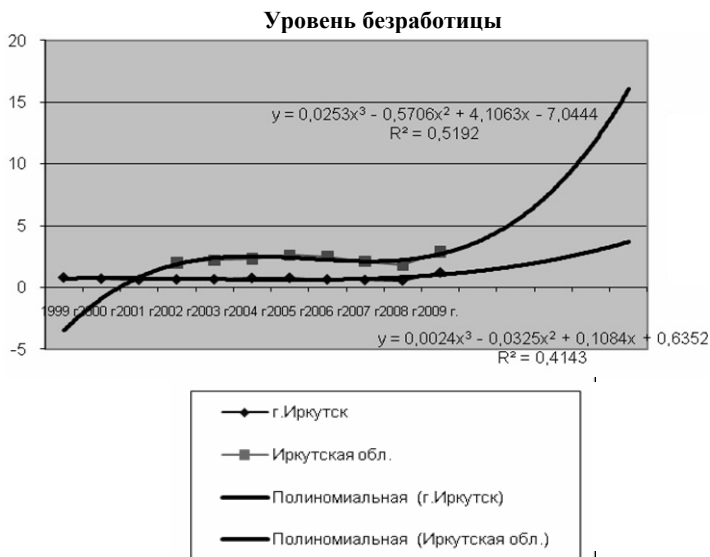

Рис. 1. Прогноз уровня регистрируемой безработицы в Иркутске и Иркутской области до 2014 г.

Согласно результатам линейного прогнозирования, безработица и ее абсолютный показатель в ближайшие годы будет увеличиваться. В большей мере на региональном уровне и в меньшей мере в Иркутске. Необходимо учитывать, что трендовая экстраполяция построена с учетом резкого повышения уровня незанятости в 2001–2009 гг., следовательно, предполагает сохранение данной тенденции и в ближайшем будущем. Возможно к 2014 г. уровень безработицы в Иркутске повысится до 3,9 % в отличие от нынешнего 1,2 %, достигнув тем самым среднего регионального значения.

На фоне посткризисной конъюнктуры рынка труда ожидается повышение средней продолжительности незанятости в Иркутске и Иркутской области. Увеличение периода поиска работы предполагается незначительное – с 4,7 мес. до 5,8 мес. по городу.

Многие показатели на рынке труда (уровень трудоустройства, коэффициент напряженности, уровень и продолжительность безработицы, возможность трудоустройства по специальности и пр.) определяются таким основным показателем, как потребность в рабочей силе. Именно спрос на труд является, с одной стороны, производным от уровня ВВП, экономического роста / спада, объемов производства, инфляции и других макроэкономических факторов. С другой стороны, спрос на рабочую силу определяет успешность решения проблем занятости и безработицы, в целом возможности регулирования рынка труда.

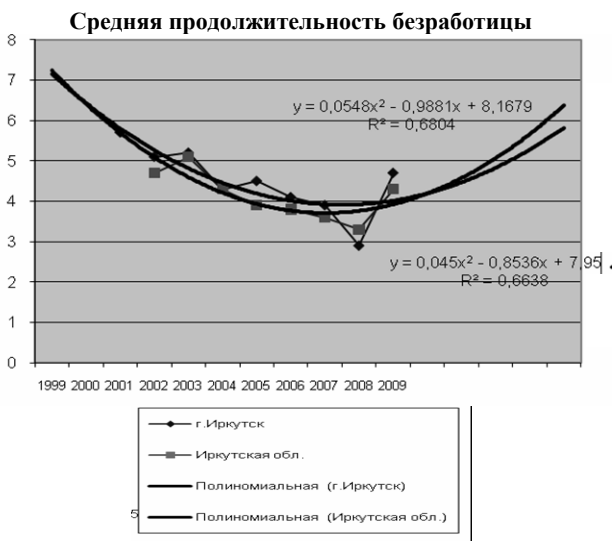

Рис. 2. Прогноз средней продолжительности регистрируемой безработицы в Иркутске и Иркутской области до 2014 г.

Согласно прогнозным оценкам на рынке труда региона и областного центра в ближайшие 5 лет будет ожидать повышение общей потребности в рабочей силе. Это позволит создать благоприятные возможности для решения проблем безработицы, трудоустройства молодых специалистов. Но, учитывая прогнозируемое повышение уровня безработицы и ее продолжи-

тельности, увеличение спроса на труд будет не достаточным по объему и структуре.

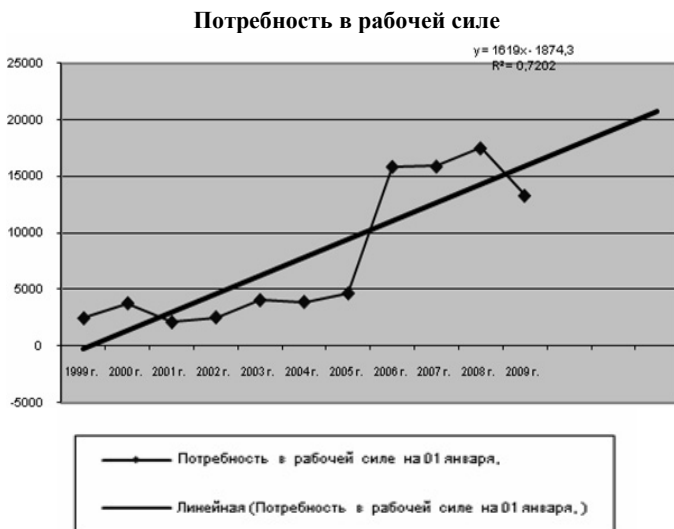

Рис. 3. Прогноз потребности в рабочей силе на рынке труда Иркутска до 2014 г.

В Иркутске на 01.01.11 г. потребность в рабочей силе составила 17 941 чел. согласно данным городской службы занятости. Столько вакансий заявлено со стороны работодателей города. И большинство вакансий для лиц рабочих специальностей (94,6 %). Следовательно, регистрируемая потребность в рабочей силе (число и состав вакансий) не соответствует предложению рабочей силы по структуре и численности (число и состав незанятых граждан). Поэтому, ожидаемое увеличение потребности в рабочей силе (в 2014 г. до 24 030 учитываемых вакансий) не сможет решить проблему незанятости, особенно среди специалистов и высококвалифицированных работников.

Рассмотрим прогнозное значение такого показателя, как уровень трудоустройства безработных. Значение и динамика его непосредственно зависит от уровня безработицы (число и состав ищущих работу граждан), от уровня потребности в рабочей силе (объем и структура заявленных вакансий). Напряженность в социально-трудовой сфере также определяет возможность и оперативность трудоустройства на подходящее место работы. Со-

гласно прогнозу уровень трудоустройства имеет устойчивую отрицательную динамику, как по региону в целом, так и в Иркутске. Такое направление изменения данного показателя наметилось после кризиса 2008 г. и предполагает сохраниться на ближайшие годы. Так, за период 2001–2014 гг. уровень трудоустройства безработных снизится в Иркутске и по региону.

Уровень трудоустройства безработных

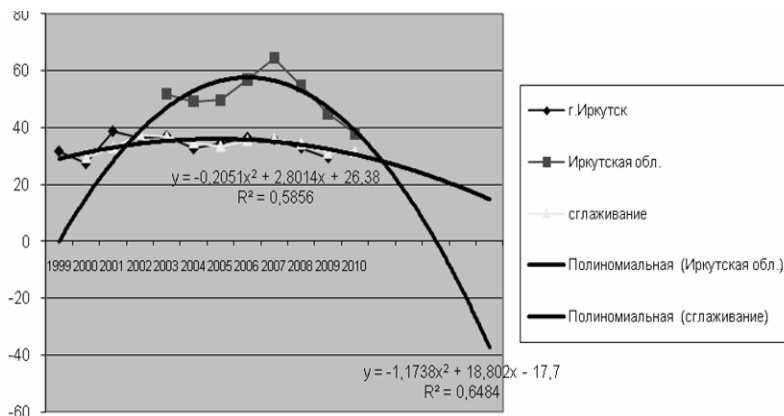

Рис. 3. Прогноз уровня трудоустройства на рынке труда в Иркутске и Иркутской области до 2014 г.

В результате согласования спроса и предложения на рынке труда в части заявленных в службе занятости вакансий и числа безработных лиц можно рассчитать такой показатель, как коэффициент напряженности. Это относительный показатель, демонстрирующий достаточность вакансий для удовлетворения потребностей в трудоустройстве безработных. Но, данный показатель не учитывает структурное (профессионально-квалификационное в том числе) соответствие вакансий и ищущих работу граждан. Т.е., он не учитывает критерий эффективности занятости.

Как показывают прогнозные расчеты на фоне ожидаемого роста безработицы и незначительного увеличения спроса на труд величина коэффициента будет расти. Так, в Иркутской области в среднем на одну зарегистрированную вакансию сейчас приходится 2 безработных человека. В 2014 г. этот показатель составит 3,5 чел. на одну вакансию. По городу Иркутску коэффициент напряженности гораздо ниже и он не превышает 1–2

чел. на одну заявленную вакансию. Иркутск, являясь крупным городом и областным центром, отличается относительно низким уровнем безработицы в рамках региона и достаточно большой дифференцированной потребностью в рабочей силе.

Численность безработных на 1 вакантное место

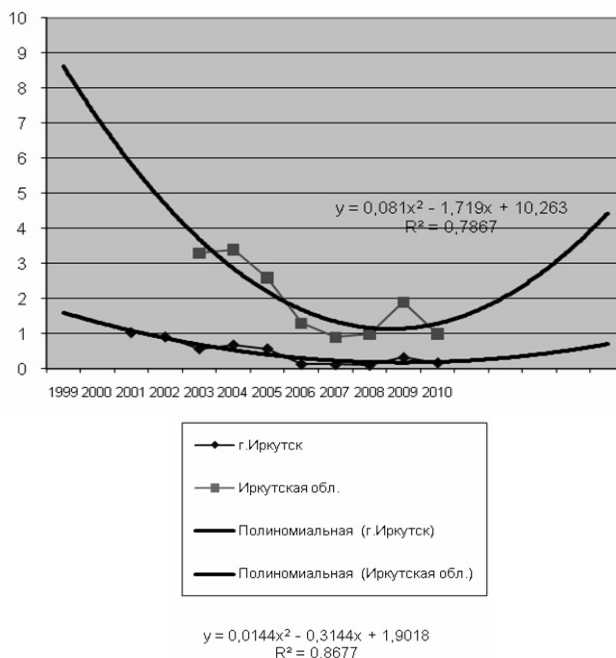

Рис. 4. Прогноз коэффициента напряженности на рынке труда в Иркутске и Иркутской области до 2014 г.

Необходимо отметить, что после прохождения первой волны кризиса (1998 г.) многие социально-экономические показатели еще несколько лет не могли вернуться в свое равновесное докризисное состояние. Примерно до 2002 г. можно наблюдать сохраняющийся высокий уровень безработицы, коэффициент напряженности, низкий уровень потребности в рабочей силе и пр. Аналогичная ситуация на рынке труда может ожидаться и после кризиса 2001–2009 г. Еще несколько лет экономическая система будет переживать затруднения в своем развитии, что напрямую будет отражаться и на социально-трудовой сфере, на качестве и уровне жизни граждан.

Стратегические направления политики занятости и социальной поддержки безработных на уровне территорий должны определяться и периодически пересматриваться в зависимости от изменения конъюнктуры регионального рынка труда.

Проведенный анализ основных показателей конъюнктуры рынка труда свидетельствует о сохраняющемся напряжении в социально-трудовой сфере и о необходимости поддержки безработных категорий граждан. В связи с этим выделим основные приоритетные направления развития социальной поддержки безработных граждан и содействия обеспечению эффективной занятости населения на уровне региона и крупного города:

- создание новых рабочих мест в производственном секторе и сфере социальных услуг, в том числе путем содействия развитию малого бизнеса;

- оказание адресной поддержки при трудоустройстве гражданам, особо нуждающимся в социальной защите; создание рабочих мест для социально уязвимых категорий граждан, включая квотирование рабочих мест;

- разработка нормативно-правовой базы, обеспечивающей дифференцированный подход в области социально-экономической поддержки незанятого населения, относящегося к социально уязвимым категориям граждан;

- расширение и внедрение новых мероприятий активной политики занятости; развитие общественных и временных работ для безработных граждан;

- усилить работу по улучшению условий для профессионального самоопределения молодежи; проводить ярмарки вакансий, деловые игры, лекции, анкетирования, тестирования, семинары для выпускников школ и профессиональных учебных заведений;

- повышение уровня социальной защищенности безработных граждан путем повышения уровня их доходов (в частности пособия по безработице) на период вынужденной незанятости;

- внедрение механизмов регулярной отчетности незанятых лиц о поиске новой работы, устанавливающих более жесткую зависимость между активностью поиска работы и получением пособия по безработице;

- следует продолжить расширять использование технологии трудоустройства, основанной на использовании компьютерной и информационной техники;

– распространение нестандартных форм и режимов занятости для отдельных категорий работников; стимулирование создания социально застрахованных рабочих мест надомного труда; расширение возможности по реализации вторичной и неполной занятости населения;

– усиление контроля соблюдения социально-трудовых гарантий работников на предприятиях; восстановление социальных гарантий занятости молодежи без опыта работы, в том числе выпускников профессиональных учебных заведений;

– создание внутрифирменных бирж труда и развитие их сотрудничества с государственными службами занятости;

– создание комплексов внутрифирменной подготовки и переподготовки кадров, возможностей для профессионального роста и повышения квалификации работников;

– развитие новых форм сотрудничества с работодателями, предусматривающих создание баз данных высококвалифицированных рабочих и специалистов из числа не только безработных, но и занятых граждан, обратившихся в службу и желающих сменить место работы;

– согласование деятельности государственных органов занятости с кадровыми агентствами в плане совместного регулирования городского рынка труда;

– создание единой информационной базы о вакансиях и незанятых лицах в рамках области и города, развитие технологии трудоустройства, основанной на использовании компьютерной и информационной техники;

– согласование объема и структуры подготовки специалистов системой профессионального образования с потребностями рынка труда с созданием соответствующей нормативно-правовой основы;

– развитие и повышение качества системы профессионального обучения безработных граждан; реализация специальных мероприятий по профилированию безработных граждан в целях повышения эффективности предоставляемых им услуг и сокращения длительной безработицы;

– разработка законодательной основы для внедрения международной системы учета незанятых граждан согласно методике Международной организации труда.

На конъюнктуру на рынке труда в предстоящие три года будут оказывать влияние следующие факторы².

1. Активизация процессов увольнения работников, вызванных структурными преобразованиями в ряде отраслей экономики, либерализация трудовых отношений в результате принятия нового Трудового кодекса.

2. Повышение оплаты жилья и стоимости жилищно-коммунальных услуг, которое повлечет снижение доходов наиболее уязвимых категорий населения, что в свою очередь приведет к увеличению их экономической активности.

3. Предстоящее вступление во Всемирную торговую организацию существенно увеличит армию безработных. Неконкурентоспособные отрасли экономики (автостроение, сельскохозяйственное машиностроение, текстильная и легкая промышленность, агропромышленный комплекс и другие) понесут значительные потери работников.

4. Введение альтернативной гражданской службы, что вызывает необходимость трудоустройства граждан в организациях, подведомственных федеральным органам исполнительной власти и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

5. Реформирование системы исполнения наказания (увеличение численности граждан, освобождаемых из мест лишения свободы).

6. Присутствие на рынке труда значительного контингента молодежи, имеющей низкий профессиональный уровень, прежде всего в сельской местности, что значительно осложняет проблему их трудоустройства.

7. Рост напряженности на рынке труда в сельской местности, обусловленный недостаточным развитием малых форм хозяйствования на земле.

8. Застойная безработица в городах и поселках с моноэкономической структурой.

9. Увеличение минимальной величины пособия повлечет увеличение численности безработных, особенно в сельской местности.

10. Сохраняющееся несоответствие профессионально-квалификационной структуры спроса и предложения рабочей силы.

---

² Согласно экспертным оценкам Центра занятости населения г. Иркутска

11. Недостаточная адаптированность системы образования к требованиям рынка труда, особенно в части учета перспектив спроса на рабочую силу в профессионально-квалификационном разрезе.

12. Высокая монополизированность экономики, позволяющая работодателям диктовать условия занятости (в частности, уровень заработной платы), которые вынуждены принимать работники.

13. Сохранение низкой конкурентоспособности на рынке труда отдельных (слабозащищенных) категорий граждан.

14. Уменьшение численности лиц, увольняющихся в связи с выходом на пенсию, так как новое пенсионное законодательство позволяет работающим пенсионерам получать пенсию. Это сужит сферу приложения труда для части молодежи и лиц среднего возраста.

Литература

1. Занятость и безработица : ежемесячная экспресс-аналитическая информация Центра занятости населения г. Иркутска. – Иркутск, январь-декабрь 1991–2010 гг.

2. Информационный бюллетень Управления Федеральной службы занятости населения по Иркутской области за 1991–2010 гг.

3. Служба занятости населения Иркутской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://irkzan.ru>.

4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/portal/OSI_N/ZAN.

Tokarsky B. L., Zmanovsky I. S.

Baikal State University of Economics and Law,
Irkutsk

Strategic directions of social protection of the unemployed citizens at regional level

The concept of social support of jobless citizens at regional level is considered. Strategic measures on regulation of a regional labor market are offered. The dynamics of separate indicators of a labor market in Irkutsk and Irkutsk region for 11 years is analyzed. The forecast of development of a regional and city labor market till 2014 is developed using the method of trend extrapolation.

Keywords: strategy, region, unemployment, social aid.

Григорьева Е. И.
АНО «Восток-СибАкадемЦентр РААСН», г. Иркутск

Меерович М. Г.
Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет, г. Иркутск

«Архитектурный генофонд» России (о проекте регенерации исторического квартала № 130)

В статье обобщаются результаты концептуальной и проектной работы по комплексной регенерации одного из исторических кварталов города Иркутска, которая проводилась, начиная с августа 2009 г.; о принципах, постулатах и идеологии, которые положены в основу проекта «Регенерация исторического квартала № 130 г. Иркутска (в границах улиц 3-го Июля, Седова, Кожова)».

Реализация данного проекта призвана стать примером практического воплощения новой муниципальной градостроительной политики, в которой историческая среда российских городов должна рассматриваться не как досадное препятствие для нового точечного высотного строительства или только как гнилье, которое нужно, как можно скорее снести, а как привлекательный инвестиционный проект. Отличительная особенность такой политики состоит в том, что она обеспечивает реальное «частно-государственное партнерство», при котором на федеральные деньги осуществляется расселение ветхого фонда, но без уничтожения домостроений, как это часто происходит в настоящее время; на средства муниципалитета осуществляется инженерное благоустройство территории; а исторические деревянные домостроения становятся предметом вложения средств малого и среднего бизнеса, а также объектом деятельности малых и средних строительных предприятий – т. е. тех, кто раньше не мог вписаться в крупномасштабные работы по формированию городской среды.

Ключевые слова: историческая среда, архитектурное наследие, городская застройка, частно-государственное партнерство.

Иркутск – столица Восточной Сибири – типичный исторический сибирский город с проблемами, характерными для многих сибирских городов и исторических городов центральной России, сохранивших рядовую деревянную застройку XI–XIX вв.: а) большое количество аварийного деревянного жилища; б) территории деревянной жилой застройки, лишенная инженерного оборудования (водоснабжения и канализации); в) нарушенный в последние годы точечной застройкой масштаб традиционный городской среды центральной части города; г) резкое сокращение в последние годы общественных пространств, в результате

вахханалии незаконных землеотводов; д) наличие нескольких зданий, являющихся памятниками культурного наследия и огромное количество средовой, никак не защищаемой законом фоновой застройки, которая (официально) не представляет ценности, но которая, как раз, и слагает неповторимый облик любого исторического города.

И в то же время, Иркутск – уникальный город, потому что в нем до сих пор сохраняется: а) сложившаяся в 17 веке традиционная квартальная планировочная структура исторического центра; б) в мало измененном виде крупные средовые фрагменты исторической деревянной жилой застройки (почти такой, какой она была 100 лет назад); причем, эти крупные фрагменты исторической жилой деревянной застройки в границах «достопримечательного места», занимают, в целом, около 60 % территории; в) сохраняется усадебный тип застройки с высоким процентом зелени.

Квартал № 130 расположен рядом с новым культурным центром, сформированным по проекту иркутских архитекторов 1970-х гг. Этот центр призван был разгрузить городскую центральную площадь и создать новую ось выхода к воде. Но, в духе градостроительного реформаторства того времени, он предполагал полную ликвидацию исторической застройки с развитием на ее месте парковой зоны

В Иркутске, как и в других городах, ветхое жилище и в советский период, и сегодня рассматривается лишь как «объект», ожидающий неминуемого сноса с возведением на высвободившейся территории многоэтажного, многоквартирного жилища. На месте исторического квартала 130 также, как и в других частях исторического центра Иркутска, предполагалось нечто подобное. Потому, что официально ценными здесь были лишь шесть зданий – памятников регионального значения и пара сооружений, предлагаемых к постановке на госохрану. Их предлагалось «собрать» вдоль улицы Седова, а остальную территорию построить 1–8 этажным жилым комплексом (рис. 1).

В июне 2009 г. по инициативе губернатора Иркутской области была провозглашена задача возрождения квартала № 130, как пилотного проекта регенерации всей исторической части г. Иркутска. Квартал, как мы уже отметили, входит в центральное историческое ядро города и лежит в границах зоны «достопримечательного места» (рис. 2). Он находится в зоне массового

скопления людей во время религиозных и светских праздников: площадь Музыкального театра, Крестовоздвиженскую и Входа-Иерусалимскую церкви, центральный городской парк с детской зоной развлечений; граничит с набережной реки Ангары, главным городским спортивным комплексом, крупным торговым комплексом.

Идеологически наш подход противостоит, распространенной в последние годы установки на то, что деревянные памятники должны быть «сняты» со своих мест и перенесены в отдельные резервации, под названием «культурно-историческая заповедная зона». А территория, освобожденная от бремени ликвидированного исторического наследия, будет застроена современными жилыми, торговыми, развлекательными комплексами.

Мы считаем, что ценность исторической среды заключена не только в памятниках, но и ландшафте, в вековых деревьях, надворных постройках, традициях места и многом другом, что никуда «перенесено» быть не может.

Проект предлагает восстанавливать и возрождать не только отдельно взятые памятники архитектуры, а среду, в которой эти объекты существуют. Рядовая деревянная застройка – этот своеобразный «архитектурный генофонд» России должна перестать рассматриваться лишь как резерв территории под новую застройку. Любой город должен представлять собой совокупность нескольких качественно различных типов среды, потому, что если где-то все сводится к одному типу среды, то обитать здесь становится уныло и неинтересно.

Прежде всего, нами решалась задача сохранить основные параметры исторической деревянной застройки: а) массопустотные соотношения застроенной и свободной территории (плотность застройки и озеленения); б) исторически-характерные черты данного типа квартала (традиционная структура парцелляции земли, выявленная в ходе историко-градостроительного анализа, сохраняющая традиционный усадебный тип застройки и возрождающая частного собственника недвижимости и земли); в) принцип пространственной организации (степень замкнутости / разомкнутости квартала и законодательная стабилизация размеров его усадебных составляющих); г) способ организации функциональной структуры по принципу «квартал-слобода» (кузнечное подворье, слобода краснодеревщиков, берестянщиков).

В ходе разработки концепции регенерации квартала, авторы категорически возражали против возведения на территории данного квартала современной малоэтажной застройки коттеджного типа, воспроизводящей характер расположения исторических объектов (т. е. размещаемой на их месте). Также авторы не были согласны с предложениями сымитировать историческую застройку за счет возведения на месте старых зданий – новых, из калиброванного бревна или кирпича с внешней обшивкой досками, имитирующими облик исторических построек.

Мы предполагали, что памятники культурного наследия регионального значения (а также объекты, предлагаемые к постановке на учет) будут отреставрированы. Средовые объекты, находящиеся в удовлетворительном техническом состоянии будут отремонтированы и благоустроены. Те их них, чьи конструкции сохранились в хорошем состоянии, будут поняты на домкратах для замены венцов и реновированы лишь внутри. На участки, освободившиеся от действительно ветхого и непригодного к дальнейшей эксплуатации жилища, будут перенесены объекты культурного наследия с мест, подпадающих под расширение городских магистралей. И лишь в нескольких точках будут заново возведены объекты по чертежам тех, которые были снесены в городе в предыдущие годы, но я обязательным условием точного воспроизведения не только внешнего вида утраченных объектов, но и их материалов (кругляк), технологии возведения, конструктивных приемов, декоративного убранства и т. п. То есть историческая среда, в целом, сохранится в неизменном виде. Это решение зафиксировано нами в проекте планировки, прошедшим все стадии согласования и принятом к реализации.

Квартал не рассматривается сам по себе – в отрыве от проблем градостроительной ситуации всей центральной части города. Он проектируется, как важное звено в восстанавливаемой системе общественных пространств, является ядром системы познавательного-туристических и прогулочных маршрутов, восстанавливает связь общегородских зеленых зон центральной части города.

Он является ключевым элементом, соединяющим площадь у Входа-Иерусалимского храма и Иерусалимский мемориальный парк, Театральную площадь с музыкальным театром и будущим концертным залом, набережную и далее переход к островам реки Ангары (рис. 3). Как общественное пространство квартал

№ 130 занимает особое место. При сценировании массовых празднеств и решении вопросов разгрузки центральной площади г. Иркутска (сквера им. Кирова) в дни народных гуляний, сюда должно быть перенесено проведение государственных и городских праздников и торжеств (рис. 4).

Проблема возрождения деревянной исторической застройки заключается в том, что у государства и местного бюджета средств на это нет. А частные инвесторы отказываются вкладывать в реставрацию сооружений свои деньги, потому, что многие современные технологии (торговля, досуг, питание, отдых, даже некоторые бытовые функции и т. п.) не способны разместиться в небольших объемах деревянных исторических зданий. Для них далеко не всегда подходит планировка деревянного дома, обусловленная его конструктивной схемой.

Поэтому проект начинался с инвестиционной программы, сформированной маркетологами. Их расчеты, предъявленные проектировщикам в качестве задания, указывали на необходимость наличия в квартале 28.000 кв. м. коммерческой недвижимости. В основе этой программы лежит требование сосредоточения на территории квартала тех функции, которые способны существовать за счет собственных средств, а также сами содержать прилегающую территорию. Ответственность за объект недвижимости и состояние усадьбы должна лежать не на городском или областном бюджете, а на плечах собственника. Это означает, что после окончания работ, дальнейшая эксплуатация будет основываться не на государственных или муниципальных субсидиях, а на самоокупаемости.

Четыре «субъекта» иницируются и вовлекаются в процесс регенерации квартала. Они связаны реальным частно-государственным партнерством (потому, что ни один из них поодиночке не в состоянии осуществить всего того объема работ, который необходим): 1) федеральная власть – на ее деньги осуществляется расселение ветхого фонда (но без уничтожения домовстроений, как это часто происходит в настоящее время); 2) муниципалитет – на его деньги осуществляется инженерное оборудование территории; 3) частные владельцы – осуществляет реставрацию и реконструкцию приобретаемых в собственность объектов исторической деревянной застройки, 4) крупный бизнес обеспечивает комплексное благоустройство и инфра-

структурное обеспечение территории, получая взамен коммерчески привлекательное многофункциональное пространство.

Наша цель заключалась в том, чтобы не допустить превращения квартала в «музеефицированный объект». Квартал должен быть, минимум, на 50 % жилым. В результате этот первоначальный замысел не оправдался – бизнес вошел сюда исключительно с «коммерческими» интересами – лавки, трактиры, гостиницы, чайные, сувенирные мастерские и т. п.

Жильцы всего лишь нескольких домов высказали желание остаться здесь жить и сейчас с ними заключаются договора – после окончания работ они вернутся в свои дома (остальные расселены по программе ликвидации ветхого жилья). Предполагается, что жилье останется также на вторых этажах 2 домов, в первом этаже которых располагаются объекты обслуживания и ремесленные мастерские. При этом наши переговоры персонально с каждым из инвесторов, показали, что люди готовы вкладывать средства и в жилье: «если все получится, то в следующем квартале я куплю себе жилье, восстановив старый дом». Поэтому, забегая вперед, мы проработали проектные предложения по комплексной регенерации двух прилегающих кварталов приоритетно под жилую функцию.

По расчетам, сделанным девелоперами и экономистами, выданных нам заказчиком в виде задания, для компенсации расходов по инженерному обустройству общей территории квартала (чтобы они не ложились дополнительным бременем на частных инвесторов) по отношению к такому количеству деревянных домов, необходимо, разместить в подземном пространстве 28 тыс. кв. м. площадей коммерческой недвижимости, т. е. фактически, полноценный «торговый мол», включающий около 300 парковочных мест автостоянок.

Откуда его взять? Выход – использование подземного пространства. В квартале предусматривается возведение подземных пространств двух типов. Одно – универсальное, многофункциональное – торговое, развлекательное, спортивное, досуговое и т. п., связанное лифтами и лестницами с надземной частью, а также с нижележащей зоной подземной двухуровневой парковки на 160 автомобилей. В границах квартала также предусмотрены еще две подземные парковки еще на 120 автомобилей (всего в красных линиях квартала 303 парковочных места).

Здесь же в подземном универсальном пространстве многофункционального назначения предусмотрено размещение общественных туалетов и для посетителей квартала и для транзитных посетителей, пункт общественного порядка, техническое оборудование, диспетчерские службы, музей археологии, музей истории местной авиации и т. п. Подобное по масштабу и сложности работ подземно-надземное многофункциональное пространство в Иркутске возводится впервые.

Необычен подход к восстановлению средовой исторической деревянной застройки. Проблема в том, что многие современные функции (торговля, досуг, питание, отдых, даже некоторые бытовые функции и т. п.) не способны вместиться в небольшие объемы деревянных исторических зданий. Для этих функций не подходит небольшая площадь и жесткая планировка деревянного дома, обусловленная его конструктивной схемой. В этом, обычно, и состоит причина того, почему бизнес не хочет вкладывается в реставрацию.

Эта проблема решается за счет формирования второго типа подземных пространств – устройства цокольных этажей под зданиями (там, где это возможно) значительно большего габарита, чем обычный подвал.

Подземные этажи исторических зданий позволяют нормально функционировать современным технологиям. При этом, поскольку они не видны на поверхности, не искажают «внешности» квартала. Причем, расширенные цокольные этажи устроены не сплошной массой, а с разрывами – отступами, в тех местах, где растут деревья. Это делается специально для того, чтобы сохранить старые деревья, оставив нетронутой корневую систему.

Важный принцип – коммерция не в ущерб культуре!

Важно привнести в квартал «функции» культуры: выставки, ремесленники, общественные организации, деятельность которых связана с культурно-историческим наследием. В квартале предусмотрено размещение: художественных галерей, антикварных лавок, ремесленных мастерских (столяры, гончары, кузнецы); офиса Иркутского отделения ВООПИК, интерактивного музея и т. д. Объекты, в которых расположены эти функции, сконцентрированы вдоль внутриквартальной линейной пешеходной променады. Эта променада расположена над трассой проведения проходного коллектора, в котором будут проброше-

ны внутриквартальные сети, позволяющего вести ремонтные работы, не раскапывая каждый раз землю. Эта променада, в случае нужды, обеспечит в любую точку внутри квартала свободный подъезд пожарных машин (рис. 5).

Пешеходный бульвар упирается в общественную площадь внутри квартала. Эта площадь возникает как раз на месте котлована для устройства подземного пространства. Мы специально не делаем ее горизонтальной, чтобы сохранить ярко выраженный ландшафт данного места. А превращаем в своеобразный террасированный амфитеатр.

Это главная площадь регенерируемого квартала. Это не только общественное пространство в традиционном понимании, но и вписанный в естественный рельеф концертный зал на открытом воздухе. Вместимость его по проекту 1600 зрителей, а при установке дополнительных мест в партере – и более. Сценический комплекс расположен таким образом, чтобы не мешать пешеходному транзиту в цепочке общественных пространств города (пешеходно-туристических маршрутов). Здесь на главной площади происходит усиление и концентрация культурной функции в ее современном звучании: это место проведения фестивалей, концертов и праздников. В обычные дни он предоставлен молодежи. Предусмотрено всесезонное использование.

Проект выражает новый подход в муниципальной градостроительной политике. Да, сегодня деревянная застройка г. Иркутска это трущобы. Но нужно открыто и честно сказать о том, что причины бедственного состояния исторической среды не только Иркутска, но, практически, всех российских исторических городов, заключены не в низкой капитальности и низкой инвестиционной привлекательности деревянной застройки, а в том отношении, которое демонстрируют местные власти, отказываясь прикладывать усилия к сохранению деревянной застройки и, в целом, исторической среды. Низкая инвестиционная привлекательность является следствием этой политики, а не наоборот.

Полноценное будущее города Иркутска невозможно без возрождения исторической среды – главного признака средовой идентичности, немислимо без сохранения исторического облика: домов, резьбы, ворот, оград, ландшафта, аутентичных надворных построек и т. д. Разрабатывая и воплощая программы

сохранения деревянной исторической жилой застройки, которая в Иркутске, как и во многих городах России, является ценностью мирового масштаба, местная власть имеет редкий шанс выступить в миссии спасителя «архитектурного генофонда» России (рис. 6).

Grigoryeva E. I.

Autonomous Nonprofit Organization Vostok- SibAkademCentre
of Russian Academy of Architecture
and Construction Sciences, Irkutsk,

Meerovich M. G.

Research University «Irkutsk State Technical University»,
Irkutsk

«Architectural heritage» of Russia (on the regeneration project for historical quarter № 130)

This article summarizes the results of conceptual and design works on integrated regeneration of a historical quarter in the town of Irkutsk. The project has been held since August, 2009; the works concern the principles, postulates and ideology behind the project “Regeneration of historical quarter #130 of Irkutsk (the dwelling area restricted by 3rd July street, Sedov street and Kozhov street)”.

The realization of this project serves as an example of implementing new municipal town planning policy, according to which the historical environment of Russian towns should not be viewed as an obstacle for new point high-rise buildings construction or as just old buildings to be demolished, but as an attractive investment project. One of the features of the new policy is that it provides real private-state partnership when federal monetary funds are used to exchange the apartments of people living in dilapidated buildings for new dwelling without demolishing those buildings, as often done presently. The money of municipality is used to carry out engineering improvements of the area; thus, the historical wooden buildings become an object for investment for small-scale and not large businesses and a project for medium-sized construction companies, the ones that previously could not afford taking on large-scale architectural works.

Keywords: historical environment, architectural heritage, municipal town planning, private-state partnership.

Скульптура и разломы городского пространства

В статье феномен скульптуры рассматривается сквозь призму взаимодействия различных ее жанров и городского населения. Монументальная скульптура предполагает специфический способ восприятия, воспроизводящий созерцательность, пассивность. Выделяется разножанровая группа скульптурных изображений, которая воспроизводит мифологическое отношение человека к миру. Делается предположение о современной мифологии как форме взаимодействия человека и городской среды. Пленэрная скульптура рассматривается как одна из форм самопроявления и активности человека в городском пространстве.

Ключевые слова: город, городское пространство, архитектурная среда, социальное пространство города, скульптура, разлом.

В сентябре 2007 г. был заключен муниципальный контракт на создание концепции монументально-декоративного оформления Иркутска. Потребность в конструировании единого монументально-декоративного пространства стала очевидной после бурных дискуссий 2004 г., разгоревшихся в связи с установкой памятника Колчаку. Тогда не только место скульптуры, но и само ее существование было поставлено под вопрос. Была создана инициативная группа; в нее вошли тогдашний главный дизайнер Иркутска, архитектор А. П. Картопольцев, народный художник России, академик, профессор В. Г. Смагин, директор Музея декабристов Е. А. Ячменев. Именно Е. Ячменеву принадлежит заслуга подробного описания и инвентаризации всех городских памятников, которая была проведена в 2005 г. В списке оказалось около 70 объектов, что сильно удивило участников работы: им (да и не только им!) казалось, что памятников в городе мало.

Городская скульптура представлена отчетливо различающимися по форме и воздействию вариантами. Наиболее традиционной, авторитетной и широко представленной является монументальная скульптура. В памятниках императорам, политическим деятелям, выдающимся военачальникам и деятелям культуры утверждается государственническая идеология, наиболее привычная и для скульпторов, и для горожан. Сфотографированные в разных городах памятники позволяют увидеть,

что и до сих пор существует некое единое «скульптурное пространство России», конструирующее и поддерживающее сходные принципы их создания и сохранения (рис. 1–7). Эта идеология подпитывается продолжающимися стоять на площадях и в скверах монументами, уже имеющими солидную историю. Высоко поднятые головы, размашистые многозначительные жесты, возвращающие зрителя к поэтике классицистского театра и его условности, эполеты, шинели, шпаги, ряды орденов или орденские планки безошибочно распознаются как предметные символы власти, а высокие постаменты и значительные размеры героев формируют феномен «дистанцированной созерцательности». Можно предположить, что именно она и «замыливает глаза» горожанам, оставляя эти объекты вне поля их внимания. Неудивительно, что сугубо политизированная ориентация в оценках и заказах на иркутские проекты породила поистине абсурдистские споры у жюри: в какую сторону должен смотреть бабр, исполненный Д. Намдаковым и С. Элюном (они стали фрагментом общей дискуссии о том, куда должен быть повернут бабр на гербе города).

Проблема эстетического качества монументальной скульптуры стерта отчасти из-за солидного возраста самих памятников, утверждающего их «как бы» художественные достоинства, отчасти из-за внехудожественной значительности прототипов или обстоятельств возникновения этих изображений. И в случае установки новых объектов критериями «приемлемости» проекта оказываются отнюдь не их художественные качества.

В 2001–2008 гг. творческой группой художников, архитекторов и дизайнеров был составлен список исторических событий и известных людей, которые «достойны увековечивания», подобраны градостроительные площадки для их установления. В декабре 2007 г. разсланы письма в городские общественные организации с просьбой высказать свое мнение. Ответов пришло мало. Это обстоятельство тоже может стать предметом самостоятельного размышления. Но в начале 2008 г. Городской думой была принята «Концепция размещения произведений декоративно-прикладного искусства и монументально-декоративной живописи на территории г. Иркутска». Она предполагала отведение определенных мест для размещения будущих объектов и их характеристики. Создатели документа особо подчеркивали значение связи будущих объектов с архитектурной средой:

их должна характеризовать единая стилистика с архитектурой, «решенная согласованность функции архитектурного объекта и изображения». В документе точно определены основные понятия, на которых строится концепция (монументально-декоративное искусство, памятник, монумент, архитектурный памятник, памятный знак и т. д.), подчеркивается, что ее реализация призвана формировать неповторимый образ конкретного города. А. Картопольцев подчеркнул, что в документе не определяется конкретный стиль, жанр памятника, но устанавливается общее видение, контекст его существования и окружения.

В концепции нашли отражение исторические события, объекты и известные люди. Места установления объектов, по возможности, определены непосредственно вблизи исторических «точек» городского пространства. Безусловно, это должно способствовать «освежению» городской памяти и хотя бы частично вернет центральной части города ее исторический облик. По всей видимости, эта категория памятников не будет вызывать особых протестов и дискуссий, ибо статус Иркутска и его предстоящий юбилей настраивают на торжественный лад. Так, мэрия намерена установить (или обновить) композиции на 22 «местах размещения» к предстоящему 350-летию города. Из них 10 – это въездные знаки в административные округа, четыре – на въезде в город. Были заказаны памятники декабристам и первопроходцам.

В марте 2008 г. мэр заявил, что нужно увековечить как можно больше «выдающихся современников», судьбы которых так или иначе связаны с Иркутском. В этот список вошли режиссер Н. Охлопков, конструктор М. Янгель, кинорежиссер Л. Гайдай, историк Н. Романов, танцовщик Р. Нуриев (родившийся в поезде вблизи Иркутска). Очевидно, споры и дискуссии может вызвать не столько список, сколько способы воплощения темы. Создатели концепции предложили открытый конкурс как форму осуществления проектов. Из описанных предложений пока оказался осуществленным только конкурс на памятники декабристам и первопроходцам.

Наибольший интерес и наибольшую свободу в формах воплощения представляют скульптуры и знаки, не связанные непосредственно с выдающимися историческими деятелями и знаменитыми современниками («Легенда о Байкале и Ангаре», «Омуль с душком», «Клоуны», «Памятник влюбленным»). Такие объекты могут более успешно выполнять функцию органи-

зации пространства и интересной разнообразной рекреативной деятельности в нем. Уже сейчас есть прецеденты такого пространства: на перилах видовой площадки Нижней набережной гроздьями висят замки с выгравированными именами. Секрета никакого: после регистрации и венчания сюда приезжают новобрачные и оставляют «клятву верности» на чугунной ограде. Чем не памятник влюбленным? Кстати сказать, и в других городах, где мне приходилось бывать, есть нечто подобное или такое же (были бы перила!): Томск, Кореновск Краснодарского края, Кисловодск (рис. 8).

По рисункам Леонардо да Винчи В. Смагин спроектировал «Полет» («Крылья»; рис. 9), символизирующий единство науки и искусства. Он задуман не просто как символ ИрГТУ – место развития высоких технологий (по замыслу автора, памятный знак является не только монументально-декоративным произведением в конкретной архитектурной среде, но и раскрывает основные цели и задачи научно-исследовательского университета). Скульптура сама должна быть очень сложной, высокотехнологичной. Может, она будет кинематическая, может, будет двигаться, может, будет издавать звуки... Это было бы инновационным прорывом в городском мемориально-декоративном оформлении. Но с достаточной долей вероятности можно предполагать, что изящная идея так и останется проектом – не только из-за дороговизны, но главным образом из-за остро ощущаемой установки изрядной части молодежи на разрушение и варварское обращение с непривычными объектами.

Может, я и ошибаюсь. Но вот некоторое время назад обсуждалась возможность установки на территории БГУЭП прекрасной скульптуры Даши Намдакова «Девушка со звездой». И во время дискуссии отчетливо прозвучала мысль, что, дескать, на пленэре ее ставить нельзя: поуродуют. И даже если декоративный объект находится в закрытом пространстве, то его (как бы чего не вышло!) огораживают веревочками: в том же БГУЭП в вестибюле стоит огороженная декоративная композиция из металла и цветного стекла). Так что тревожные звоночки в отношении к общественным ценностям имеются. Преподаватель кафедры изобразительного искусства ИрГТУ недавно рассказал, что один из его студентов спроектировал для Ново-Ленино декоративный объект – бетонную стенку, специально предназначенную для того, чтобы ее раскрашивали и портили. По его на-

блюдениям, такой безопасный «выхлоп» социальной агрессии необходим.

В октябре 2009 г. в областном Художественном музее имени В. П. Сукачева были выставлены проекты памятников декабристам и первопроходцам и основателям города Иркутска (рис. 11–16). Совершенно неожиданно проведение конкурса на лучшие проекты этих памятников вскрыли любопытные тенденции и разногласия в понимании их идей и значения.

Условия конкурса предполагали, помимо оценки профессионального жюри, голосование жителей города. Свободный вход на экспозицию способствовал активности горожан: в голосовании участвовало около восьмисот человек. После закрытия экспозиции итоги обсуждались профессиональным жюри художников, дизайнеров, архитекторов и историков.

Авторам было необходимо не только разработать проект, но и определить место будущей скульптуры и – по возможности – спроектировать обустройство территории вокруг нее. Место установки скульптуры – особая тема: ведь скульптура обладает не только собственно художественным качеством. Организуя пространство, она предполагает определенную динамику отношения к себе, проектирует активную деятельность в зоне памятника. И желательно, чтобы это пространство становилось все более цивилизованным. Размеры скульптуры, высота постамента, близость к зрителю конструируют пропорции монументальности и интимности. Участники сошлись во мнении, что памятник декабристам должен находиться на территории мемориального комплекса декабристов. Относительно памятника первопроходцам и первостроителям мнения разошлись как у авторов, так и в жюри. Большинство проектов предполагали размещение памятника в обустроенной зоне исторического центра на Нижней набережной. Возражения были весьма серьезными: добавлять еще одну скульптуру или скульптурную группу в пространство, уже насыщенное историческими объектами, в том числе и скульптурами, нецелесообразно. Было предложено расположить памятник там, где благоустройство Нижней набережной только начинается: и место еще пустынное, и от центра недалеко.

Неровным был уровень проектов: на конкурс памятников декабристам предложения были слабее, чем на конкурс памятников первопроходцам. Идеи (трудно говорить об окончательной реализации, так как большинство моделей демонстрировали

признаки поспешной работы) небесспорны. Даже проекты-призеры имели весьма существенные недоработки. У историков были также вполне обоснованные претензии к степени исторической достоверности тех деталей, которые были использованы авторами. Конечно, художники могут трактовать тему обобщенно, но, если они ставят задачу создать образы, близкие к исторически достоверным, без точности в деталях им не обойтись.

Бросился в глаза тематический «перекос»: в проектах первопроходцам был сделан акцент именно на теме первооткрывателей. Но тогда возникает недоумение: что же, до прихода Ермака территория Восточной Сибири была необитаемой, ненаселенной? А где же коренное население, которое обустроивало землю до Ермака? Вместе с тем, если уточнить само название – не «первооткрывателям» и тем более не «покорителям», а строителям *города*, его зачинателям, тогда соответствие идеи и воплощения будет более полным и адекватным.

На просмотре проектов было ощущение, что духовой оркестр играет бравурный марш: высоко поднятые головы, героические жесты, оружие в руках первооткрывателей и кресты у священников создавали настроение государственной ангажированности, идеологизированности. За малым исключением все проекты трактовали основание города как нашествие на Сибирь военных и (иногда) священников, несущих свет веры. Отсюда привычные атрибуты: кресты в руках священников, благословляющие и указующие жесты персонажей, ружья и топоры – все это создает отчетливый привкус советской традиции монументальных памятников. Впечатление дополнялось запроектированными вокруг скульптуры газонами, по конфигурации напоминающими очертания военных наград и крестов, высокими постаментами и расположением в районе города, насыщенном официальными зданиями и храмами. Конечно, 350-летие города – важная дата; поскольку именно к ней приурочена установка скульптур, сами они не могут не воплощать дух некоторой торжественности и официоза. Но памятник будет жить дольше, чем память о празднике, и его потенциальная культурно-моделирующая роль от излишней помпезности может весьма существенно пострадать.

Для сохранения жизнеспособности монументальной скульптуре в настоящее время уже недостаточно быть закреплением идеологических импульсов и напоминанием об историче-

ских событиях. В полном соответствии с духом времени она впитывает мифологические токи, взбаламучивая коллективное бессознательное, синкретически отзывающееся на разломы времени и пространства (рис. 17).

Сегодня чрезвычайно велика мода на этнографию, нечто невиданное и экзотическое. Мне представляется, что в этом увлечении проявляется интуитивное тяготение к мифологическому. Возрастание интереса к предметам культуры, чуждой для Европы, стало буквально «маркой» XX и XXI вв. Этнографические элементы, связанные с непривычным образом жизни, ее трудностями, специфическими приметами этнических особенностей и типов, привлекают все большее внимание. Но конвергенция, которая представляется как Африки сближение путей и Европы, Запада и Востока, происходит и в плоскости пространственной, и «возрастной», исторической. Художники конструируют свой собственный мир, свободно путешествуя во времени и пространстве, используя архаические, символические и родовые образы, всплывающие в воображении (рис. 18).

Наиболее показательным процессом смыслообразования выступает создание и распространение мифов, главными «действующими лицами» которых выступают скульптурные образы. Миф выступает как устойчивый способ объяснения чего-либо в общественной жизни, который «разумеется сам собою», используется автоматически, по привычке и укоренен в глубинах повседневной жизни народа или сословия. Сами события (или их интерпретация), которые «удостаиваются чести» мифологизации, должны быть общеизвестны (чтобы не было необходимости описывать их от начала до конца при упоминании) и достаточно значимы для местного сообщества. Они должны быть просты, «одностовольны» для более-менее полного первоначального описания (возможно, в событии или предмете стихийно выделяется только один смысл). Мифы и их смыслы передаются изустно, что делает их и чрезвычайно подвижными, и устойчивыми одновременно. А фантазия передающего (или простой эффект «испорченного телефона») создают эффект легкого искажения смысла, переноса акцентов при интерпретации знакомого сюжета. Сама операция сравнения исходного смысла (или события, которое наблюдал сам человек) с интерпретацией доставляет слушателю и самому рассказчику особое удовольствие. Скульпторы выводят из коллективного бессознательного или

сами создают такие способы объяснения, описания и обоснования социально-значимых фактов, которые ранее не наблюдались и которые рождаются благодаря знакомству с ними.

Если распределение объектов в городском пространстве находится в ведении конкретных социальных, точнее – политических сил, то установление скульптуры как объекта, имеющего исключительно символический смысл, также подвержено влиянию этих социальных сил. Это символическое господство прочитывается как в топографии памятников, так и в их характере. В таком случае дополнением и – отчасти – нейтрализацией символического господства политических властей являются структуры гражданского общества, имеющие/не имеющие возможность реализовать интенции общественного мнения относительно символических смыслов городского пространства.

В то же время, одним из сущностных качеств городского образа жизни является значительная свобода, приобретаемая в результате концентрации искусств и знаний. Воспроизводство в сфере образования, культуры, проектирования происходит за счет человеческих инициатив и интеллектуальных источников. Таким образом, идеологическая «одностовольность» городской скульптуры оказывается мнимой: в реальности message городской скульптуры и памятников, обращенный к зрителям, прочитывается ими в контексте многих других взаимодействий, в том числе и порожденных своеобразием городской жизни, а ее местонахождение сосредотачивается «на острие копья», куда «все стекается, собирая и пронизывая собою все, а собранное проясняется и просвещается, высвобождаясь для сущности» (М. Хайдеггер) (рис. 31–36).

Еще одна модификация городской скульптуры – пленэрная, или уличная скульптура – имеет более короткую историю, чем привычно-монументальная. Как правило, она создана сравнительно недавно и имеет иную социальную нагрузку (рис. 11–27). Требуем ли мы от них художественности, являются ли они произведениями искусства в привычном значении слова? Совершенно очевидно, что нет.

Во-первых, такие скульптуры, если бы они делались знаменитым мастером, стоили бы весьма недешево. Поэтому они зачастую тиражируются (для уменьшения стоимости). А тиражность и до сих пор воспринимается как нечто несовместимое с

художественностью. Но с тиражностью культурных объектов сознание современного человека постепенно свыкается.

Во-вторых, нередко городская скульптура создана даже не профессиональным скульптором, а просто человеком, знающим технологию плавки металлов или обработки камня. Ситуация напоминает многократно описанный в литературе по истории советского дизайна феномен 60-х гг. XX в., когда люди могли украшать интерьер жилых помещений самодельными «картинами», «статуями» и т. п. Нередко результат был интересен именно потому, что он выглядел как «портрет» создателя, отпечаток его творческой активности.

В городской скульптуре груз смысла несут вовсе не художественные качества объектов. Наибольшей популярностью пользуются отнюдь не самые инновационные и художественные объекты, а наиболее простые: чем обобщеннее образ, тем мгновеннее узнавание; такие образы плотно вписываются в ритм городской жизни, подгоняющей человека, исключая возможность длительного созерцания. Роль скульптуры нередко выполняют «натуральные макеты»: пожарные машины, «катюши», танки (рис. 21–29).

Возле музейного комплекса «Усадьба В. П. Сукачева» на наклонной плите стоит танк – память об участии иркутян в Великой Отечественной войне. Его облазали все мальчишки и подростки; иркутяне даже остановку городского транспорта именуют «У танка». Очень популярен миф, что знаменитые гости (Е. Евтушенко) «самоходом» снимали его с постамента и ездили на танке ночью по городу. Миф весьма устойчив (есть даже «свидетели», самолично наблюдавшие это событие), несмотря на то, что двигателя у танка не было с момента его установки на пьедестал, а сама реальная история выглядела совершенно иначе.

Насыщенность городской скульптуры социальными смыслами дополняется рядом специфических особенностей, порожденных ее взаимодействием с другими видами художественной деятельности. За их счет расширяется спектр композиционных средств и приемов художественной выразительности. Как элемент городского пространства, скульптура взаимодействует с архитектурой и дополняет ее, подчас становясь альтернативным акцентом. Такое происходит, если архитектурная среда скучна, однообразна и рутинна (как это бывает в районах городской

массовой застройки (рис. 20). Даже самые незамысловатые скульптурные «вставки» превращаются в активно осваиваемые жителями места: персонажи мультфильмов, небрежно развалившиеся на уличных лавочках; птичка, присевшая на спинку скамьи; две ретродамы из папье-маше, беседующие перед входом в кафе... К сожалению, почти все это не у нас. Разве что яйцо и корова во дворике Стомцентра на Ленина. Сезонным вариантом такого «оживляжа» является зеленая скульптура (медведи, буревестники, лошадки с тележками, земной шар и т. д.). Такого рода объекты в городе есть, но они не создают вокруг себя атмосферы доступности и живости.

Когда простота доходит до абстрактности, проявляется еще одна особенность уличной скульптуры и, возможно, ее главная ценность – свобода самопроявления людей, взаимодействующих с этими объектами. Тем большей универсальностью характеризуется деятельность, организующаяся вокруг них (рис. 30). А свобода проявления намерений людей в поступках, имеющих публичный характер, прямо соотносится со степенью гражданской свободы, степенью допустимого вольнодумства и эпатажа, в первую очередь отличающего поведение молодежи и подростков. Вместе с тем действия, которые провоцирует городская скульптура, делают очевидным качество культурных привычек разных слоев населения, наглядно указывают границу дозволенного и недозволенного, конструируя тем самым особую поведенческую реальность (рис. 31).

Таким образом, действия людей вокруг «каменных гостей» гораздо более показательны, потому что проявляют их понимание памятников и смысла их возведения. Несомненно, у скульптуры малых форм значительно больше возможностей для того, чтобы вписаться в новый для себя контекст активной городской среды, нежели у монументальной скульптуры (рис. 32, 19). Вместе с тем, если говорить конкретно об Иркутске, то влияние властных импульсов и императивов сказывается и на «неформальной» скульптуре. Пожалуй, единственным и образцовым примером такого влияния стала многосерийная история с яйцом на ул. Канадзавы) [1].

Итак, в скульптурных объектах городской среды я вычленила три среза смыслов: официально-идеологический, возрождающийся и модифицирующийся мифологический, повседневный-обыденный. У каждого из них – свое предназначение и под-

держка. Очевидно, что если в монументально-декоративном оформлении города будут реализоваться только идеологические смыслы, то увеличится его унылое сходство с другими городами, но цель, которая была заявлена в концепции – создать его своеобразный облик, «лица необщее выражение» – достигнута не будет.

Примечание: фотографии предоставлены автором, 2009–2011 гг.

Литература

1. Рожанский М. Имперский воск: Семь историй из жизни иркутских памятников / М. Рожанский // Неприкосновенный запас.– 2010. – № 2.

Tkacheva M. L.

Baikal State University of Economics and Law,
Irkutsk

The sculpture and the fractures of the city space

In the article we explored the phenomenon of the sculpture through the interaction of the citizens with its different styles. The monumental sculpture implies specific perception method. It is supposed that the spectator is always a passive observer of the represented hero or politician. We marked out the group of monuments of different genres that reproduces people's mythological attitude to the world. The supposition was made about the modern mythology as a form of interaction between a person and the city environment. Open air sculpture is examined as one of the forms of personal self demonstration and activity in the city space.

Keywords: city, municipal space, architectural environment, social environment of a city.

Перспективы внедрения интегрированных систем менеджмента в медицинских организациях

В работе речь идет о создании и внедрении интегрированной системы менеджмента, которая рассматривается как предпосылка для устойчивого развития организации. Представлены ключевые научные и организационно-методические подходы к созданию интегрированных систем. Создание интегрированной системы менеджмента медицинской организации, на взгляд автора, является сложным инновационным проектом, направленным на повышение эффективности общего менеджмента медицинской организации.

Ключевые слова: менеджмент, интегрированные системы, управление организацией, медицинские организации.

Для устойчивого развития, учитывающего различные аспекты деятельности медицинской организации, для создания устойчивых преимуществ над конкурентами необходимо иметь отлаженную, эффективную систему управления своей деятельностью, для чего требуются новые методические и организационные подходы. В качестве инструмента, позволяющего руководителю использовать лучший мировой опыт, выступают международные стандарты на системы менеджмента.

Следует отметить, что система управления любой медицинской организации, отвечающей лицензионным требованиям, уже состоит из ряда подсистем, на часть из которых распространяют свое действие международные стандарты. К этим стандартам относятся: стандарты ИСО серии 9000 на системы менеджмента качества, стандарты ИСО серии 14000 на системы экологического менеджмента, стандарты OHSAS (Occupational Health and Safety Assessment Series) серии 18000 на системы менеджмента промышленной безопасности и охраны труда, стандарт SA (Social Accountability) 8000 на системы социального и этического менеджмента и другие. В связи с этим представляет интерес создание интегрированной системы менеджмента. Интегрирование систем менеджмента можно рассматривать как предпо-

сылку для устойчивого развития организации, т. к. применение стандартов в практике организации способствует повышению качества процессов жизненного цикла медицинских услуг и социальных процессов, производительности и безопасности труда, эффективности природоохранной деятельности. Каждая подсистема интегрированной системы менеджмента выполняет функцию, необходимую для достижения общей цели организации. Польза интеграции основана на совмещении ключевых процедур и документации, что позволяет систематизировать процесс менеджмента и снизить разного рода издержки [3].

Интегрированная система менеджмента (ИСМ) – это часть системы общего менеджмента организации, которая отвечает требованиям двух или более международных стандартов и работает как единое целое. Однако ИСМ не следует отождествлять с системой общего менеджмента организации, объединяющей все аспекты деятельности организации. Понятие «интегрированная система менеджмента» носит ограниченный характер, хотя и является более комплексным, чем понятие о каждой из тех отдельных систем менеджмента (система менеджмента качества, система экологического менеджмента и др.), которые объединены в ИСМ [3].

Рассматривая организационно-методические подходы к созданию интегрированных систем, в первую очередь необходимо уточнить, что базовыми стандартами являются стандарты ISO серии 9000 (рис. 1). Это обусловлено тем, что базовые понятия и принципы, сформулированные в этих стандартах, в наибольшей мере соответствуют понятиям и принципам общего менеджмента.

Рис. 1. Вариант структуры интегрированной системы менеджмента

Базовый стандарт ISO 9001 «Система менеджмента качества. Требования» включает все процессы организации. Аутентичным российским стандартом является ГОСТ Р ИСО 9001–2008.

Дополнительными системами могут быть:

- OHSAS 18001 (стандарт, включающий контроль и предотвращение возможных опасностей на рабочем месте), соответствующий российский стандарт ГОСТ Р ИСО 12.0.230.-2007 «Системы управления охраной труда. Общие требования»;

- ISO 14001 (включающий процессы, направленные на снижение воздействия на окружающую среду), российские стандарты – ГОСТ Р ИСО 14001-2007 «Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по применению»; 14004-2007 «Системы экологического менеджмента. Общее руководство по принципам, системам и методам обеспечения функционирования»;

- SA 8000 (требования в сфере социальной ответственности), ISO 26000:2010 «Социальная ответственность» (версия ГОСТ Р в настоящее время в стадии перевода);

- ISO 27001 (процессы управления информационной безопасностью), соответствующий российский стандарт ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001-2006 «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Системы менеджмента информационной безопасности. Требования»;

- и другие, в зависимости от актуальности данного раздела деятельности, связанного со спецификой деятельности.

Кроме того, введение в действие стандартов ISO серии 9000 предшествовало введению в действие других международных стандартов на системы менеджмента и послужило базой для их создания. В частности, в стандартах ISO 9001, ISO 14001 и OHSAS 18001 используется цикл управления PDCA (Plan – Do – Check – Act), а также используется идеология процессного подхода к управлению. В стандартах используются единые принципы менеджмента качества: лидерство руководства; ориентация на потребителя; процессный и системный подходы; принятие решений, основанное на фактах, вовлечение персонала, взаимовыгодные отношения с поставщиками, постоянное улучшение. Реализация именно этих принципов позволяет наилучшим образом обеспечить интегрирование отдельных стандартов в единую систему.

Более того, общими являются и подходы к построению системы менеджмента. Для каждой системы необходимо:

- определить обязательства руководства;
- установить цели и мероприятия для соответствующих функций и уровней внутри организации;
- обеспечить компетентность персонала, его подготовку и осведомленность;
- выделить необходимые ресурсы;
- установить и соблюдать требования по управлению документами, разработать недостающую документацию;
- осуществлять мониторинг, измерения и анализ;
- проводить внутренние аудиты через запланированные интервалы времени;
- управлять несоответствиями, осуществлять коррекции, корректирующие и предупреждающие действия;
- проводить регулярный анализ системы менеджмента со стороны руководства.

Общими являются и подходы к построению системы менеджмента. Для каждой системы определяются ресурсы, определяются механизмы и методы достижения поставленных целей, разрабатывается регламентирующая и методическая база, включающая процедуры, инструкции, формируется нормативно-справочная база и т. д., определяются механизмы предупреждающих и корректирующих воздействий.

Создание интегрированной системы менеджмента медицинской организации является сложным инновационным проектом, направленным на повышение эффективности общего менеджмента медицинской организации. Однако ожидаемая результативность создания ИСМ может быть достигнута лишь в случае грамотного управления этим проектом. Создание ИСМ может происходить двумя путями [1].

Первый путь – создание аддитивных моделей, когда к системе менеджмента качества, соответствующей требованиям ISO 9001 и являющейся базовой, последовательно добавляются, например, система менеджмента промышленной безопасности и охраны труда, система экологического менеджмента, а также любые другие системы менеджмента. Второй путь – создание комплексных моделей, когда все системы менеджмента объединяются в единое целое и внедряются одновременно. Недостатком первого способа создания интегрированной системы ме-

неджмента является большая финансовая затратность, второго – высокая сложность и трудоёмкость для персонала. Вместе с тем, создание комплексных моделей является более целесообразным, так как позволяет сократить расходы на внедрение систем менеджмента примерно на треть по сравнению с аддитивными моделями, а также существенно упорядочить и облегчить работу организации, избавив от частых внешних и внутренних аудитов.

Порядок создания ИСМ может быть таким же, как и при создании СМК в соответствии с требованиями стандартов ISO серии 9000. В общем случае этот порядок включает последовательное выполнение этапов, показанных на рис. 2.

Рис. 2. Порядок создания интегрированной системы менеджмента

При создании интегрированной системы главенствующая роль должна принадлежать менеджерам организации и прежде всего – руководителям высшего звена. При разработке интегрированной системы менеджмента следует избегать механического объединения требований международных стандартов (без учета концепций и принципов, на которых базируются эти стандарты, и специфики сложившегося в организации менеджмента), что может привести к их формальному, поверхностному внедрению.

Следует отметить, что одним из важнейших этапов создания ИСМ является ее документирование. Именно здесь закладываются основы результативности и эффективности будущей системы. Документирование ИСМ предполагает определение ее документальных составляющих – состава, структуры и содержания – и установление правил их разработки и идентификации.

В ходе анализа стандартов авторами была определена структура документации ИСМ медицинской организации. Объем документации и степень ее детализации могут варьироваться в зависимости от масштаба организации, сложности выполняемых медицинских услуг, сложности и взаимодействия всех процессов, осуществляемых в организации (управленческих, обеспечивающих, основных процессов и др.), компетентности персонала, требований потребителей и заинтересованных сторон, а также от глубины, до которой необходимо подтверждать выполнение требований ИСМ.

В данной статье мы рассмотрим лишь ключевые документы ИСМ медицинской организации: политику, планы, программы предприятия, а также руководство по менеджменту. Политика организации – это документ, который должен одновременно удовлетворять требованиям стандартов, включаемых в ИСМ и поэтому включать три составляющие:

- политику в области качества, декларирующую основные направления и цели организации (ISO 9001:2008);
- политику в области охраны труда и профессиональной безопасности
- экологическую политику согласно ISO 14001 как заявление о принципах, обязательствах и направлениях экологической деятельности организации;
- политику в области социальных аспектов деятельности, демонстрирующую приверженность предприятия требованиям SA 8000.
- политику в области информационной безопасности и др.

Планы медицинской организации также определяются выбранными для ИСМ стандартами, необходимыми для поддержания ИСМ и отдельных ее компонентов. Планы носят долгосрочный, среднесрочный и краткосрочный характер. Так, например, к долгосрочным планам медицинской организации является стратегический план, план по качеству, а к краткосрочным – план внутреннего аудита, план мероприятий по совер-

шенствованию ИСМ, план пересмотра документов, план по аттестации рабочих мест, планы обучения персонала и другие.

Программы медицинской организации – это документы, в которых определяются цели и задачи по всем направлениям деятельности, ориентированные на ее улучшение, а также ресурсы, сроки и ответственные за их исполнение. Разработка и реализация программ предусматривается требованиями всех стандартов.

Руководство по менеджменту (PM) – это документ, наличие которого устанавливается только стандартом ISO 9001:2008. Поэтому PM должно соответствовать ISO 9001:2008 и учитывать требования других стандартов, а также:

- описывать ИСМ, в том числе принципы ее построения, организации, реальное состояние действующей ИСМ и перспективы развития в соответствии с определенной миссией, стратегией, видением и политикой организации, экологическими аспектами, а также аспектам охраны труда и информационной безопасности;

- содержать или ссылаться на документированные процедуры ИСМ, предназначенные для планирования и управления деятельностью, влияющей на качество устойчивого развития организации;

- охватывать применяемые разделы стандартов ISO 9001, OHSAS 18000, ISO 14001; ISO 27001 и SA 8000;

- описывать правила и порядок осуществления различных видов деятельности, использования документации и проведения контроля.

Документированные процедуры представляют собой организационно-техническую основу управления ИСМ, их наличие требуют все стандарты. Они подразделяются на общесистемные и специальные. *Общесистемные* процедуры – это процедуры, устанавливающие способы осуществления деятельности, общие для всех систем менеджмента. *Специальные* процедуры – это процедуры, регламентирующие порядок осуществления деятельности или процесса только в рамках конкретной системы менеджмента.

Таким образом, ИСМ являются необходимым условием выживания и успеха медицинской организации. Создание эффективной и результативной ИСМ – это сложный инновационный процесс совершенствования общего менеджмента организации.

Необходимо индивидуально подходить к каждому процессу создания ИСМ в зависимости от изменений внутренней и внешней среды организации, финансовых возможностей, требований потребителей, влияния деятельности организации на окружающую среду и социальную сферу. Эффективной и несложной моделью ИСМ медицинской организации является система менеджмента, базирующаяся на трех стандартах: ISO 9001, OHSAS 18000, ISO 14001. Однако такая система не является идеальной моделью для любой организации данной отрасли, она может модернизироваться и дополняться другими системами менеджмента, например системой менеджмента системой социальной ответственности, системой менеджмента информационной безопасности и др. Интегрирование систем менеджмента (качества, безопасности, экологии и др.), отвечающих требованиям международных стандартов, следует рассматривать как предпосылку для устойчивого развития медицинской организации, деятельность которой строится с учетом всех заинтересованных сторон.

Литература

1. Свиткин М. З. Практические аспекты создания ИСМ // Методы менеджмента качества. – 2007. – № 5. – С. 21–30.
2. Трошин В. Н. Интегрированные системы менеджмента – что это такое? // Стандарты и качество. – 2002. – № 11. – С. 11–13.
3. Хохлявин С. А. Национальные и международные стандарты облегчают интеграцию систем менеджмента: зарубежный опыт // Сертификация. – 2008. – № 2. – С. 31–38.

N. F. Knyazyuk

Baikal international Business School of Irkutsk State University,
Vice-Head Doctor for quality of Irkutsk Diagnostic Centre, Irkutsk

The perspectives of implementation of integrated systems of management in medical organizations

The article covers the issue of developing and implementing an integrated system of management, which is viewed as a precondition for stable development of an organization. The key scientific and organizational-methodical approaches to developing integrated systems are presented in the article. Developing an integrated system of management of a medical organization, in author's opinion, is a complicated innovation project, aimed at improving the efficiency of total management of a medical organization.

Keywords: management, integrated systems, enterprise management, medical organizations.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Альмухамедов Алексей Александрович – заместитель мэра – председатель комитета по экономике Администрации города Иркутска.

E-mail: almu@irkadm.ru

Антонова Людмила Львовна – главный советник отдела социологических исследований Экспертного управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области, доктор социологических наук, профессор.

E-mail: l.antonova@govirk.ru

Белоусова Светлана Владимировна – ведущий научный сотрудник отдела региональных экономических и социальных проблем Иркутского научного центра СО РАН, кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: belousova@oresp.irk.ru

Большакова Анна Александровна – главный специалист отдела по развитию предпринимательства и инновациям Администрации города Усть-Илимска.

E-mail: annabo@ust-ilimsk.ru, annuschks357@yandex.ru

Гимельштейн Александр Владимирович – главный редактор Издательской группы «Восточно-Сибирская правда», профессор Иркутского государственного университета, кандидат исторических наук.

E-mail: vsp@irk.ru

Грабельных Татьяна Ивановна – заведующая социологической лабораторией региональных проблем и инноваций Института социальных наук и НИЧ Иркутского государственного университета, профессор кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета, доктор социологических наук, профессор.

E-mail: tagr@bk.ru

Григорьева Елена Ивановна – директор Автономной некоммерческой организации «Восточно-Сибирский научно-творческий центр Российской Академии архитектуры и строи-

тельных наук», член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук.

E-mail: sar@irk.ru

Гусева Мария Михайловна – инженер отдела региональных экономических и социальных проблем Иркутского научного центра СО РАН.

E-mail: marymm_2003@mail.ru

Добрынина Марина Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Журавлева Ирина Александровна – доцент кафедры регионоведения и социальной экономики Института социальных наук Иркутского государственного университета, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: irlend@mail.ru

Змановский Илья Сергеевич – аспирант специальности «Экономика труда» Байкальского государственного университета экономики и права.

E-mail: nei10@mail.ru

Иванова Татьяна Николаевна – заведующая кафедрой социологии Тольяттинского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: IvanovaT2005@tltsu.ru

Истомина Ольга Борисовна – доцент кафедры общественных наук Ангарской государственной технической академии, кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: olgaistomina@mail.ru

Калдаре Вероника Петровна – аспирантка специальности «Социология управления» Московского городского педагогического университета.

E-mail: veronika-kaldare@yandex.ru

Карпикова Ирина Серафимовна – доцент кафедры социологии и социальной работы Байкальского государственного университета экономики и права, кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: ikarpikova@mail.ru

Князюк Надежда Феофановна – заведующая кафедрой менеджмента Байкальской международной бизнес-школы Иркутского государственного университета, заместитель главного врача Иркутского диагностического центра по качеству, кандидат медицинских наук.

E-mail: kniazuk@yandex.ru

Коробицина Татьяна Валерьевна – профессор кафедры криминалистики ФГКОУ ВПО «Сибирский юридический институт Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков», доктор медицинских наук.

E-mail: onrio@sibli.ru

Меерович Марк Григорьевич – профессор кафедры архитектурного проектирования Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук.

E-mail: memark@inbox.ru

Невирко Дмитрий Дмитриевич – исполняющий обязанности начальника ФГКОУ ВПО «Сибирский юридический институт Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков», доктор социологических наук, профессор.

E-mail: onrio@sibli.ru

Нечипоренко Ольга Владимировна – ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, доктор социологических наук.

E-mail: olganechiporenko@yandex.ru

Нечипоренко Мария Анатольевна – студентка 5 курса специальности «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета.

E-mail: nma_09@mail.ru

Осинский Иван Иосифович – профессор кафедры философии Бурятского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

E-mail: intellige2007@rambler.ru

Потороченко Николай Анатольевич – начальник отдела инновационной деятельности Иркутского научного центра

СО РАН, доцент кафедры информационных систем Института математики, экономики и информатики Иркутского государственного университета, кандидат физико-математических наук.

E-mail: potor_n@rambler.ru

Решетников Владимир Алексеевич – директор Института социальных наук Иркутского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

E-mail: vresh@socio.isu.ru

Сечко Наталья Николаевна – старший научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси, кандидат социологических наук.

E-mail: nsechko@cosmostv.by

Соколова Галина Николаевна – заведующая отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии Национальной академии наук Беларуси, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь.

E-mail: gnsok@cosmostv.by

Тараканов Михаил Александрович – старший научный сотрудник отдела региональных экономических и социальных проблем Иркутского научного центра СО РАН, кандидат экономических наук.

E-mail: mihaltar@mail.ru

Ткачева Марина Львовна – доцент кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права, кандидат философских наук

E-mail: margo514@yandex.ru

Токарский Борис Леонидович – заведующий кафедрой социологии и социальной работы Байкальского государственного университета экономики и права, доктор экономических наук, профессор.

E-mail: tokarsky@isea.ru

Цветкова Ирина Викторовна – профессор кафедры философии Тольяттинского государственного университета, доктор философских наук, доцент.

E-mail: aleksandr.kozlov.mail.ru

Чернов Виталий Вениаминович – заместитель декана по второму высшему образованию социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, доцент кафедры прикладной социологии Российского государственного гуманитарного университета, кандидат социологических наук, доцент, член правления РОО Иркутское Землячество «Байкал» в г. Москве.

E-mail: che10@bk.ru

Чойропов Цырен Цыдыпович – заведующий кафедрой «Социология и политология» ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», доктор социологических наук, профессор.

E-mail: ciren@mail.ru

Шинкевич Владимир Ефимович – начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела ФГКОУ ВПО «Сибирский юридический институт Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков», доктор социологических наук, доцент.

E-mail: onrio@sibli.ru

INFORMATION ON AUTHORS

Aleksey A. Almukhamedov – Vice-Mayor – Chairman of the Committee for Economics of Irkutsk City Administration.

E-mail: almu@irkadm.ru

Ludmila L. Antonova – Chief Adviser of Sociological Investigations Department of Expert Administration of Irkutsk Region Governor's Office and Irkutsk Region Government, Doctor of Sociology, Professor.

E-mail: l.antonova@govirk.ru

Svetlana V. Belousova – Leading Research Officer of Department of Regional Economic and Social Problems of Irkutsk Scientific Center of SB RAS, Candidate of Economics, Associate Professor.

E-mail: belousova@oresp.irk.ru

Anna A. Bolshakova – Leading Specialist of Entrepreneurship Development and Innovations Department of Ust-Ilimsk Town Administration.

E-mail: annabo@ust-ilimsk.ru, annuschks357@yandex.ru

Aleksander V. Gimelstein – Editor-in-chief of Publishing Group “Eastern-Siberian Truth”, Professor of Irkutsk State University, Candidate of History.

E-mail: vsp@irk.ru

Tatyana I. Grabelnykh – Head of Sociological Laboratory of Regional Problems and Innovations of Institute of Social Sciences and Research Department of Irkutsk State University, Professor of Social Philosophy and Sociology Chair of Institute of Social Sciences of Irkutsk state University, Doctor of Sociology, Professor.

E-mail: tagr@bk.ru

Elena I. Grigoryeva – Director of Autonomous Noncommercial Organization “Eastern Siberian Scientific-creative Center of Russian Academy of Architecture and Construction sciences”, a Correspondent Member of Russian Academy of Architecture and Construction sciences.

E-mail: sar@irk.ru

Maria M. Guseva – Engineer of Regional Economic and Social Problems of Irkutsk Scientific Center of SB RAS.

E-mail: marymm_2003@mail.ru

Marina I. Dobrynina – Candidate of Philosophy, Associate Professor of Political Science and Sociology Chair of Buryat State University.

Irina A. Zhuravleva – Associate Professor of Region Studies and Social Economics Chair of Institute of Social Science of Irkutsk State University, Candidate of Philosophy, Associate Professor.

E-mail: irlend@mail.ru

Ilya S.Zmanovskiy – Postgraduate Student of “Economics of labor” Course of Baikal State University of Economics and Law.

E-mail: nei10@mail.ru

Tatyana N. Ivanova – Head of Sociology Chair of Toliatti State University, Candidate of Sociology, Associate Professor.

E-mail: IvanovaT2005@tlttsu.ru

Olga B. Istomina – Associate Professor of Social Sciences Chair of Angarsk State Technical Academy, Candidate of Sociology, Associate Professor.

E-mail: olgaistomina@mail.ru

Veronika P. Kaldare – Postgraduate Student of „Sociology of Management“ Course of Moscow City Pedagogical University.

E-mail: veronica-kaldare@yandex.ru

Irina S. Karpikova – Associate Professor of Sociology and Social Work of Baikal State University of Economics and Law, Candidate of Economics, Associate Professor.

E-mail: ikarpikova@mail.ru

Nadezhda F. Knyazyuk – Head of Management Chair of Baikal International Business School of Irkutsk State University, vice-head doctor of Irkutsk Diagnostic Center for quality, Candidate of Medicine.

E-mail: knyazyuk@yandex.ru

Tatyana V. Korobitsina – Professor of Criminalities Chair of “Siberian Law Institute of Federal agency of Russian Federation for drug circulation control”, Doctor of Medicine.

E-mail: onrio@sibli.ru

Mark G. Meerovich – Professor of Architectural Designing Chair of National Research Irkutsk state Technical University, Doctor of History, Professor, a correspondent member of Russian Academy of Architecture and Construction sciences.

E-mail: memark@inbox.ru

Dmitriy D. Nevirko – Acting Head of “Siberian Law Institute of Federal Agency of Russian Federation for drug circulation control”, Doctor of Sociology, Professor.

Olga V. Nechiporenko – Leading Research Officer of Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Doctor of Sociology.

E-mail: olganechiporenko@yandex.ru

Maria A. Nechiporenko – 5th year Student of Sociology course of Institute of Social Science of Irkutsk State University.

E-mail: nma_09@mail.ru

Ivan I. Osinskiy – Professor of Philosophy Chair of Buryat State University, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation.

E-mail: intellige2007@rambler.ru

Nikolay A. Potorochenko – Head of Innovation Activity Department of Irkutsk Scientific Center of SB RAS, Associate Professor of Information Systems Chair Of Institute of Mathematics, Economics and Informatics of Irkutsk State University, Candidate of Physics and Mathematics.

E-mail: potor_n@rambler.ru

Vladimir A. Reshetnikov – Director of Institute of Social Sciences of Irkutsk State University, Doctor of Philosophy, Professor.

E-mail: vresh@socio.isu.ru

Natalya N. Sechko – Senior Research Officer of Institute of Sociology of Belarus National Academy of Sciences, Candidate of Sociology.

E-mail: nsechko@cosmostv.by

Galina N. Sokolova – Head of Department of Economic Sociology and Social Demography of Institute of Sociology of Belarus National Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Education Worker of Belarus.

E-mail: gnsok@cosmostv.by

Mikhail A. Tarakanov – Senior Research Officer of Regional Economic and Social Problems Department of Irkutsk Scientific Center of SB RAS, Candidate of Economics.

E-mail: mihaltar@mail.ru

Marina L. Tkacheva – Associate Professor of Philosophy Chair of Baikal State university of Economics and Law, Doctor of Economics, Professor.

E-mail: margo514@yandex.ru

Boris L. Tokarskiy – Head of Sociology and Social Work Department of Baikal State University of Economics and Law, Doctor of Economics, Professor.

E-mail: tokarsky@isea.ru

Irina V. Tsvetkova – Professor of Philosophy Chair of Toliatti State University, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

E-mail: aleksander.kozlov@mail.ru

Vitaliy V. Chernov – Vice – Dean for Second Higher Education of Sociology Faculty of Russian State Humanitarian University, Associate Professor of Applied Sociology Chair of Russian State Humanitarian University, Associate Professor, Member of the Board of Irkutsk Expatriates' Community “Baikal” in Moscow.

E-mail: che10@bk.ru

Tsyren Ts. Choiropov – Head of Sociology and Political Science Chair of Eastern-Siberian University of Technology and Management, Doctor of Sociology, Professor.

E-mail: ciren@mail.ru

Vladimir E. Shinkevich – Head of Organization-scientific and Editorial-publishing Department of “Siberian Law Institute of Federal Agency of Russian Federation for drug circulation control”, Doctor of Sociology, Associate Professor.

E-mail: onrio@sibli.ru

Научное издание

**МОДЕРНИЗАЦИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ
РЕГИОНАЛЬНОГО И ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ**

Сборник научных трудов

**MODERNIZATION AND CONSTRUCTION OF REGIONAL AND
MUNICIPAL DEVELOPMENT STRATEGIES**

Collection of scientific works

Перевод Е. В. Лесниковской
Фото на обложке:

Фото на форзаце Е. В. Гольцовой

Translation by E.V. Lesnikovskaya
Photos on cover by

Photos on fly-leaf by E. V. Goltsova

ISBN 978-5-9624-0563-6

Подготовлено к печати в авторской редакции

Темплан 2011 г. Поз. 121.

Подписано в печать 12.12.2011.

Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 17,4. Уч.-изд. л. 14,9.

Тираж 100 экз. Заказ 156.

Издательство ИГУ

664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36; тел. (3952) 24-14-36